Максим СЕВЕРИН ★ Александр ИЛЬЮШЕЧКИН

Я дрался в Афгане

ФРОНТ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

ЧИСТИЛИЩЕ Афгана и Чечни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На Афганской войне не было линии фронта, но не было и тыла — смерть подстерегала здесь на каждом шагу, автоколонны зачастую несли не меньшие потери, чем штурмовые части, в засады и под обстрел попадали не только десантники и спецназ, но и «тыловики» — фронт был повсюду. И пусть наши войска не сидели в окопах, эта книга — настоящая «окопная правда» последней войны СССР — жесткая, кровавая, без прикрас и самоцензуры, — о том, каково это: ежеминутно ждать выстрела в спину и взрыва под ногами, быть прижатым огнем к земле, ловить пулю собственным телом и отстреливаться до последнего патрона, до последней гранаты, оставленной для себя в кармане самодельной «разгрузки»…

В рассказах ветеранов-«афганцев» поражает многое — с одной стороны, непростительные стратегические ошибки, несоответствие наличных сил, вооружения и экипировки особенностям театра военных действий и характеру решаемых задач, ужасающе высокий уровень тяжелых инфекционных заболеваний, вызванных антисанитарией и отсутствием чистой питьевой воды; а с другой — великолепная организация боевой работы и взаимодействия родов войск, которая и не снилась нынешней РФ. Афганскую войну проиграла не Советская Армия, а политическое руководство СССР, попавшееся в американскую ловушку и втянувшее страну в многолетнюю бойню, победить в которой было невозможно.

- Максим Северин, Александр Ильюшечкин
  -
  - Предисловие
  - Скокленко Петр Григорьевич
  - Хатамов Эркин Исмаилович
  - Гудков Николай Васильевич
  - Потапов Владимир Иванович
  - Зорюков Евгений Дмитриевич
  - Мотин Александр Вячеславович
  - Давыденко Владимир Александрович
  - Агафонов Александр Петрович
  - Вакулюк Яков Николаевич
  - Фетисов Александр Васильевич
  - Никольский Алексей Вячеславович
  - Антюхов Валерий Иванович
  - Устинов Александр Петрович

- Катаев Геннадий Николаевич
- Зайцев Александр Владимирович
- Семенов Николай Александрович
- Малеев Сергей Петрович
- Филиппов Виктор Николаевич
- Денисов Юрий Анатольевич
- Приложения
  - Приложение 1
  - Приложение 2

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Максим Северин, Александр Ильюшечкин
Я дрался в Афгане. Фронт без линии фронта

Выражаем искреннюю признательность всем тем, кто оказал нам огромную помощь в написании книги, а именно:

Генералу армии Владимиру Ильичу ИСАКОВУ — за неоценимую помощь, оказанную в поиске материалов и предоставленную литературу.

Председателю Брянского областного объединения Союза ветеранов Афганистана Вячеславу Петровичу ГУБАНОВУ — за организационную помощь в работе с ветеранами.

Председателю Бежицкого районного отделения Брянского областного объединения Союза ветеранов Афганистана Валерию Ивановичу АНТЮХОВУ — за великолепное интервью и огромную помощь в поиске ветеранов.

Виктору Ивановичу ПОЛОЗОВУ — за предоставленные фотоматериалы.

Сергею Викторовичу и Валентине Николаевне СЕВЕРИНЫМ — за помощь в поиске и работе с ветеранами, ценнейшие советы на всех этапах работы над книгой.

Дмитрию Валерьевичу ФИЛАТОВУ — за оказанную помощь в обработке материалов, техническую поддержку и помощь в организации встреч с ветеранами.

Роману Александровичу БАРАНОВУ — за помощь в литературной обработке текстов, поиск материалов в сети Интернет и консультации по вопросам бронетехники.

Руслане Рустамовне АЛИЕВОЙ — за содействие в записи интервью.

Андрею Александровичу ТРОСТИКОВУ — за предоставленные литературу, фотографии и помощь в их обработке.

А также всем без исключения героям нашей книги — за откровенный рассказ о событиях той далекой войны, оказанное авторам доверие и за предоставленные для книги текстовые и фотоматериалы.

Предисловие

«А ты за что дерешься здесь, лейтенант? За то, чтобы пять месяцев зарплату не получать?.. Ты, может быть, думаешь, что ты кому-нибудь нужен? Ты думаешь, ты этому нужен: «Э… россияне… понимаешь»? Нет. Ты вспомни «афганцев» — где они? Что с ними? Они же сейчас никому не нужны… Ты же будешь асфальт царапать культями в переходах! Ты подумай, лейтенант, подумай». Эти слова полевого командира чеченских боевиков Дукуса Исрапилова, персонажа нашумевшего в свое время кинофильма Александра Невзорова «Чистилище»[1], обращенные к командиру подбитого русского танка Игорю Григоращенко на улице разбитого Грозного в январе 1995-го, задевают душу… В этих нескольких фразах можно выразить ужасную проблему отношения общества к довольно большой части себя — ветеранам локальных войн, его непонимания и нежелания понимать этих людей, не говоря о попытках помощи им.

Или еще одна отвратительная и до боли известная ветеранам фраза: «Мы вас туда не посылали». А кто эти «мы»? Несколько отдельно взятых человек, улица, город или государство в целом? А тех воинов, кто, пойдя на верную смерть в 1380-м, 1812-м или 1941-м, спас от этой смерти остальных, обязательно кто-то должен был на эту смерть посылать? Или кто-то установил градацию войн и сражений на важные и не очень важные?

Без малого десятилетие, с декабря 1979-го по 15 февраля 1989-го, страна участвовала в необъявленной войне на чужбине, и о войне этой на широкой публике было принято говорить так же, как и о возвращавшихся домой в цинковых гробах ребятах: или хорошо, или ничего.

И только на кухнях в узком семейном кругу и приглушенным голосом можно было позволить себе высказать свое мнение о «важности интернационального долга советских воинов», нечасто выражавшееся цензурными словами. Информация о том, что на самом деле творилось в Афганистане, просачивалась вместе с вернувшимися из адского пекла парнями, и пусть мало кто из них мог рассказать близким всю правду, она читалась в их глазах… Эти повидавшие много ужаса, избитые афганскими песчаными бурями глаза говорили о многом: в них оставили след и постоянное нервное напряжение, и страх, и горечь утраты боевых товарищей, так быстро ставших хорошими друзьями. И еще что-то до сих пор написано в глазах каждого без исключения ветерана-«афганца», это чувство не поддается описанию словами, и самым близким к нему из слов будет слово «боль». Боль,

которой уже четверть века и которая останется с каждым из них навсегда. У каждого она своя и у всех общая, это и боль от досады из-за бессмысленности пережитых страданий и понесенных жертв, боль от забвения, которому страна предала своих героев, боль от того, что уже нельзя ничего изменить и никого уже не вернуть с того света. От такой боли нет и не может быть лекарства. Но ни в коем случае нельзя обижать забытого солдата жалостью и состраданием, можно лишь понять… понять и, поняв, разделить их боль и сохранить добрую память о тех, кто не вернулся, но будет вечно жить в сердцах родных и в памяти боевых товарищей.

Война в Афганистане существенно отличалась от войны в обычном понимании этого слова. Противником наших войск в ней выступали отряды мятежников, оснащенные, как правило, легким вооружением, разнившимся от магазинной винтовки Ли-Энфилда выпуска начала XX века до новейших ПЗРК «Ред Ай» и «Стингер», поставлявшихся им агентами западных спецслужб через Пакистан. Крупномасштабных штурмов и сражений на открытой местности практически не было, как не было и самой линии фронта, боевые действия с самого начала приобрели характер партизанской войны, изобиловавшей засадами и диверсиями. В таких условиях наши солдаты никогда и нигде не могли чувствовать себя в полной безопасности, ведь любой фрукт или жевательная резинка, купленные у добродушно улыбающегося местного жителя, могли быть отравлены, а в любой выбоине дороги мог быть заложен фугас огромной мощности. Поэтому даже тех ветеранов, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях, нельзя назвать «тыловиками» или «небоевыми» — все они не раз попадали под обстрелы, каждый их шаг по горной тропе мог стать последним.

Эта книга создавалась для того, чтобы дать человеку возможность высказаться, поведав читателю то, о чем сначала не хотели писать в газетах и говорить с экранов телевизоров, а потом не пожелали слушать в чиновничьих кабинетах. Она о людях, мирно живущих сегодня среди нас, и люди эти очень редко рассказывают о своей войне и еще реже достают из дальних уголков шкафов старенькие пиджаки с заработанными потом и кровью боевыми наградами, не считая при этом свою «За отвагу» чем-то, что заслуживает особенного внимания.

Мы собрали воедино рассказы ветеранов войны в Афганистане, специально не деля их ни по родам войск, ни хронологически, позволив каждому герою высказать все, что накипело за эти годы у него на душе, ведь с окончания этой войны успело вырасти целое поколение, и каждый воин-«афганец»

волей-неволей десятки раз во всех подробностях переосмыслил произошедшее с ним, дав событиям трезвую и зрелую оценку. Каждый рассказчик видел весь тот безмерно далекий для нас сегодня ужас своим взглядом, каждый хлебнул свой глоток горя, страха и боли.

Двумя десятками сливающихся воедино голосов, нарушающих многолетнее молчание, забытые воины раскрывают перед нами картину войны во всей ее неприглядности, ужасе и отвратительности для человеческого сознания. И ни один из них не проронил ни слова лжи, ни единой фразы, хотя бы в ничтожной доле наделенной тщеславием, закаленные войной зрелые мужчины рассказали о том, что видели, о чем думали тогда и думают сейчас, что чувствовали и что чувствуют.

Каждый вынес оттуда что-то свое: кто-то познал дух боевого братства и полной взаимовыручки, научившись ценить настоящую мужскую дружбу; кто-то, заглянув в бездонные глаза смерти, начал абсолютно по-иному к ней относиться и с новой силой полюбил жизнь; кому-то пережитое там навсегда перевернуло жизнь, искалечив психику и душу. Но никто из них не остался после той войны прежним, ведь, как говорят, нельзя дважды войти в одну реку, и, пересекая Амударью в обратном направлении, каждый из наших героев был уже совершенно другим человеком.

Каждый рассказ индивидуален, но в них и немало общего. Когда несколько десятков незнакомых между собой людей одинаково рассказывают об одних и тех же фактах, эти факты уже не подлежат никаким сомнениям. Так находится истина, которая, как оказывается, так же как и в случае с Великой Отечественной войной, имеет очень мало общего с воплями пропаганды, официальной позицией властей, средств массовой информации и сложившимся на их основе общественным мнением.

В беседах с участниками событий удивляешься очень многому — это и ужасно высокий уровень тяжелых инфекционных заболеваний, вызванных антисанитарией и отсутствием чистой питьевой воды; и крайне нестандартные тактические приемы, на которые толкала обстановка; и очень частое несоответствие имевшегося вооружения и экипировки поставленным задачам, и многое-многое другое. И чем больше авторы общались с ветеранами Афгана, тем меньше удивления стали вызывать немыслимые по первому впечатлению факты, а на смену им начала по кусочкам складываться картинка реальных событий. Полной для нас она не будет уже никогда, ибо для нее надо выслушать не несколько, а сотни тысяч солдат, прошедших Афганистан, не забыв и о мнении не меньшего числа их бывших

противников. К сожалению, за исключением полных искажения и открытой лжи статей западных СМИ и редких, полных пафоса и напускной бравады телевизионных интервью бывших полевых командиров, взгляд «с той стороны» недоступен.

Стрельба и взрывы в Афганистане слышны и спустя 22 года после вывода оттуда советских войск — афганцы воюют с войсками Западной коалиции и с самими собой, и войне этой в ближайшем времени конца не видно. С чего все началось, чем может закончиться и кто во всем этом виноват, и нужна ли была нам та война? Обсуждение этих вопросов столь же бесконечно, как и кровавая вражда всех со всеми, тянущаяся веками на территории этой многострадальной страны. Подобная политическая и военная полемика останется за рамками этой книги, дающей слово не крупным ученым умам, пишущим многотомные научные трактаты о том, чего они никогда не видели и не увидят своими глазами, а непосредственным участникам событий, которые не раз оказывались прижатыми к земле огнем, своими телами ловили вражеские пули и, не думая о высоких материях, давали свой прицельный ответ врагу на предложение сдаться в безнадежной ситуации, отбиваясь до последнего патрона в магазине своего АКС-74, до последней, припасенной для себя гранаты в кармане самодельной разгрузки. И они выходили из этого боя победителями, в изорванной форме, с наспех перемотанными ранами, по крутым склонам афганских гор выносили они своих раненых товарищей, чтобы спустя всего лишь несколько лет, до хрипоты в голосе «выбивая» в чиновничьем кабинете положенное жилье, услышать в ответ ту самую, полную морального уродства фразу: «Мы вас туда не посылали!»

Скокленко Петр Григорьевич

Я выпускник Севастопольской школы прапорщиков, основным профилем было строительство зданий и технических сооружений заводов. После окончания учебы проходил службу в городе Брянск. Когда пришел черед и в нашу часть поступила разнарядка отправить шестерых прапорщиков в Афганистан, первым нам был задан вопрос: «Кто из вас член партии?»; а вторым: «Изъявляете ли вы свое желание?». Таким образом, порядок «изъявления

желания» был добровольно-приказным. В случае отказа в придачу пообещали накопать на каждого «компромат», исключить из партии и довести дело до увольнения из армии. Делать было нечего, и коммунисты сделали шаг вперед.

Так, в конце октября 1982 года нас направили сначала в Московский военный округ, там посадили на поезд до Ташкента, который на тот момент входил в Туркестанский военный округ, был крупной перевалочной базой наших войск и считался чуть ли не прифронтовым городом. Через пару дней мы сели в транспортный самолет и примерно через четыре часа были уже в Кабуле, оттуда нас отправили кого куда. Я попал в 66-ю десантно-штурмовую бригаду, дислоцировавшуюся в районе Джелалабада. По прибытии в часть нас сразу направили на прием к командиру бригады, которым тогда был Джохар Дудаев. В разговоре он спросил у вновь прибывших прапорщиков о том, в подразделении какого назначения они хотели бы служить. Я сразу ответил, что я не хозяйственник, к тому же срочную служил командиром отделения в погранвойсках и владею всеми видами оружия. Выслушав меня, командир бригады назначил меня на должность командира пулеметно-гранатометного взвода 5-й роты.

5-я рота стояла в Баркандайском ущелье, прикрывая путь из Панджшерской алмазной долины в Пакистан. 5 ноября я прибыл в роту. Передо мной выстроился мой взвод. Смотреть на ребят было страшно — они жили в землянках, все как один были вшивые, одним словом — ужас. Запущенный взвод надо было приводить в порядок, и через два дня мы сделали из старого котла самодельную топку и устроили себе банный день. Сам я поселился вместе с бойцами в одной из землянок, под потолком которой, как оказалось, вместе с нами жила и кобра. И вот однажды ночью я один спал в землянке, как вдруг услышал непонятное шипение. Включив фонарик, я увидел, как под потолком висит змея. Я молнией выскочил из жилища, потом взял «эргэдэшку» и бросил ее в свою «келью». Когда дым рассеялся, я посветил фонариком в землянку и увидел, что змею разорвало на части, утром нам предстояла уборка.

Рядом с нами для поддержки стоял афганский батальон «зеленых». Но помощь оказывали только мы им, а не они нам, как предполагалось. Однажды к нам пришел афганец и сказал, что завтра ночью через поселок Маркин будут проходить банды, которым поставлена задача полностью уничтожить нашу роту, бывшую у душманов бельмом в глазу, мешавшую переправлять грузы из Пакистана, ведь кругом были горы высотой под 5000–6000 метров, поэтому обходить нас бандитам было крайне неудобно. Как только стемнело, мы небольшой группой в 10

человек отправились минировать тропу. Поставили две мины направленного действия МОН-250, немногим ранее была проведена пристрелка по долине всех трех наших гаубиц и нескольких минометов. Первый взрыв этой ночью прогремел в тот момент, когда мы играли в карты при свете лампад, по этой точке сразу же открыли огонь наши пушки и минометы, проверять результаты огня в темноте никто, естественно, не собирался. Спустя час взорвалась и вторая мина, установленная нами метров на 150 поближе, в дело вновь вступили орудия и минометы. Утром два взвода на «бээмпэшках» проехали перекидной мост и отправились на осмотр места боя. Крови там было столько, словно ее лили из ведра, местами лежали оторванные руки, ноги, кишки. Уже потом тот же афганец-разведчик, который навел нас на эту группу душманов, сказал, что этой ночью противник потерял 63 человека только убитыми. Там, на месте, я обратил внимание на тело одного душмана, лежавшего навзничь за кустом: убитый был в резиновых калошах, а на каждой руке было по шесть пальцев (его прозвище среди своих так и было: Шестипалый). Я его перевернул, вытащил из карманов документы. Забирать тело с собой не было смысла, и я выдернул чеку из «эфки», перевернул труп на живот и подложил гранату под него, решив оставить «духам» небольшой сюрприз. Но они были не дураки и, наблюдая за нами с гор в бинокли, видели все мои действия.

Следующей ночью, прихватив с собой приборы ночного видения, мы вышли в засаду. Заняв позицию метрах в ста от заминированного трупа, мы ждали душманов в надежде убить еще пару-тройку. Так прошла эта ночь, за ней вторая, третья… На четвертый день к нам в расположение с белым флагом пришли переговорщики, требовали они одно: отдать им тело их полевого командира. Командир роты сказал: «Забирайте, кто вам не дает». Парламентеры же ответили, что знают, что труп заминирован. О ситуации сразу доложили в штаб бригады, оттуда прилетели спецы-разведчики, один из которых в звании полковника, когда на его вопрос «Кто минировал?» все указали пальцем на меня, сказал: «Бери с собой людей и иди разминируй!» Двоих душманских парламентеров было решено придержать у себя в качестве заложников.

Оставив прикрывавших меня ребят немного позади на берегу, я пошел к телу Шестипалого. Я шел и думал, что это могут быть и мои последние шаги по этой земле, но, к счастью, в меня никто не стрелял. Подойдя к телу, я без особого труда достал из-под него гранату и бросил ее в речку. Разминирование на этом было окончено. Нашим условием было, чтобы душманы несли тело

своего командира к месту погребения только через наши позиции, чтобы по нам в это время никто не открыл огня. И как только афганцы с телом скрылись из видимости, по нам начался массированный минометный обстрел.

Вскоре после этих событий последовало решение командования вывести нашу роту в Асадабад, где стояли основные силы батальона. В переводе название этого города означает «каменный мешок», говорили даже, что монголо-татары в свое время не смогли взять его штурмом.

Итак, для содействия эвакуации нашей роты 27 декабря 1982-го из Кабула стали прибывать подразделения десантников; по моим расчетам, в этой операции было задействовано несколько тысяч человек. Из восьми наших БМП на ходу было только три, остальные пришлось тащить на тросах. 25 километров до Асадабада мы шли около двух суток. Был такой момент, когда по хребтам гор слева и справа от нас шли прикрывавшие нас бойцы; на одного парня из 182-го «Кабульского» полка в этих горах напали сразу двое душманов. А он от страха как схватил их обоих руками под горло, так и удушил, мы долго не могли разжать его захваты вокруг шей уже остывавших врагов — руки свело сильнейшей судорогой. За этих «духов» бойца представили к награждению орденом Красной Звезды.

В Асадабаде нас сначала разместили в палатках, а немного отдохнув, мы стали строить более капитальные жилища. Население Асадабада тогда было всего тысяч 20 человек, наши инструкторы обучали там афганскую милицию, в городе также стоял отдел глубинной разведки и другие спецподразделения, необходимые на границе. И только мы немного освоились на новом месте, как узнали о решении заменить наш батальон на 3-й, а нас перевести в Джелалабад, на окраине которого стояло управление нашей бригады. Нам предстояло пройти около 120 километров по далеко не безопасному маршруту по дороге под отвесными горами вдоль реки Кунар. Мы двигались медленно: на дороге было много мин, и впереди нас постоянно шли саперы, щупами и миноискателями проверявшие каждый метр земли. Самой трудной для обнаружения была 24-килограммовая итальянская мина, корпус которой был целиком изготовлен из пластика: металлоискатели на нее не реагировали, и обнаружить ее поэтому можно было только с помощью щупа, плюс ко всему у нее был механизм многократного нажатия, и срабатывала она, как правило, под третьей машиной. И, несмотря на все меры предосторожности, несколько машин во время марша все-таки подорвались.

П. Г. Скокленко (в центре) со своими боевыми товарищами на БМП

По прибытии в бригаду нас вновь разместили в палатках. В роте к этому времени из 76 осталось всего 37 человек вместе с офицерами. Остальных свалили желтуха, тиф и малярия. Вскоре роту доукомплектовали до штата присланными из Союза бойцами, и после их недельной подготовки боевая деятельность началась вновь.

Всего я участвовал в четырех армейских операциях, проходивших в провинциях Кунар, Нангархар, Лагман на востоке Афганистана и у горы Тора-Бора в Нангархаре. Во время одной из этих операций мы уже было возвращались с прочесывания местности, как нам по рации сказали, что один из наших разведвзводов попал в серьезную передрягу: вертолетчики по ошибке забросили десантников на три километра в глубь пакистанской территории. Ребят быстро окружили душманы и начали бить из всех стволов. На помощь кинули два наших батальона, живыми мы нашли только троих солдат… Одним из них был командир погибшего взвода, как спустя годы выяснилось, мой земляк из Брянска (на одной из встреч Союза ветеранов в 1992 году в разговоре один из ветеранов вспоминал, как какой-то прапорщик вытаскивал его, раненного, к своим, и я сразу же понял, где мы с ним встречались до этого). Выход к своим был трудным, «духи» наседали, но мы, хотя и с потерями, оторвались от преследования.

Однажды в темноте на перевале мы чуть было не столкнулись с крупной кавалерийской частью душманов. Нам повезло — мы заметили их первыми метров за 500, услышав ржание сотен лошадей. А вскоре мы увидели огромную лавину конников, каждый из которых был с факелом. Сколько их было? Даже примерно определить численность этого потока мы не успевали. Нас затрясло, ведь все понимали, что, если нас заметят, — нам труба. К нашему счастью, с нами был артнаводчик. Этот старший лейтенант быстро определил по карте все необходимые расстояния, подготовив данные для стрельбы из долины, передал их по радиостанции, запросив огня «Градов». Вскоре мы увидели над долиной настоящее море огня: восемь систем залпового огня, каждая по 40 стволов, открыли огонь по нашим координатам. В голове крутилось только одно: что не долетит до «духов» — долетит до нас. Но реактивные снаряды, прошуршав над головами, умчались в самую гущу порядков противника. Что тогда началось! Взрывы снарядов, надрывное ржание лошадей, крики раненых — все сливалось в один ужасный звук, и еще очень запомнились лошади без наездников, в ужасе носившиеся в темноте. Ошеломленная внезапным огневым налетом, банда стала отходить за перевал. А уже поутру мелкие группы душманов стали нас окружать; отбиваясь, мы потихоньку отходили. В этом бою мне довелось быть в группе прикрытия. Благополучно спустившись с гор в долину, мы отправились в свои подразделения.

Довелось также и ходить на перехват каравана с оружием из Пакистана. Мы вышли ночью, высоких гор в том районе не было, были лишь холмы. Выбрав позицию, мы немного замаскировались, в расчете на то, что «духи» не заметят нас, пока не подойдут на удобную для огня дистанцию. Но, подойдя к нам на несколько сот метров, «духи», видимо, разглядели наши панамы и начали разворачивать свой караван доверху навьюченных верблюдов обратно. Нам опять ничего не оставалось, кроме того как навести на отходящий караван артиллерию. Командование посчитало эту операцию неудачной, так как значительную часть оружия и денег, переправлявшихся караваном, душманы смогли сохранить.

Хочется вспомнить и про армейскую операцию в провинции Лагман. По данным разведки, на одной из высот с отметкой более 2000 метров над уровнем моря находился так называемый «Французский госпиталь» — пятеро французских медиков-наемников лечили там раненых моджахедов, поэтому кодовое название армейской операции так и было: «Французский госпиталь». Три дня мы штурмовали эту высоту, но к госпиталю

было невозможно подойти: с каждой скалы из высеченных в камне дотов по нам «колбасили» из крупнокалиберных ДШК. От огня душманов в этих боях у нас погибло, если не изменяет память, 57 бойцов. Наконец, спустя три дня кровопролитного штурма нас отвели, а по высоте отработал наш самолет, сбросивший вакуумную бомбу. После мощнейшего взрыва высота замолчала. Все следующие дни мы занимались только вывозом трофеев: оружия, американских динамо-машин, вырабатывавших свет, китайских ДШК в смазке и прочего добра. Всего операция длилась 21 день, а по возвращении на базу в Джелалабад нам дали три дня на отдых, а после опять начались тренировки на стрельбище и подготовка к новым операциям.

Через некоторое время после боев у «Французского госпиталя» меня вызвали в штаб и объявили, что следующий месяц мне предстоит тренировать молодых снайперов. Почему выбрали именно меня? Когда мы еще стояли в Баркандайском ущелье, наш взвод на неделю был оставлен на высоте, прикрывать расположение роты. Нам тогда сильно докучал афганец, призывавший с соседней горы душманов скорее нас всех перебить, причем делал он это по несколько раз в день, и, когда его вопли стали сводить нас с ума, я не выдержал и снял его из СВД. За эту самодеятельность меня потом долго таскали по особым отделам, был и строгий выговор по партийной линии, но все обошлось, а слух остался — прозвище Снайпер прилипло надолго, хотя мастерству этому я специально нигде не обучался. Целый месяц мы стреляли день и ночь; ночной стрельбе с инфракрасными прицелами, кстати, уделялось довольно много внимания. Месяц прошел, капитан, контролировавший мою работу, принял у ребят экзамены, я был ненадолго свободен.

Отдыхать пришлось недолго: спустя какое-то время нас вновь решили перебросить в Асадабад на замену 3-го батальона, некогда сменявшего нас. Этот батальон там здорово потрепали: один из его взводов вышел на операцию по перехвату и уничтожению небольшого отряда бандитов, но попал в засаду на старом афганском кладбище. 27 человек погибли в том неравном бою, уцелел лишь один сержант, который сумел спрятаться под каменной плитой.

Здесь стоит рассказать и про кишлак Маравары, расположенный очень близко к границе с Пакистаном. Там стояла крупная банда, насчитывавшая около 3000 человек, инструктируемых американскими военными советниками. У нас была информация о том, что эти силы собирались занять Асадабад, выбив из него наши части. В один день меня, на тот момент зампохоза, направили в бригаду получить новые палатки.

Когда я там появился, то узнал, что на позициях нашего батальона, там, где я был всего несколько часов назад, вовсю идет настоящая бойня. Забыв про палатки, я побежал к вертолетной площадке, там в это время как раз приземлялись санитарные вертолеты. Я увидел, как из одного из них выгружают на носилках двоих моих бойцов: помощника командира взвода и рядового. Тут помкомвзвода, у которого одной пулей были перебиты сухожилия обеих стоп, сказал мне: «Прапорщик! Взвода нет!» — и я запрыгнул во взлетавшую «вертушку». По прилете к своим меня уже не пустили, и я вынужден был принимать трупы своих бойцов. До боя в моем взводе было всего 14 бойцов, а после него в живых остались лишь те двое раненых и я, остальные 11 ребят погибли.

Прибыв в Асадабад, мы расположились в домике, служившем до этого столовой, за несколько дней приспособили его для жилья. Вновь начались выходы на боевые операции, тесно взаимодействовали с разведкой, докладывавшей обо всех обнаруженных передвижениях душманов. В ходе одной из операций наш батальон совместно с 1-м батальоном бригады получил задачу взять отдельно стоявший населенный пункт, но он оказался до такой степени хорошо укрепленным, что подступить к нему было невозможно. Были большие потери на минах, наш лейтенант-медик наступил на одну мину-«лягушку» левой ногой, взрывом ему оторвало ногу и откинуло на вторую мину, которая оторвала лейтенанту правую руку и выбила глаз. Его, полуживого, вынесли из боя и отправили в госпиталь, потом, когда мы интересовались судьбой товарища, нам сказали, что он выжил.

Расскажу и про операции по зачистке кишлаков и призыву новобранцев в армию ДРА. Делалось все просто: мы окружали кишлак и устраивали тотальную проверку документов у его мужского населения призывного возраста; если у мужчины не было документа о том, что он уже проходил службу в частях армии Демократической Республики Афганистан, то он вставал в строй у «вертушки», на которой вскоре и отправлялся на сборный пункт. Поначалу афганские солдаты служили по месту жительства, но эта практика не зарекомендовала себя — по ночам многие такие «солдаты» могли участвовать в боестолкновениях уже на стороне душманов, процент дезертирства был очень высоким. Поэтому вскоре «зеленые» стали нести службу там, где они не знали, в каком направлении находится их дом. Воевали «зеленые», конечно, без лишнего энтузиазма: только вроде бы они шли впереди (честно скажу: нередко мы отправляли их вперед себя, на случай обстрела или мин, ведь каждый берег своих

солдат), а через несколько мгновений — они уже сзади.

— Вашему подразделению приходилось выполнять задачи по сопровождению транспортных колонн?

— Да. Сопровождение грузов тоже считалось одним из видов боевых операций. Так, в праздничный день 8 Марта мы отправились к заданной точке встречи с нашей колонной; встретив ее, мы подключились к сопровождению. В одном из наиболее узких мест шедший впереди танк подорвался и полностью перегородил дорогу, тут же с гор «духи» открыли огонь из пулемета. Один солдат подбежал с тросом в попытке зацепить подбитый танк и оттащить его с дороги, но был убит огнем душманского пулемета, вскоре к танку попытался подобраться второй боец, но тоже погиб. Колонна остановилась. Меня вызвал комбат и сказал: «Ты у нас самый старый и знаешь эти горы. Огневую точку надо убрать». Мне тогда шел 32-й год, и я на фоне молодых офицеров по 25–27 лет, недавно вышедших из училищ, и солдат-срочников действительно был самым старым. С собой я взял восьмерых самых отчаянных солдат, в том числе и одного сапера для расчистки пути, и отправился со своей группой в обход позиций «духов», заходя с обратной стороны горы. Нам удалось незаметно подобраться к вражескому пулеметному гнезду, и подобрались мы к ним в удачное время — «духи» как раз сидели и пили чай, и лишь пулеметчик сидел у замаскированной амбразуры; душманы о чем-то громко разговаривали, хохотали. Подобравшись поближе, мы забросали их гранатами. В живых остался только пулеметчик. Захватив его в плен, мы навьючили на него трофейный пулемет и двинулись в обратный путь. Перед отходом наш сапер заминировал схрон с боеприпасами, находившийся недалеко от гнезда; по нашим расчетам, кстати, их хватило бы душманам на добрый месяц обороны своей норы. Радиоуправляемый заряд мы подорвали, отойдя на безопасное расстояние.

За этот пулеметный расчет меня представили к ордену Красной Звезды. Я даже расписался в спецчасти за орден Красной Звезды, а во время награждения на построении я услышал, что вместо Красной Звезды награжден медалью «За отвагу». Майор, начальник финотдела, на этом же награждении получает Красную Звезду: за то, видимо, его наградили, что он сидел в штабе и хорошо считал деньги. Вся бригада — а это две тысячи человек, стоявших в строю, — увидев такую вопиющую несправедливость, взревела в один голос: «За что?!» Но я все равно заготовил ящик водки, не пропадать же добру, выпили и за медаль. Одним словом, на войне как на войне.

— С фанатиками сталкивались?

— Да, частенько. Рядом же был Пакистан, и нам постоянно докучали так называемые «чернорубашечники» — душманы какого-то своего особого толка, носившие черные мантии и, похоже, очень часто шедшие в бой под наркотиками, их в таком состоянии даже пуля не всегда останавливала.

Однажды в Кунаре мы побывали в рукопашной. Мы как раз вышли из-за одной горы, а они — из-за другой. Нас было семь человек, а их — человек пять, и благо, что они по возрасту были уже немолодые. Мы побросали автоматы и накинулись на душманов с ножами, в схватке они все же смогли убить одного нашего парня, мы перебили их всех.

Провинция Кунар, примыкавшая к Пакистану, вообще была настоящим рассадником душманских банд, доставлявших нам много проблем. Так, в один день они сбили наш транспортный самолет Ан-24 с двенадцатью офицерами-заменщиками на борту, заходивший на посадку под Джелалабадом. Сбитый из ПЗРК самолет рухнул прямо в ущелье. Старейшины одного из аулов сами приехали к нам в бригаду и указали место, где упал самолет. Эвакуировать останки вместе с нами пошел известный тогда военный корреспондент Александр Александрович Каверзнев. Мы поднимались на высоту с отметкой 3080, последний отрезок пути идя уже по снегу. Обнаружив место падения, мы начали искать и собирать останки погибших в специально взятые для этого пакеты: от 12 человек пассажиров и шести членов экипажа нам удалось собрать лишь примерно сорок килограммов рваного человеческого мяса. Говорили, что, когда нечего было хоронить, в цинковый гроб грузили камни и, маркируя «Вскрытию не подлежит», отправляли родным погибшего.

— Самоубийства среди солдат и офицеров были частым явлением?

— Мой земляк по фамилии Игонин в ту пору служил в Кабуле в 181-м полку заместителем по продовольственной части. Не успел он отслужить в Кабуле и месяца, как начальник продовольственной службы приказал ему загрузить машину продовольствием и разгрузить ее в точке встречи с покупателями. И только успел он выгрузиться, как подъехали наши ваишники. На первом допросе он никого не сдал, а после пошел в баню и там застрелился.

Случалось, что по своей неосторожности погибали. Так, наш замполит, когда мы как раз охраняли сельскохозяйственные поля,

ожидал своего сменщика. Вместе с группой бойцов он сидел на одной из высот за Кунаром, когда ему сказали, что приехал сменяющий его офицер. Он не стал ждать паром и решил пересечь реку вплавь; не справившись с течением, замполит утонул, тело его так и не нашли.

Один уходивший на дембель солдат приехал к нам в Асадабад порыбачить, взял стограммовую тротиловую шашку, вставил детонатор с бикфордовым шнуром… А шнур оказался пустотелым и мгновенно прогорел — парню оторвало руку.

Был случай, когда офицеры устроили дуэль из-за женщины, которых, кстати, в нашей бригаде было 63 человека: бухгалтеры, медики, прачки, повара. Двое старших лейтенантов стрелялись, а третий был у них кем-то наподобие секунданта. Один получил пулю в плечо, а второму тоже задело плечо, но по касательной. Им повезло, что стрелялись они из «макаровых» с 50 метров. Если бы стояли ближе, то все могло закончиться намного хуже. В итоге всех троих разжаловали до рядовых и уволили из армии. Женщины там часто вели себя не так, как надо, ведь «боевики» уходили на операции, а «тыловики» оставались. Так, один солдат из 41-го ДШБ привез раненого в госпиталь и решил заодно проведать свою женщину, зашел в палатку и застал ее с краснопогонником-тыловиком. Парень, недолго думая, выхватил «эфку», бросил ее под кровать и вышел. Лежавшей внизу подруге только слегка поцарапало зад, а тыловика убило осколками. Трибунал дал солдату восемь лет. Вообще нелепых случаев было немало — чудиков всегда и везде хватало.

Э. И. Хатамов (справа) со своими бевыми друзьями

Мне довелось увидеть, как на Ташкентской таможне задержали одного полковника, возвращавшегося на родину. Он ехал вместе с дочерью и женой и из жадности решил прихватить с собой побольше дешевого афганского золота, заставив жену и дочь спрятать колечки в интимных местах, но настроенная на драгоценные металлы рамка металлодетектора сработала беспристрастно: при личном досмотре у жены офицера нашли 14 золотых изделий, а у дочки — 16. Карьера полковника на этом была окончена, контрабанда в крупных размерах — статья серьезная.

Я тогда и сам вез в кармане брюк купленное для жены золотое кольцо, стоило оно, как сейчас помню, 76 рублей, и вот так случилось, что я забыл указать его в декларации. Мы с товарищами тогда как раз были слегка навеселе — один парень вез водку сверх разрешенной нормы, и нам пришлось ее «ликвидировать на месте». Уже после прохода через рамку меня подозвал к себе таможенник и пригласил пройти в помещение для досмотра, сразу же был задан прямой вопрос: «Золото есть?» Я, само собой, ответил: «Какое золото? Да вы что?» Но металлодетектор не обманешь… Написали акт изъятия на двух бумажках, одну отдали мне, а вторую пообещали направить в особый отдел по месту службы. Прибыв в бригаду, я сразу пошел в особый отдел, там служил капитан по имени Валерий, родом он был из Курской области, то есть почти земляк. Подал я Валере бумаги от таможенников, все равно ведь вторые экземпляры скоро придут, он посмотрел на них и сказал: «Ты хотя бы заехал обратно, пусть они тебе печать в документах проставят, что ли». На этом неприятная история и закончилась: хитрецы-таможенники, видя, что у меня было одно желание — поскорее уехать домой, попросту заграбастали себе мое кольцо, написав для отвода глаз пару «фантиков».

— Какие-либо нестандартные задачи перед вам ставили?

— Когда в низменной долине у Джелалабада местные власти пытались создать какое-то подобие наших советских колхозов, мы должны были охранять работников на уборке полей. Стоишь в оцеплении, смотришь, как кто-то, похожий на душмана, идет вдалеке, тогда несколько выстрелов в воздух сделаешь — и он убегает. На границе с Пакистаном мы как-то охраняли апельсиновые плантации, в то время местные собирали там по четыре урожая в год, земля отдыхала только в феврале. Последней из культур собирали в январе сахарный тростник. А

после февраля на орошавшихся с помощью системы арыков полях вновь высевались рис, пшеница, кукуруза.

— Местный климат тяжело переносили?

— За лето там могло не пройти ни одного дождя, жара переваливала за все мыслимые пределы, броня нагревалась так, что сидеть на ней было невозможно. Многие страдали от солнечных ударов, меня самого один раз изрядно стукнуло по голове. Ребята тогда снимали меня с горы, а очнулся я от того, что на меня лили воду, и помню, что очень обрадовался, что остался живой. Галлюцинации от жары нередко бывали, сказывалась и постоянная нехватка питьевой воды. Был случай, когда в Лагмане «вертушка» сбросила нам воду в 100-литровой резиновой емкости, и та, попав на острый камень, лопнула; к счастью, второй тюк приземлился удачно.

Доходило до того, что во время одной из операций в провинции Лагман нас бросили практически без еды, время шло, а провизию не подбрасывали. А есть-то ужасно хотелось! Тогда несколько наших солдат спустились с господствующей высоты и забили одного из телят, пасшихся на близлежащей равнине. Телятину пришлось есть пресной, так как соли не было с собой ни грамма. Когда домой вернулся, я очень много всего соленого употреблял. Изредка нам завозили картошку, а так в основном крупами питались, макаронами, тушенки было много. Однажды мы получили большую партию мяса австралийских кенгуру, помню, что, зайдя на продуктовый склад, очень удивился, увидев причудливые тушки непонятных животных. Мясо было белое, диетическое, очень похожее на курятину.

Раз в неделю нам выдавали таблетки от малярии, но многие их не пили, да и тем, кто пил, они не всегда помогали. Некоторые неважные солдаты, не хотевшие ходить на боевые, начинали «косить»: смотрят, кто «лимоном» стал (значит, заболел желтухой — у нее инкубационный период 25–30 дней, а потом начинали желтеть зрачки глаз и все лицо), так они выпивали мочи больного и вскоре сами отправлялись в госпиталь. Лютовал брюшной тиф, вшей было много. Часто приходилось пить из арыков, обеззараживая воду специальными шипучими таблетками, а в горах старались набирать воду, сочившуюся из расщелин, она была более или менее чистой. Иногда кипятили воду с верблюжьей колючкой: разлитый по флягам бойцов, такой напиток очень хорошо утолял жажду. Воду экономили и нередко пили из пробочек от фляжек, которых едва хватало, чтобы смочить губы.

Там шла война, в которой выживал тот, кто мог вовремя

голову пригнуть. Так, когда я уже переслужил в Афганистане больше положенного срока на месяц и пять дней, приехал мой сменщик, я сразу понял, что парню там оставаться нельзя: он был ростом под два метра, а такой рост там был огромным недостатком, делая человека отличной мишенью в прицеле вражеского снайпера. Я так и сказал ему: «Меняй должность, уходи куда угодно. Тебя же первый снайпер снимет!» В ответ я услышал, мол, «ты два года — и ничего». Я начал было объяснять, что я «ничего» потому, что я сейчас стою ему меньше чем по плечо, но было бесполезно. Его убили через двадцать дней, у парня осталось двое детей. Об этом я узнал уже из письма замкомвзвода, где тот написал, что взводного больше нет. Снайперы у них работали хорошо.

Письма домой писать получалось непостоянно, да и какая об этом могла быть речь во время выхода на операцию? Когда раз в месяц напишешь, иногда реже выходило, да и транспортные самолеты и вертолеты с почтой, случалось, сбивали душманы.

— Как складывались взаимоотношения с местными?

— В целом нормально. Поначалу, если было чем, проезжая на броне через селения, мы угощали выбегавших навстречу ребятишек тушенкой, хлебом, даже порой разрешали им залезать на броню, но потом душманы стали учить детей незаметно прикреплять к бронетехнике магнитные мины, пошли подрывы детей. После этого, естественно, никто к технике детей не подпускал.

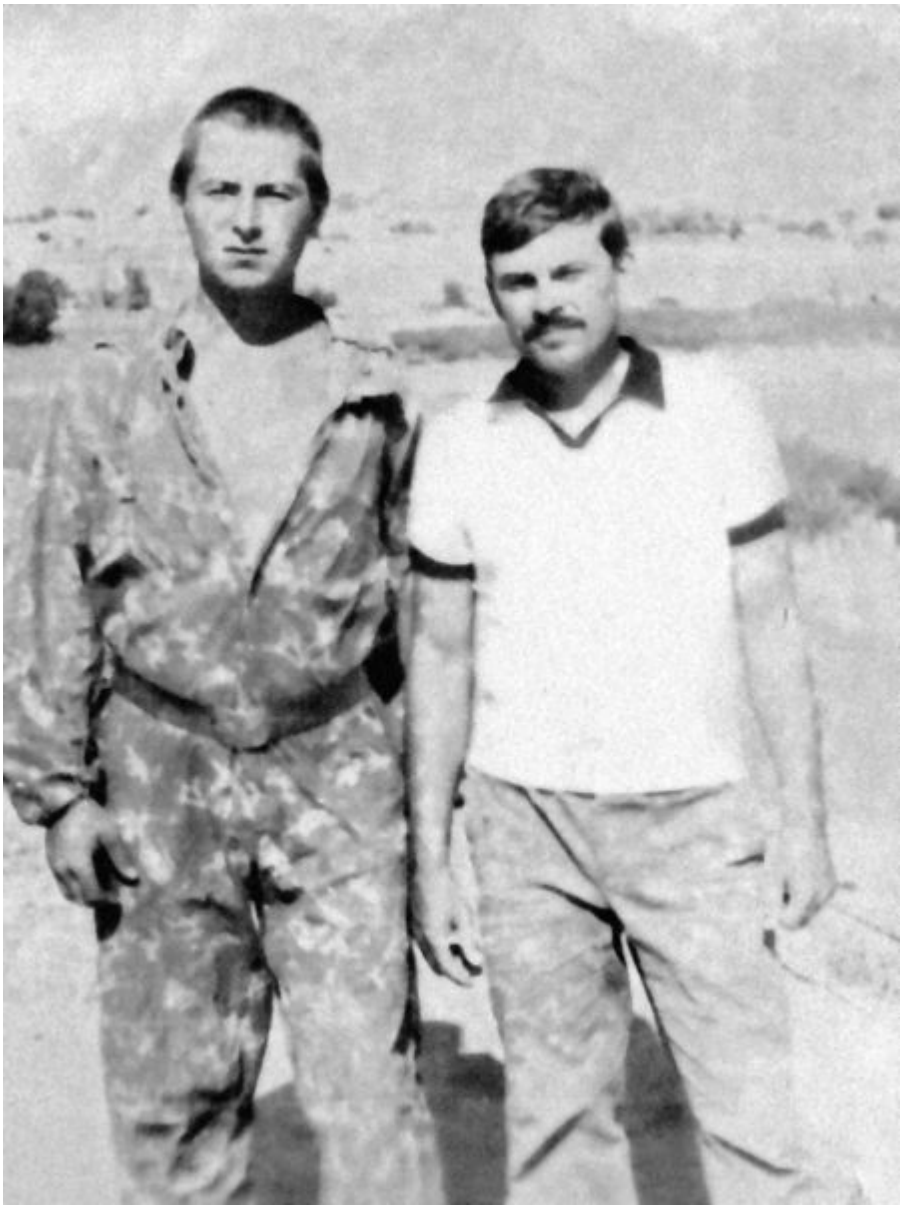
Афганцы мастерски умели распространять легкие наркотики, частенько на них подсаживались наши солдаты. Идешь, например, по улице, а тебе с разных сторон кричат: «Командор, чах, чах!» — это была какая-то трава, засушенная и скатанная в небольшие палочки. Эту травку курило много старослужащих, молодым, правда, курить не давали. Опиумных полей везде было море, никто с ними тогда еще всерьез не боролся. Однажды, когда мы шли через одно такое поле, я сорвал две большие маковые головки, решив перекусить, но не успел я дожевать зерна, как мне стало все так безразлично: идешь, и тебе все равно — убьют тебя или нет. Так продолжалось часа два. Я взял домой несколько зернышек, потом посеял их в клумбе под окнами, хотел показать жене, насколько красивы диковинные афганские цветы. И как они зацвели, под окнами было настоящее красное море! Все соседи любовались. Участковый, проходя мимо, постоянно говорил мне: «Петя! Убери эту гадость из-под окошка!» На что я отвечал: «Да ладно, лейтенант, посмотри, какими яркими красками они цветут». Проснувшись как-то утром, я увидел, что все мои цветы

срезаны под корень — видимо, кто-то оценил не только их красоту.

— Какие были ухищрения в экипировке и вооружении?

— Да что тебе удобно, то и носили. Проводит начальник штаба бригады строевой смотр перед операцией — на нем все стоят одетые по форме. Как только эта «волна» проходила и бойцы расходились готовиться, каждый обувал то, в чем ему было легче ходить по горам.

При переездах на броне и перелетах на «вертушках» мы часто надевали тяжелые пластинчатые бронежилеты, весившие 12,5 килограмма; держали они, правда, хорошо. Однажды бронежилет меня спас. Случилось это так: во время короткого перекура мы сидели группой довольно близко один от другого, за моей спиной боком ко мне сидел молодой солдат-срочник, пуля попала ему в незащищенный броней бок и, прошив парня насквозь, ударила мне в спину. Солдат умер на месте, а мою броню ослабленная пуля уже не взяла, оставив только огромный синяк. Случилось так, что погиб самый противный и нечистый на руку боец нашего подразделения, увлекавшийся еще и стукачеством, мы с «дедом»-старшиной молили Бога, чтобы его на операции хлопнуло, и вот сбылась наша «мечта оккупанта». И, честное слово, его не было жалко, потому что он столько гадости всем нам сделал. Один старший лейтенант повез тело на родину погибшего, и родственники убитого чуть было не разорвали сопровождавшего, как будто старлей был в чем-то виноват. Ему повезло в том, что местный полковник-военком вовремя вступился и не дал им этого сделать.



П. Г. Скокленко (справа) со своим боевым товарищем

АГС-17-е мы получили только к концу 1983-го, до них в нашем тяжелом взводе были 7,62-мм станковые ПК. Потом наши пулеметы раздали другим взводам роты, а мы получили три АГС. В расчете каждого гранатомета было три человека: один нес треногу, второй — тело гранатомета, и третий — коробки с боеприпасами. Коробку для лент обычно брали одну, а остальные ленты, которые очень легко и быстро заправлялись в эту самую коробку, вешали на себя. В сборе гранатомет весил 43

килограмма. Оружие это было хорошим. Когда ты сидел с ним где-нибудь в окопе — поднавел его, пристрелялся — и можешь гранаты из него в сорока метрах вокруг себя укладывать, при этом можно было вести огонь и на дальности до 1750 метров. Но, несмотря на то что каждый узел гранатомета упаковывался в свой отдельный чехол, таскать его с собой по горам было очень нелегким делом, да и чехлы очень быстро изнашивались. На мой взгляд, АГС наиболее приспособлен для открытой равнинной местности, нежели для той, в которой нам их приходилось применять. Кроме нашего взвода среди других подразделений выделялся и взвод огнеметчиков, оснащенных реактивными огнеметами «Шмель». Дальность стрельбы из них была около километра, после взрыва боеприпаса все, что находилось в зоне поражения, разлеталось и плавилось, заворачивались даже стволы деревьев. Одноразовых гранатометов «Муха» и «Оса» у нас не было, применяли только старый добрый РПГ-7. «Калашниковы» были у нас 5,45-мм, у «зеленых» — обычно 7,62-мм, старые 7,62-мм были намного лучше новых 5,45.

Из техники добрым словом вспомню БМП-2. Вот это машина! Калибр 30 мм, 600 выстрелов в минуту, дальность полета снаряда под 8 километров, после чего он, не попав в цель, самоликвидировался, а если попал — то все. БМП-1 с гладкоствольными орудиями не жаловали и вскоре начали постепенно заменять. При попадании противотанковой гранаты в БМП-1 ее 73-мм боеприпасы давали такую детонацию, что башню срывало с погона и отбрасывало на несколько метров в сторону.

Афганской армии из нашего военного округа передали весь хлам, чтобы место не занимал: и старушки-«тридцатьчетверки», и БТР-40, и много другого старья.

— Из вашего рассказа становится очевидным, что в бригаде были высокие потери в личном составе. Как вы их оцениваете?

— В первый раз в Панджшер моя бригада сходила в 1982-м, еще до моего прибытия, потери только убитыми были более 20 человек. Большая часть ребят погибла в вертолетах. Во время проведения первой Панджшерской операции «духи» сбили в общей сложности 24 наших вертолета. Некоторые душманы были прикованы к пулеметам как смертники, поливая огнем своих ДШК идущие на бреющем «вертушки».

Один батальон только перебросили из Союза. Его командир решил проскочить узкое место дороги с ходу по долине. Проскочили: за три часа батальона не стало… 247 человек, они попали в подкову, их били как в тире.

И еще очень неприятно сегодня слушать, как наши «знатоки локальных конфликтов» сейчас часто сравнивают войну в Афганистане с Вьетнамской войной: мол, там погибло 60 000 американцев, а у нас за схожий период всего двенадцать с половиной тысяч. Да, по некоторым данным, там в день в среднем погибало 22 человека, умножь эту цифру на 10 лет и ужаснешься. За эти 10 лет через Афганистан прошло полтора миллиона человек, не считая бездельников-советников и гражданский персонал, плюс ко всему старшие офицеры и вовсе могли жить там с женами и детьми.

— Вы считаете, что вынесли с той войны для себя какой-либо положительный опыт?

— Я считаю, что наше поколение, воевавшее в Афганистане, достойно выполнило свой долг, сделав все от него зависевшее. А что мы вынесли для себя оттуда: у кого здоровья убавилось, у кого-то нервы стали ни к черту. Я сам там два раза малярией переболел и третий раз здесь, в Союзе: только приехал домой и загремел в инфекционную больницу.

Нашей психологической реабилитацией никто и никогда толком не занимался, да и сейчас в санаторий невозможно лечь: то мест у них нет, то лекарств.

Хатамов Эркин Исмаилович

В 1980-м я окончил школу и поступил в Калужский сельскохозяйственный техникум. Почти все ребята из моей группы вскоре ушли в армию, а меня не призывали только лишь потому, что я учился по направлению военкомата. Но я не стал с этим мириться и сам отправился в военкомат требовать, чтобы меня призвали. Мою просьбу исполнили, и уже 31 марта я был в Таманской дивизии, откуда меня отправили в Ашхабад. В Ашхабаде сразу же сказали, что нас готовят специально для отправки в Афганистан. Вот так получилось: все товарищи попали — кто-то в Германию, кто-то остался служить в России, а меня ждал Афган.

После полугода обучения в сержантской школе была переброска в Афганистан. Я был назначен командиром пулеметного отделения в должности замкомвзвода.

— Какое первое впечатление на вас произвел Афганистан?

— Когда прилетели в Кабул, стояла невыносимая жара, все вокруг бегали в суете. Было немного непонятно, куда я попал. А

потом распределили по частям, я попал в 177-й мотострелковый полк 108-й мотострелковой дивизии. Ехал в машине вместе со старослужащими, рассказывавшими разные ужасы. Тогда стало немного не по себе, и это неприятное ощущение прошло примерно неделю-две спустя, когда освоился в части.

В ашхабадской учебке нас готовили примерно в таких же климатических условиях — 45 градусов жары в тени, гоняли «как сидоровых коз». Поэтому когда я попал в Афганистан, то там было намного легче, плюс к этому первое время обстановка была относительно спокойной.

— Какие задачи обычно ставили перед вашим подразделением?

— Мы стояли на охране дороги, тянувшейся от Хинджана через перевал Саланг до долины Чарикар, где была основная база. Мы же располагались вдоль дороги повзводно с интервалом в несколько километров. Жили в пустых афганских домах, там же хранились запасы боеприпасов и еды.

Задачи по зачистке местности перед нами ставили редко, как правило, это происходило после обстрела душманами колонны наших войск на дороге. Нередко в тяжелой обстановке нам приходилось выручать ребят, шедших на «КамАЗах». Душманы, кстати, наравне с нашими машинами обстреливали и афганские автомобильные колонны.

Спустя некоторое время, уже в Чарикаре, я попал в разведвзвод. Там задачи были несколько другие: мы охраняли от подрывов трубопровод. В тесном взаимодействии с нашими особистами работала агентура союзников-афганцев. Когда приходили данные о том, что в определенном районе планируется диверсия, мы выходили в засаду. Мирные афганцы ночами не ходили, зато ходили душманы — все подрывы, как правило, случались по ночам.

Засада организовывалась следующим образом. Днем на интересующем нас отрезке дороги у нас якобы случайно ломалась машина. Ее начинали «чинить», а двое или трое из нас прогуливались неподалеку, разведывая местность и выясняя обстановку. Вскоре мы уезжали, чтобы с наступлением темноты вернуться, расположившись на заранее выбранных позициях. Однако разведка противника тоже работала неплохо, и очень часто душманы избегали расставленной для них ловушки.

Когда мы стояли в охранении дороги, то в районе места, прозванного «Ласточкино гнездо», наши автомашины постоянно попадали под обстрелы. Для ликвидации угрозы к нам прибыл спецназ. У них была очень интересная форма, я такой никогда до

этого не видел. Запомнились крепившиеся на бедре ножи, которыми можно было разрезать консервную банку, словно лезвием бумагу. Ребята ненадолго остановились у нас, а потом ушли в ущелье… Среди ночи нас подняли по тревоге: спецназовцы попали в засаду.

Спецназовцы были внизу, в ущелье, а нас пустили по горам. Получилось так, что душманы оказались между нами, мы не могли стрелять, так как накрыли бы огнем и душманов, и своих. Завязался сильный бой. Мы шаг за шагом спускались к спецназу, вытесняя отступавших душманов. Я не знаю точно наши потери, у спецназовцев погибло несколько человек, было немало раненых, которых мы выносили к дороге на себе. Всех своих раненых душманы утащили при отходе. Один парень из нашей роты в этом бою сперва подстрелил, а затем добил в рукопашной одного из душманов. Он очень сильно испугался, так как оторвался от остальных бойцов роты, и изо всех сил рванул обратно к своим.

А в районе Панджшерского ущелья мы прикрывали тыл ушедших в долину десантников. Когда мы только ехали к Панджшеру, перед глазами предстала жуткая картина: на протяжении километров двадцати обе обочины дороги были завалены сдвинутыми с дороги сгоревшими бэтээрами, танками, машинами, техника часто лежала на боку, у танков были сорваны с погона башни.

С нами там всегда был артиллерист-корректировщик, который при необходимости запрашивал артподдержку. Однажды, когда душманы обстреливали нас четыре часа подряд, он вызвал огонь артиллерии, но та била слишком далеко, а противник был всего в нескольких десятках метров от нас. Он передал артиллеристам необходимые поправки, и вдруг снаряды начали рваться прямо во дворе занятого нами дома. Корректировщик, стараясь перекричать шум боя, требовал переноса огня, и вскоре снаряды вновь начали ложиться на безопасном для нас удалении. Недавно этот корректировщик по имени Александр нашел меня и прислал наши панджшерские фотографии.

— Обстрел ваших позиций обычно был минометным или же работало стрелковое оружие?

— По нам в основном стреляли из стрелкового оружия, работали снайперы. А той ночью, когда обстрел в упор был несколько часов подряд, душманы стреляли по нам в основном из ППШ, их звук не спутаешь ни с чем. Один такой гад с автоматом сидел от нас метрах в пятидесяти, попасть по нам ему мешал высокий забор, но поднять головы он не давал. Пытались

закидать назойливого душмана гранатами, но это было непросто. Мы с лейтенантом влезли на крышу, прислушавшись, примерно определили, откуда стреляют, кинули пару гранат. Прогремели взрывы, мы подумали, что он готов, присели закурить, потом спустились вниз. Через пару минут послышался глухой удар по кровле, а через пару мгновений там прогремел взрыв — это душман кинул нам гранату в ответ. Бог нас спас, мы остались живые. Взводный еще долго был в шоке: ведь задержись мы на крыше на пару минут — и нам была бы крышка. В этом бою у нас ранило только одного бойца: по зданию выстрелили из гранатомета, и его задело осколком гранаты или куском глины, но досталось изрядно.

Как потом оказалось, душманы прижали огнем и наш взвод, и соседей. И если бы они захотели нас перебить, то им это бы удалось, но цель у «духов» была другая: не давая нам высунуть нос, они прикрывали проход своего каравана. Как только прошел караван, противник словно испарился.

— Доводилось ли видеть пленных душманов?

— Мне даже удалось поговорить с пришедшими на переговоры врагами. Когда мы стояли в Хинджане, бандиты остановили на дороге машину и похитили троих наших гражданских специалистов, помогавших афганцам строить какое-то предприятие. (Гражданские, кстати, ходили практически без охраны. Командиры рассказывали нам о том, что семью того душмана, который тронул специалиста, могли полностью вырезать.) За похищенных душманы требовали немалый выкуп, а мы тем временем бегали по горам, пытаясь отыскать следы заложников. И нам удалось вычислить селение, в котором, скорее всего, содержали пленников, но подогнать к кишлаку технику было невозможно, и сил для его зачистки не хватало.

Итак, приходившие на переговоры душманы требовали за заложников или оружие, или деньги. Однако наш командир был мужиком крутым — он дал бандитам сутки на то, чтобы вернуть похищенных. А в противном случае пообещал начать ровнять с землей близлежащие поселения. Во исполнение обещаний командира вечером к кишлаку подошли четыре танка, которые разнесли пару пустых домов. На следующий день специалистов отпустили без всякого торга — душманы испугались мести своих за разрушенные кишлаки.

Иногда днем мы заходили в местные дуканы, где покупали хлебные лепешки, самостоятельно добывали и рис. Снабженцы привозили нам хлеб только в первое время, потом это постепенно сошло на нет.

— Можете вспомнить свой последний бой?

— Тогда мы столкнулись с самой настоящей бандой, которая воевала не только против нас, но и нападала на машины местных, которые мы называли «барбухайки». Отходя от темы, скажу, что эти машины очень напоминали передвижной цирк — они были расписаны в разные цвета, на них было неимоверное количество всяких наклеек и бижутерии. И в то же время каждая такая «барбухайка» везла такое количество груза в наращенном кузове, которое не осилил бы и наш «КамАЗ». Бандиты останавливали афганские машины и забирали себе все, что могло пригодиться или можно было продать: одежду, еду и так далее.

В организации перехвата этой банды участвовал и афганский офицер, который точно знал обо всех перемещениях банды. Днем мы, как обычно, выехали в район будущей засады, осмотрели местность, выбрали позиции и ночью вышли в засаду. Ночами «барбухайки» не ездили, поэтому и бандиты нападали на них, как правило, на рассвете, который в Афганистане наступает необычайно быстро. Засаду мы решили устроить в том месте, где тропа немного ныряла в небольшое ущелье. Особист-афганец вместе с напарником ушел немного вперед, за ними вдоль тропы потянулись остальные бойцы, занимавшие удобные позиции, а мы с лейтенантом заняли позицию так, что именно на нас и должны были выйти душманы. Мы ждали бандитов очень долго, замерзли, как собаки. Подумав, что никто на нас сегодня не выйдет, мы решили было закурить и, едва успев достать сигареты, услышали чьи-то шаги. Первой мыслью было: «Может быть, это наши решили сниматься с позиций?» Стоял плотный туман, в котором было трудно что-либо разглядеть, но к нам явно кто-то приближался, не произнося на ходу ни слова. Неожиданно началась пальба, в нас полетели пули, мы с лейтенантом стали стрелять в ответ. Вдруг я краем глаза увидел, как кто-то выскочил сбоку от нас, по нам хлестнула очередь. Мне задело ноги, и я свернулся от боли. Лежавший в паре метров от меня лейтенант спросил, что со мной, я крикнул, что меня зацепили. Кругом звучала автоматная трескотня, доносились крики и звуки резни. Лейтенант хотел было подползти ко мне, как вдруг я отчетливо услышал, как к нам что-то летит. Это была граната, она упала как раз между нами. Едва я успел свернуться в комок, как раздался взрыв. Когда я повернулся и взглянул на лейтенанта, то увидел, что тот лежит не шевелясь. Я прокричал: «Товарищ лейтенант!» — а лейтенант смог лишь немного приподнять голову, и я увидел, что все его лицо в крови, после этого он потерял сознание. Я был в плотной фуфайке, которая меня спасла: несколько осколков

пробили ее и попали мне в плечо прямо напротив сердца, но, едва пробив кожу, застряли в мягких тканях.

Меня контузило, я совершенно ничего не слышал. Выложив перед собой автомат с магазинами и гранаты, я стал дожидаться, кто ко мне первым подойдет. Забрезжил рассвет, сквозь туман стало видно, что ко мне кто-то движется. Я всматривался в фигурку, а в голове был один вопрос: «Чалма или панама?» Показалась панама — это шли наши, они подхватили под руки и потащили лейтенанта, а я в горячке тоже попытался подняться, но сразу упал: сначала была боль, словно от каленого железа, а потом совершенно ничего не чувствовалось. Я упал на четвереньки, несколько мгновений на меня недоуменно посмотрели, а потом, поняв, что и мне серьезно досталось, взяли под руки и понесли к бэтээру. Лейтенант потом пришел в себя, его контузило, отчего он и потерял сознание, еще сильно посекло лицо осколками и оторвало часть уха, опасных для жизни ранений у него не было. Нам повезло в том, что в нас кинули РГД, если бы была «эфка», то нам настал бы конец.

В дополнение скажу, что потом выяснилось, что силы душманов и наши силы в этом бою были равны: с каждой стороны было по восемь человек. Потери нашей группы составили двое раненых — я и лейтенант, а душманов мы уничтожили всех до одного.

Нас сразу отвезли к вертолету, предварительно сделали инъекцию промедола, а в госпитале оперировали одновременно на соседних столах. Наркоза, по сути, не было никакого, зато рядом со мной поставили молодую девчонку-санитара, которая, отвлекая, разговаривала со мной, а я к тому времени полтора года не видел девушек и очень хотел с ней поговорить, но по-прежнему почти ничего не слышал, а кричать было неудобно, к тому же все еще был под действием промедола. Потом меня еще раз прооперировали в Кабуле, а оттуда в «Черном тюльпане» отправили в госпиталь, в Алма-Ату. В самолете творился ужас: он был в три яруса набит мертвыми и ранеными: кто-то был без глаз, кто-то — без рук, кто-то — без ног, многие плакали и выли от боли. Бедные медсестры метались по всему самолету. На аэродроме нас погрузили в машину и повезли в госпиталь.

Отношение к раненым солдатам в госпитале было замечательным. Я благодарен врачам и медсестрам за их труд. Те из них, кто был постарше, относились к нам как к своим детям, ровесники — как к братьям.

Одного парня, который был родом из Сочи, привезли с прострелом позвоночника. Ему сильно повезло — пуля прошила спину и прошла между отростками позвоночника, не повредив его

и лишь слегка задев по касательной, от этого удара у парня отнялись ноги. Когда раненого только привезли в госпиталь, то врачи думали, что он навсегда останется инвалидом, но, посмотрев снимки, обнаружили, что ранение несерьезное, и сказали, что скоро парень вновь почувствует ноги. Так и произошло: спустя несколько дней он был «как огурчик».

Я повсюду носил с собой блокнот с фамилиями и адресами сослуживцев, в нем же я хранил деньги, которые собирал на дембель. А когда меня привезли на операцию, я положил его под подушку, а потом было уже не до блокнота, и я про него забыл. Сегодня я пытаюсь найти ребят, с которыми лежал в госпитале, через Интернет, но пока безрезультатно.

— Вносились ли какие-либо усовершенствования в униформу?

— Да. Мы многое шили сами. Самодельные разгрузки, например, делались из того же бронежилета: вынимались стальные пластины, и бронежилет перешивался в так называемый «бюстгальтер» с необходимым количеством карманов под автоматные магазины.

— Как было организовано обеспечение продуктами?

— Мы постоянно недоедали и недопивали. Хлеб порой не привозили месяцами, а про мясо и говорить не приходится. Тушенка и другие консервы надоели до того, что на них не хотелось смотреть, особенно сильная была изжога от минтая в томате.

Рядом с нами была пустовавшая деревня, полностью заминированная нашими же саперами, неподалеку были и напичканные минами поля, на которых росли помидоры и персики. Так эти поля служили нам чем-то наподобие огорода: мы собирали фрукты и овощи среди мин. На одном из этих полей подорвался наш лейтенант — он не знал о минах и, решив сократить путь, пошел по полю. Лейтенант наступил сразу на три мины, ему оторвало обе ноги, он остался в живых, нам удалось его вытащить.

Однажды ночью нас обстреливали уже часа три подряд, все забились кто куда, постоянно отстреливаясь. Вдруг на поле откуда-то выскочил бык. Все бойцы стали высовываться из укрытий и палить уже не по душманам, а в быка. Шквалом огня животное удалось пристрелить. А когда все стихло, шестеро человек поползли к туше по-пластунски и, оттащив ее к кустам, принялись разделывать. Следующие два-три дня у нас был праздник — мяса хватило и для себя, и для соседей, одно было

плохо: его было негде хранить, и оно очень быстро портилось на жаре.

Воду нам не подвозили, мы набирали ее в арыке, дезинфицируя специальными таблетками. Иногда таблеток не было или про них попросту забывали, очень многие переболели желтухой. Тифа у нас не было, но зато было море вшей.

— Какими были взаимоотношения с местным населением?

— Афганцы хорошо помнят добро. Как-то мы с другом сидели в «секрете» в горах и увидели шедшего по дороге молодого афганца, которому было не больше двенадцати лет. По утрам в горах было очень холодно, а бедный парень был в легкой одежде и в калошах, нес на себе связку хвороста. Увидев, что его трясет от холода, я подозвал мальчика к себе. Я снял с рук и отдал ему свои теплые рукавицы, парень взял их и, сказав «ташакур» («спасибо»), поспешил дальше. А спустя пару недель ребята пошли в дукан за хлебом и вернулись ни с чем — афганцы сказали, что хлеба у них нет. Тогда ребята, вспомнив, что у меня там есть друзья, отправили меня договариваться о хлебе.

Зайдя втроем в дукан, мы застали афганцев, отдыхавших в чайхане. В глаза сразу бросилось то, что ели они именно хлеб. Я подошел к ним, спросил хлеб, показал деньги и сказал, что заплачу, однако и мне ответили, что хлеба нет. Я упрекнул афганцев во лжи, а они в ответ показали мне пустые деревянные лотки из-под хлеба. Мы уже собрались было уходить, как к продавцу с криком «Шурави хуб! Шурави хуб!», что означало «Русский хороший!», подбежал тот самый мальчик, которому я подарил рукавицы, и принялся что-то ему рассказывать. Мне был задан вопрос: «Сколько тебе лепешек надо?» Я ответил, что 10–15. Со словами «Скажи мальчику спасибо. Мы тоже можем быть благодарными» продавец ушел в соседнюю комнату и вернулся уже с хлебом. С тех пор хлеб в этом дукане для меня находился всегда.

Я очень удивился, когда увидел местного, который пахал деревянным плугом, сидевшим в чайхане, а рядом с ним стоял новенький японский магнитофон, которых я до этого никогда и не видел, ведь у нас, кроме «Романтики» и еще какой-то ерунды, ничего толком и не было. Причем у афганцев в то время можно было купить любые пленки популярных советских и зарубежных исполнителей, которые и в СССР было непросто достать. Мы и себе купили небольшой магнитофончик.

Еще когда был в Ашхабаде, я увидел, как таможня досматривала летевших из Афганистана дембелей. И вот у одного

из ребят они увидели магнитофон, который в Союзе стоил бешеных денег. Скорее всего, таможенники, начав придираться, хотели забрать магнитофон себе, но парень со злости разбил его о землю. Больше таможенники ни к кому приставать не стали.

— Кроссовки носили?

— Да. Почти все мы ходили в кедах и кроссовках, носили джинсы. Когда нас на долгое время перебрасывали далеко от части, то зачастую не было возможности привести себя в порядок и даже побриться, тогда мы выглядели оборванцами и мало походили на солдат.

А однажды кто-то раздобыл много гражданской одежды, и мы, дождавшись, когда уедут по делам ротный и взводный, залезли в модные по тем временам шмотки. Тогда был настоящий праздник, мы успели вдоволь нафотографироваться. Неожиданно вернулся ротный. Увидев эту картину, он начал орать на нас, говоря, что мы и в форме мало похожи на солдат, а сейчас и вовсе выглядим как бог знает кто. Часть одежды ротный собрал и сжег, а остальную куда-то выбросил.

— При перемещении по дорогам ваше подразделение попадало под огонь неприятеля?

— Нас душманы опасались трогать, потому что мы ходили под серьезным прикрытием бронетехники. Они обстреливали в основном беззащитных — колонны «КамАЗов», били по голове и хвосту, после чего принимались за остальную колонну. А когда шел эшелон из бэтээров и БМП, то стрелять по нам отваживались нечасто, хотя случалось и такое, тогда после нескольких выстрелов душманы спешно отходили.

В долине Чарикар не было ни одной ночи, чтобы по нам не стреляли. Зрелище было незабываемым, особенно когда открывали ответный огонь наши «Грады». Но самым удивительным было то, что после обрушенного на душманов шквала огня, под которым тряслась земля, они вновь начинали стрелять, это происходило примерно через полчаса после удара «Градов».

— Ношение бронежилетов и стальных шлемов было обязательным?

— В расположении полка заставляли носить все это. А когда мы стояли на точках, то надевали бронежилеты, только когда выходили в «секрет». Да его и некуда было надевать: из этих же бронежилетов мы нашили себе разгрузок, в которых обычно было четыре кармана под магазины — спереди, некоторые бойцы

умудрялись пришивать такие карманы и сзади, а носить и бронежилет и разгрузку одновременно было очень неудобно. Почти у всех в разгрузках были пулеметные магазины. Рожки, примкнутые к автомату, обычно связывали изолентой по два, а иногда и по три между собой, чтобы в бою можно было как можно быстрее перезарядить автомат. Гранаты и сигнальные ракеты, кстати, тоже переносились в разгрузке на специально пришитых для этого лямочках.

Продолжая разговор про оружие, скажу, что в нашей части не было ни одного подствольного гранатомета. У нашего взвода был свой миномет, пулемет, два бэтээра, АГС. Автоматический гранатомет — это серьезная штука, при стрельбе он всегда немного подпрыгивал от отдачи, а его гранаты, ложившиеся при стрельбе в шахматном порядке, обладали сильным поражающим действием. Особенно опасными для противника были гранаты с игольчатыми осколками.

А во время операции в «Ласточкином гнезде» мы захватили немало трофейного оружия: английские «Буры», советское оружие, много незнакомых систем. Тогда захватили и троих душманов, пленных посадили в яму, вид у них был неважный — спецназовцы здорово постарались.

— Расположение взвода прикрывалось минными полями?

— Да. Мин стояло довольно много как сигнальных, так и противопехотных. С сигнальными минами у меня связаны особые воспоминания. Когда молодые солдаты из пополнения только прибывали в Хинджан, в котором стояла целая рота нашей пехоты, то дембели постоянно встречали молодых одной и той же шуткой: возле столовой они устанавливали несколько «сигналок» так, чтобы на них наткнулись вновь прибывшие ребята, которые шли за едой. Я был в их числе, к тому моменту успел вдоволь наслушаться рассказов про то, как в Афгане стреляют из-за каждого угла, поэтому, услышав пронзительный свист сигнальной мины, упал вместе с остальными на землю. Мы шли с полными котелками еды, она вся оказалась на нас, а толпа дембелей тем временем, давясь от смеха, орала, что мы под огнем и всем нам конец.

Мы попались на эту шутку, даже несмотря на то, что уже прошли учебку, а ведь в Афганистан прибывали и совсем необученные бойцы, некоторые из них даже ни разу не держали в руках автомата. Эти люди не только не умели стрелять, но и разбирать автомат для чистки. Таких «желторотиков» берегли и в течение двух-трех месяцев обучали стрельбе и обращению с оружием, объясняли простейшие тактические приемы. У нас,

конечно, была дедовщина, но если начиналось что-то серьезное, то дембеля никогда не ставили впереди себя молодых, нередко их не брали на серьезные задания.

— Часто взаимодействовали с афганской армией?

— Да. Причем никто из них на моих глазах назад не бежал. Однажды я увидел, как призывают в афганскую армию новобранцев. Неподалеку от нашей части стоял кишлак, состоявший из глинобитных домов, огороженных высокими заборами, в которых жили огромные афганские семьи. И вот средь бела дня отряд Цурандоя окружил один из таких домов и вошел внутрь. И тут внутри дома началась сумасшедшая пальба, стали доноситься чьи-то надрывные крики. Через какое-то время наступила тишина, цурандоевцы загрузились в машины и отправились обратно. Наш командир остановил одну из этих машин, чтобы спросить, в чем дело. В ответ он услышал, что так военные забирали в армию троих новобранцев.

Почти все афганские солдаты, с которыми мне доводилось общаться, говорили, что после службы они пойдут к душманам, потому что там больше платят: на идейные взгляды всем было плевать, людям надо было кормить семью.

— Вы считаете, что вынесли для себя из Афганистана какой-либо положительный опыт для дальнейшей жизни?

— Плохой опыт иногда несет в себе больше пользы, чем хороший. После Афгана у меня кардинально изменились взгляды на жизнь. А главное — я приобрел там хороших друзей.

Иногда я думаю, что, может быть, и не нужна была эта война. А с другой стороны, в нашу страну в тот период не шло такого огромного потока наркотиков из Афганистана, который есть сейчас.

Гудков Николай Васильевич

В армию меня призвали 22 апреля 1980-го. Еще на призывном пункте я узнал номер своего полка и что полк стоит в Афганистане.

Сперва мы попали на тыловую базу 345-го отдельного гвардейского воздушно-десантного полка в городе Фергана тогдашней Узбекской ССР, там были в основном склады с

вооружением и продовольствием. Потом были два месяца карантина в учебном центре, в конце 80-го — обучение в части на наводчика-оператора БМД, а месяца через четыре, будучи в звании ефрейтора, я был назначен командиром отделения АГС. Прослужив в Фергане около года, я написал рапорт и, несмотря на то что их часто рвали и не подписывали, добился отправки в Афганистан.

— Какие задачи ставили вашему подразделению?

— Во-первых, это была охрана аэродрома Баграм. Расположились мы, кстати, в старых английских капонирах. Второй задачей было прочесывание и зачистка местности, транспортные колонны мы не сопровождали. Также был приказ об уничтожении всякой радиоаппаратуры у местного населения, приемники расстреливали или подрывали небольшими зарядами. Очень удивляло, что прошитый пулями японский радиоприемник с пробитыми динамиками все равно включался и чисто работал, было, конечно, жалко, но мы были солдаты, нам приказали — мы выполнили.

Мы довольно редко далеко отрывались от сопровождавших нас колонн снабжения. А когда это случалось, все необходимое нам доставляли вертолеты. Пока выдвигались по дорогам, всегда сопровождала бронетехника. Здорово нам помогали новые экспериментальные самоходки «Нона», у них были сменные вкладыши внутри ствола, поэтому они могли стрелять снарядами калибром от 76 до 122 миллиметров. Всего нас поддерживали четыре машины, у них была отдельная группа охраны, свои офицеры и своя обслуга, близко к ним даже нас не подпускали. С воздуха поддерживали и самолеты, и «вертушки», в основном это были «крокодилы». Они всегда были где-то рядом, и если нужна была поддержка, то две, три, пять минут — и они над нами.

Помню, как на наш аэродром прибыла одна из первых пар штурмовиков Су-25. Охраняли их усиленно, на аэродроме новые самолеты не оставили, а загнали прямо в расположение нашего полка, поставив между капонирами. Испытание высокими температурами Афганистана они выдержали, а вот взлетную полосу начали ломать. Бомбы они бросали хорошие — «пятисотки». Там, где они падали, стоял только шум и пыль и ни черта больше не оставалось.

Когда становилось тяжеловато и нас прижимали к земле, мы по радиостанциям запрашивали помощь, и в дело вступали вертолеты, штурмовики или те же самые «Нона», бывало что и то и другое. Координаты давали по карте с заранее согласованными обозначениями; корректировщиков от артиллерии и авиации нам

не придавали, огонь корректировали офицеры.

Я воевал на должности командира отделения в отдельном взводе автоматических гранатометов АГС-17 2-й роты 1-го батальона. Кому мы были нужны — тем нас и придавали. На задания выходили не только со 2-й ротой, вообще было неважно, уходили в горы свои подразделения или приданные — они обязательно получали на усиление подразделение с автоматическими гранатометами, мы поддерживали и разведроту, и ребят из другого батальона, и соседей из 108-й мотострелковой дивизии, и танкистов.

АГС сам довольно тяжелый, но особенно неудобна его тренога. Ствол хотя сам и тяжелее, но тащить его было легче — он удобно лежал на спине, а тренога большая и неудобная. Добавляли нагрузки носимые нами в обязательном порядке каски и бронежилеты.

В нашем взводе было всего два отделения, в отделении — один АГС. Был некомплект и в личном составе: в роте нас было всего 45 человек. Из Союза обычно никогда не посылали полную роту, уже в Афгане людей из нее выбивали желтуха и тиф, боевые потери хотя и невысокие, но все-таки тоже были. Вода была неважная, без обеззараживающих таблеток ее пить нельзя — бросаешь их несколько штук в емкость, ждешь, пока растворятся, и пьешь; в арыках могла водиться любая зараза, кое-где рядом с ними лежали убитые.

Бывали и осечки при стрельбе из гранатомета, иногда капсюли оставались в стволе, и их приходилось выбивать. Вот так у меня друга ранило: мы лежали на плоской крыше небольшого дома, попали под прямой обстрел, и, когда выбивали застрявший капсюль, его ранило разрывной пулей, правда, по рукам, но все равно это было не самое легкое ранение.

Н.В. Гудков в карауле

— Под огонь своих попадали?

— Да, бывали нестыковки. Иногда мы выходили не на ту точку или рации не работали. Причем под артиллерию не пришлось, а вот под свои пулеметы попадали. Но мы успевали сориентироваться и обходились без потерь, мат помогал — слова до своих быстро доходили.

В Бамиане нас однажды забыли. Там как раз статуи Будды были, которые не так давно талибы взорвали. Там весной так красиво! Над этими статуями часто пролетали «вертушки», и там как раз сбили полковника, начальника разведки 40-й армии. И нас подняли по тревоге с расчетом спасти уцелевших, но мы не успели: их всех расстреляли душманы. Они долго отбивались, но уцелеть не смогли. Мы забрали тела погибших: полковник, экипаж вертолета и человек шесть солдат. Этот Бамиан был настоящим душманским гнездом, шансов у наших ребят не было.

Наши два расчета АГСов оставили на сопках как прикрытие, три человека в одном и три — в другом, больше никого. Все погрузились в «вертушки» и улетели, а мы остались сидеть на своих сопках, не зная, что делать. Я точно сейчас не могу вспомнить свои тогдашние ощущения, но мы знали, что долго нам там не продержаться, может, минут десять или чуть больше, но убьют стопроцентно. Вдруг смотрим: одна из «вертушек», уже скрывшихся из вида, возвращается за нами. Забрали. Если бы вертолет не вернулся, нас бы там точно закопали, тогда можно

было сразу АГС выкинуть и идти сдаваться или застрелиться. Один патрон для себя был вшит в наплечный карман каждого из нас — в плен сдаваться мы не собирались, ведь все равно будут издеваться и голову в итоге отрежут. Патрон тот, правда уже без пороха, я на память ношу с собой и сегодня — он висит на связке ключей.

— Бывали случаи трусости или дезертирства?

— Да, и там случалось, что солдаты убегали. Я помню, как несколько азербайджанцев раз дезертировали, живыми их больше никто не видел, только головы потом в арыках находили. Так что дезертирство обходилось дорого, и массового характера оно никогда не имело.

— По каким целям обычно работал взвод АГС?

— Очень удобно было стрелять из него по деревьям: осколками секло залегшего под ними противника.

Гранат к АГСу всегда брали много: в ленте к нему 29 гранат, каждый из трех человек расчета нес ленту, две или три, плюс приданные нам из рот солдаты брали с собой по две-три ленты каждый. Получалось, что человек пять-шесть были полностью нагружены боеприпасами к гранатомету. Стреляли много, бывало, что взятого с собой боезапаса и не хватало. Прицелы устанавливали редко, обычно били «на глаз» — со временем выработалась привычка визуально определять расстояние и проводить пристрелку.

Когда уходили в рейд, старались брать с собой побольше патронов, коробки с ними распаковывались и перекладывались в приспособленные специально для них боковые карманы от рюкзака десантника (РД), которые пришивали к задней части бронежилета, туда почти полностью влезал цинк патронов. Мы «разоружили» пулеметчиков, забрав у них магазины на 45 патронов, оставив лишь по 2–3 на пулемет, себе набрали их по 6–7 на каждого. Магазины носили в самодельных разгрузках, которые переделали из «водолазных» жилетов механиков: вытащили пенопластовые поплавки и вместо них всунули удачно помещавшиеся там магазины.

— Душманы часто пытались подавить ответным огнем ваши гранатометы?

— Да. Нас хорошо прижимали и в Панджшере, и в Бамиане. Но убитых, а тем более раненых в нашем полку никогда не оставляли. Тело одного солдата мы искали недели две и нашли: душманы возили его в телеге, накрытого всяким хламом. Были

случаи, когда они вешали тело убитого солдата на видном месте, прикрепив напоказ военный билет. Но как бы то ни было, мы находили тела и отбивали, за мою службу мы никого из убитых не оставили. Каждый был уверен, что если даже убьют, то тело все равно не оставят на глумление врагам, а доставят домой.

— Друзей не доводилось терять?

— К сожалению, довелось. Земляк мой Юра Левкин погиб как раз под Новый год, он в Гнетинке на кладбище лежит. Мы с ним вместе призывались, вместе ехали, водку в поезде пили, вместе в Фергане дебоширили, вместе в Афгане служили, правда, он был в девятой роте, а я — во второй. Снайпер его снял. Юра полез вытаскивать солдата и сам попал под огонь.

Это было на втором году его службы, но домой он попал только в цинковом гробу. Мне предлагали его сопровождать, но я отказался. Как мне его матери в глаза смотреть? Представляли Юру посмертно к званию Героя СССР, командир полка представление подписал, и другие подписали, но замполит не пропустил, сказал: «Герои должны быть живые». В какой он это книге вычитал, интересно было бы узнать! Присвоили Юре посмертно орден Боевого Красного Знамени.

— Какое было отношение к трофейному оружию?

— Самым интересным из трофейного вооружения были афганские мультуки. Винтовки, карабины, пулеметы были нам неинтересны, а вот мультук — это интересно. Он здоровый такой, под два метра, массивный, но красивый. Его можно было и гайкой вместо пули зарядить, так одному из наших гайкой в грудь и попали. Было это так: парень случайно наткнулся на как из-под земли выскочившего душмана, и тот выстрелил ему из своей «кремневки» прямо в грудь. Десантника свалило с ног, но, к счастью, бронежилет выдержал. Быстро поднявшись, он расстрелял ошеломленного его бессмертностью афганца. Пулю-то бронежилет не держал, а вот гайку не пропустил.

М-16 изредка попадались, а так в основном наши пулеметы, АКМы 7,62-мм калибром, на номера внимания не обращал, но оружие было точно не китайское. В сравнении с АКМами наши АКС-74 были удобнее на открытой местности, а если бить по крупным кустам и деревьям, то можно было не попасть в цель: пуля со смещенным центром тяжести уходила в сторону, АКМ же прошивал все ветки насквозь. Та же проблема была и с 5,45-мм пулеметами РПК.

Но все беды с ветками мы все равно решали при помощи АГСов, плотность огня у них хорошая, разбивали ими все, что

можно. Тем более что, как я уже говорил, при попадании из АГСа большая часть щепок, осколков и обломков летит вниз, поражая живую силу. Единственное — не могли разрушить толстостенные саманные постройки, но стены эти и танки порой не могли разбить. Пробивались они легко, даже пальцем можно было дырку проделать, но плотность небольшая, и снаряды лишь проделывали в этих стенах маленькие сквозные дыры и, не детонируя, летели дальше.

— Ночные рейды были больше правилом или исключением?

— Они проводились довольно часто. Мы почти всегда выступали ночью, вставали часа в три, бывало, что и вовсе не ложились. В четвертом часу выезжали по дороге на своих БМД-1, в заданной точке мы спрыгивали с машин, оставляли их на дороге и дальше шли пешком. С бронетехникой оставались механики-водители и командиры машин или кто-либо из десантников, способный вести огонь из пушки и пулемета. Могли уйти на неделю, на две, на три. Если разведка где-либо вычисляла душманов, то мы шли вперед, и было неважно, ночь сейчас или день.

— Какую тактику вы обычно применяли в борьбе с душманами?

— Прижать огнем «духов» удавалось нечасто, чаще они нас прижимали. Они были местные, знали все норы, могли быстро уходить или выдавали себя за мирных жителей. Блокировали небольшие банды, но они в основном все равно уходили. Крупные группы часто оставляли своеобразные заградительные отряды, а сами отступали, завидев, как на них шли значительные наши силы.

Был момент, когда такие маленькие отряды не пропускали почти всю 108-ю дивизию. Нашу роту тогда как раз сняли с позиций и направили удерживать для нее коридор. Дорога шла по краю обрыва, в котором лежало много разбитых машин. Там невозможно было пройти: ущелье, почти по самому дну которого тянулась дорога, а сверху нависала скала. Задачу удалось выполнить: мы продержали оборону на своем участке, пока все наши части не прошли ущелье. У нас потерь в этом бою не было, а у душманов были. Правда, потом они все равно догнали мотопехоту и снова придавили ее огнем, и нас вновь бросили на прикрытие своих.

— Саперы всегда поддерживали?

— Да. Саперы всегда были вместе с нами и шли в первых рядах. «Минная война» была серьезной. Однажды мы днем возвращались с одной из операций, до базы в Баграме оставалось километра полтора. На разбитой асфальтной дороге саперы сняли сразу восемнадцать мин, установленных в выбоинах. Саперы всегда ходили пешком, и им приходилось очень тяжело, да и потери были порядочные: они подрывались на минах-ловушках, плюс ребята ходили со своими щупами и миноискателями по открытой простреливаемой местности. Медали не жалко было им давать — парни хорошо трудились. Работали наши саперы в основном щупами, как они говорили, так надежнее.

Бывало, что пускали танки-тральщики, но они могли пропускать мины и сами, случалось, наскакивали на фугасы и «улетали». Но такого, чтобы всю колонну подорвали, не случалось, больших потерь на минах ни при мне, ни до меня не было — еще раз повторюсь: саперы хорошо знали свое дело.

Говоря о танках, придавали нам их немного — две-три машины, которые шли в голове и в хвосте колонны, неожиданно подбить могли любой из них. Танки душманы в основном подбивали из гранатометов РПГ-7, у нас же были более тяжелые РПГ-16, которые не перевозились по земле, а доставлялись нам исключительно самолетами. РПГ-16 брал броню любого существовавшего в то время танка, и, если возникала угроза захвата гранатометов душманами, они немедленно уничтожались. Боеприпасов к гранатометам хватало всегда, склады были ими забиты. Гранатометчик брал с собой три выстрела, и еще два-три солдата тоже несли по три гранаты, этого вполне хватало, да и использовали мы ручные гранатометы редко: танков у противника не было, если только по дувалам и машинам вдалеке стрелять. Так что РПГ-16 брали с собой обычно, если разведка докладывала о скоплении техники душманов или чем-то подобном, а так гранатометы часто оставались в машинах. Еще от них сильно глохнешь — наушников-то у нас там не было. Когда я еще обучался в Фергане, то, проходя через хлопковые поля на стрельбы, мы срывали хлопок и затыкали им уши. Сзади при стрельбе стоять не надо — унесет куда-нибудь; стреляя лежа, надо было лежать наискосок — тот, кто нарушал это правило, оставался без сапог, отлетавших на десятки метров. На полигоне мишенью служила «тридцатьчетверка», вся избитая ровными дырочками попаданий. Разовых «Мух», кстати, у нас не было.

— Многие ветераны вспоминают, что часто не по уставу носили кроссовки. Вы можете вспомнить что-либо подобное?

— Нет, в нашем полку такого не было, мы ходили только в

форме. На боевые ходили или в сапогах, или в ботинках. На мой взгляд, удобнее были обыкновенные кирзовые сапоги. Кто на портянки их носил, кто — на носки, тем более что носков выбор там был получше, чем дома: идешь по карантину и берешь, что хочешь: захотел взять блок сигарет — взял блок сигарет, захотел себе носки — взял носки; никаких чеков или афганей, в этот момент ты был хозяин, если захотел, то взял и пошел, но так было только во время боевых операций.

Из одежды я домой привез только джинсы и батник, и то мне командир батальона вывозил. У нас «кэп» ничего вывозить не давал. Я потом с ребятами, которые в других частях служили, разговаривал, так им комплекты разрешали вывозить (джинсы, батник, кроссовки), а у нас ты вообще пустой по форме должен был уехать. Вот мне комбат и вывозил, его звали Александр Иванович Лебедь, после ставший командующим 14-й армией, а спустя время и Красноярским губернатором. Он тогда был еще в звании капитана. Когда я демобилизовывался, он меня к себе в свой небольшой «закуток» пригласил, посидели, поговорили, он мне показывал свои семейные фотографии жены, дочерей. Потом говорит: «Давай, Коль, я тебе «гвардию» подарю». Правда, гвардейский значок был не его, а замполита, так он его с висевшей замполитовской формы скрутил и мне подарил. Хороший офицер был, мы какое-то время переписывались, а потом связь как-то оборвалась.

Заместителем командира нашего полка по боевой был Павел Сергеевич Грачев, сперва был майором, потом подполковника в 82-м ему дали. Ротным был старший лейтенант Ковальчук Александр Евгеньевич, но его по ранению демобилизовали, ранение было тяжелым — мины разорвались совсем рядом, и его всего посекло. По дурости, конечно, это случилось. Прислали нам в роту замполита. Я не знаю, где они его нашли, но общаться с ним, как и со многими другими замполитами, было тяжело, хреновые они были люди, одного только помню хорошего мужика — батальонного замполита у Лебедя.

Пошли мы как-то на одну операцию в сторону Панджшера и, не доходя до него, провели зачистку в близлежащих кишлаках. Там мы нашли две новые итальянские пластмассовые мины (именно из-за того, что они были сделаны из пластмассы, их не брал никакой миноискатель), лежали они на подоконнике одного из домов. Комбат сперва хотел отдать приказ уничтожить эти мины на месте, расстреляв из автомата, но замполит выступил против, сказав: «Уничтожать не будем — они новые, будем разбираться, как устроены». Комбат против замполита не пошел и приказал мины забрать с собой. Ну и положили эти мины одному

солдату (парень был из Смоленска, первый год служил) в РД, а у него там еще лежала маленькая рация. Потом мы благополучно вернулись к дороге, где стояла наша колонна. Все уже стали расходиться по своим машинам, солдат с минами подошел к своей БМД, ротный стоял на ее башне, снимая с себя каску и бронежилет, мы сели немного в стороне. Вдруг слышим взрыв, поворачиваемся и видим, как ротный слетает с башни, мой друг из Навли Коля Майоров летит в лужу с другой стороны, механика не задело — он успел скрыться в люке. Ротного от головы до самых пяток посекло осколками, Колю тоже сильно задело. А случилось все так: солдат с минами или поскользнулся, влезая на машину, или просто прислонился к ней спиной, и мины сдетонировали, его разорвало на клочья. Вот такой дурной случай: обычная халатность привела к таким последствиям. Нечего было в РД класть, тем более на спину. Долго потом из-за этого ругались замполит и комбат. И никому ничего: замполит вроде бы и виноват, но сам же он себя под суд не отдаст! По шапке немного получил потом, вскоре его куда-то подальше перевели, тем более он был не из воздушно-десантных войск. А парня было жалко, я потом ездил к нему на могилу в Смоленск.

— Какие были отношения с местными?

— Наш полк стоял на удалении от населенных пунктов, и с местными контактов практически не было. Полк базировался у Баграма, но у взлетной полосы в стороне от города, до ближайших кишлаков тоже было порядочное расстояние. Рядом с нами стоял госпиталь, медсанбат, танкисты. А в Баграме и рядом с ним стояли части десантно-штурмовой бригады 108-й мотострелковой дивизии.

Единственными афганцами, с которыми было соприкосновение, были солдаты союзных сил. Рядом с нашим полком стояла большая глиняная мазанка, напоминавшая крепость, в ней они и жили. Многие из их офицеров успели поучиться в Москве и могли более-менее нормально разговаривать по-русски, в общем, вполне нормальные ребята были. В бою они вперед старались не лезть, а после демобилизации некоторые воевали уже против нас. Один наш боец, по национальности казах, спросил одного из этих солдат, тоже понимавшего по-казахски, куда тот пойдет, когда отслужит, и афганец честно ответил: «К душманам. Мне семью кормить надо».

По горам «духи» бегали очень хорошо, нам до них было далеко. Мы пытались поначалу найти мулов или ишаков, чтобы боеприпасы таскали, но местные все прятали, и находили мы

обычно какого-нибудь местного мужичка, который и помогал нести в горы нашу нелегкую ношу. Одного, помню, нагрузили по самое «не могу», так он вперед нас на место прибежал, разгрузился и домой заспешил.

Спиной к афганцам поворачиваться было опасно. По одному из расположения части ни в коем случае не выходили, а только вдвоем или втроем: один вперед смотрит, другой — назад. Случай был: сидит афганец, в винограднике своем копается, только мы прошли — он нам в спину стреляет.

К десантникам афганцы относились менее агрессивно, потому что по отношению к мирному населению мы вели себя более гуманно в сравнении с той же мотопехотой. У местных были свои обычаи, они были у себя дома и жили по своим законам. Они ненавидели, когда кто-то насиловал их женщин — тогда все, это кровная месть, они уничтожали за это любого. Сама женщина была уже не жилец в своем кишлаке и обычно сводила счеты с жизнью, а ее родственники всеми силами старались достать обидчиков. Ущелий много — где-нибудь, но найдут.

— Снайперы докучали?

— Нет. Мы стояли далеко от гор. Из наших старых «катюш» обстреливали — такое было один или два раза. Не все снаряды взрывались, они так и торчали из земли с маркировкой «1942 г.» на капсюлях. Мы как раз вечером смотрели на улице кино, и прямо над нашими головами полетели снаряды. Потом мы узнали, что одна «эрэска» вошла в землю прямо около двери склада боеприпасов танкистов. Если бы она взорвалась и сдетонировал склад, то от нашего полка, двух госпиталей и санчасти ничего бы не осталось.

Свои снайперские винтовки были, но с собой их мы брали редко. Делали ставку на плотность огня, удобнее был автомат, а носить одновременно и автомат и винтовку было нереально. По большому счету, в тех местностях, где мы ходили, СВД была лишним грузом, к тому же у нее были слишком большие габариты.

— Эта война как-то повлияла на вашу дальнейшую жизнь?

— В общем-то да. Я стал более обдуманно относиться к жизни. С другой стороны — иногда стал выпивать больше, чем надо. И если бы тогда, в 80-е, когда я только вернулся из Афганистана, дети на улицах так же часто, как сегодня, взрывали петарды и запускали всякие фейерверки, то я бы, наверное, сошел с ума. Вскоре после демобилизации я шел по одной из брянских

улиц, мимо ехал грузовой «ЗИЛ», и вдруг, как часто бывает с этими машинами, из глушителя раздался громкий хлопок, похожий на выстрел, я инстинктивно упал на землю, а люди идут мимо и смотрят — дурак я или не дурак; всем прохожим не будешь же объяснять, откуда ты пришел.

Там был инстинкт: малейший выстрел — и ты падаешь или отскакиваешь в сторону. Вдобавок эхо в горах разносило звук выстрела, и казалось, что в тебя стреляют сразу со всех сторон, таким образом, засечь стрелявшего было очень тяжело. Засекали направление выстрела, только если пуля чиркала рядом с тобой, тогда становилось примерно понятным направление ее полета. Но, так или иначе, сразу падаешь и отползаешь куда-нибудь и только потом открываешь ответный огонь.

— Какой эпизод оставил наиболее яркий след в вашей памяти?

— Запомнилось все — такое очень тяжело забывается. Выделить один эпизод невозможно: и служба в расположении части, и выходы на боевые операции — нигде подолгу отдыхать не приходилось.

Самое тяжелое — это отправлять на родину тела убитых, а остальное все — терпимо. И тяжело сейчас на кладбище к погибшим друзьям ходить, особенно если их родителей там встречаешь — это тяжело. Остальное можно вытерпеть.

Потапов Владимир Иванович

Уходил в армию я где-то 20 апреля 1984 года из города Киров Калужской области. В Калуге пробыли трое суток, ждали, пока приедет «покупатель» из Литвы. Приехали в Литву, город Гайджунай, известное место, там еще снимали фильмы «В зоне особого внимания», «Ответный ход». В общем, учебный центр ВДВ. В нем три полка: 80-й, в нем служил Чепик или Мироненко, уже не помню, потом 326-й полк и наш 311-й. У нас в полку готовили сержантский состав, командиров БМД, а рядовой состав готовили в Фергане, мой двоюродный брат Белов был в этой учебке, он в Афгане потом погиб. Из нашего учебного центра не только в Афган отправляли, но и в Германию — на плечи погоны внутренних войск, и вперед.

Итак, полгода учебы. Там были мои первые прыжки с парашютом, у меня всего шесть прыжков, в Афгане мы не прыгали. Занятия по тактике, стрельбы, физподготовка. Гоняли нас там по полной, по шесть километров бегали, а порой бывало и по десять. Отучились, сдали экзамены, уезжаем. Уходили из части ночью, где-то часа в два ночи. Идем колонной, пьяный литовец на мотоцикле «Ява» на большой скорости врезается в наш строй. Или специально поджидал, а может, это случайность, но четверых наших ребят зацепил. Ну а сам он жив или нет, не знаю, мало того что разбился, да так еще ребята со злости ему сапогами

наподдавали хорошенько. Четверых он покалечил, их срочно необходимо было заменить. До утра ждали, пока искали других сержантов на их место. Часов в пять утра мы улетаем. Летим на пяти Ил-76, по сто двадцать человек в каждом. Летим, долго летим, приземлились — Фергана. Оказалось, что наш один экипаж прошел, затем летел почтовый самолет, «духи» его сбили, наших четыре борта развернулись на Фергану. Разместились мы в той учебке, где готовили рядовой состав. Бойцы уже ушли в Афган, казармы свободны, в них мы и разместились. Опять три или четыре дня ждали, пока наши горки блокируют. Прилетели мы в Кабул. Все пять экипажей исключительно сержантского состава на три полка нашей дивизии.

И вот первое мое впечатление: мы идем по аэродрому, нам навстречу, на посадку, дембеля с наградами, кто кричит «Держись мужики!», а кто и «Вешайтесь!». И вот сколько нас туда прилетело, столько же и улетало дембелей.

Нас завели в клуб, поделили, распределили кого куда. По распределению я попал в 350-й парашютно-десантный полк, или просто «Полтинник». Как мы летели в самолете с другом Сашей Семеновым из Наро-Фоминска, так мы попали с ним во второй батальон, который стоял в Кабуле, а третий наш друг, Володя Рощин из Чернигова, попал в третий батальон, он уже служил в Геришках. Потом я Володьку встретил в госпитале, в Ташкенте. Я его сначала не узнал, он сильно изменился. Его зацепила шальная пуля, пробила диафрагму и легкое. Вместе с ним и лечились.

Захожу в свой модуль, а жили мы там в модулях — это помещение, рассчитанное на взвод. У каждого взвода свой модуль, правда, потом мы стенки сломали, и получилось помещение на роту, как казарма. Так вот, зашел я в свой модуль, а в нем никого, все мое отделение было, как у нас говорили, на войне. Потом они пришли с задания, познакомились, и я начал «рулить». В составе моего отделения было три-четыре молодых, а остальные ребята — кто год прослужил, кто больше, и дембеля. Все уже более или менее знали, что нужно делать. Наша рота десантников по штату насчитывала 62 человека, а там, в Афгане, в ее составе было человек 40 самое большое, взвод 12–15 человек плюс приданные бойцы. На первых порах мне приходилось практически командовать взводом, потому как сержантов никого: кто ранен, кто убит. Иногда давали прапорщика как комвзвода.

— Можете вспомнить свое первое боевое задание?

— Первое время после того, как прилетели в часть, нас не трогали. Две недели нас немного поучили, погоняли по сопкам, дали пострелять. Патронов не жалели, даже порой излишки

отсыпали куда-нибудь незаметно, чтобы поменьше стрелять. Вот первое задание уже и не помню: то ли на Джелалабад поехали горки блокировать, то ли на Чарикар. В основном мы Чарикар прочесывали, это довольно большая долина. Выезжали по Гардезской дороге, и что меня удивило — это ее асфальтное покрытие. Едем, а дорога без ухабов, думаю, дай посмотрю, что за дорога, вылезаю на броню, смотрю — а там асфальт. Говорят, наши специалисты этот асфальт укладывали, и при такой жаре он не трескается и не тает.

Помню, как из Баграма броню выводили, там нам сильно досталось. Нас обстреляли из ДШК, погиб один наш сапер. Броня старая была: танки Т-34, БМП и БМД тоже старенькие. Наш комбат вызвал на помощь авиацию, прилетели «миги», очень хорошо отработали «зеленку».

— Что можете сказать о потерях?

— При мне двоих взводных убило, молодые, после училища. У нас ведь было как: найдешь автомат или винтовку английскую — и считай, Красная Звезда твоя. И вот они все рвались за этой Красной Звездой и получили ее, но уже посмертно. Было, и по два-три человека убитыми теряли за бой, но больше было раненых, сержантский состав часто выходил из строя. Перед самым последним боем я наконец встал на свое место: пришел молодой офицер на должность командира взвода, вернулся из госпиталя замком взвода, пришли сержанты на отделения. Я вновь стал командиром своего отделения и перекрестился.

На боевых операциях, бывало, и расстреливали «духов», я, правда, в этом не участвовал. Часто бывало так, что, когда одного или двоих наших убьют, тогда за одного пятерых «духов» могли расстрелять. Иногда пленных использовали как рабочую силу, помню, как минометчики двоих «духов» в таком качестве использовали: они им плиту и ствол миномета довольно долго таскали.

Я прослужил в Афгане недолго. Последний мой бой был 13 февраля 1985 года. Подробно, конечно, всего не помню, времени уже прошло с тех пор довольно много, но основные эпизоды того боя расскажу.

Это случилось в районе Чарикар, том самом, который мы уже много раз прочесывали. Мой взвод направили в дозор. И вот я вижу, как все «зеленые», что были с нами, потянулись назад. Мы пошли вперед и увидели глиняный забор, в котором была пробита дыра. Как только мы прошли в эту дыру, по нам открыли огонь из «зеленки». Мы прорвались немного вперед, и нас отрезали от основных сил. Я увидел неподалеку какую-то

часовню, залез на нее, как на наблюдательный пункт, чтобы посмотреть, откуда бьют, следом за мной залез еще один боец. Этот бывалый парень сказал мне, чтобы я отошел от окошка, и, как только я сделал несколько шагов назад, в окно влетела пуля и попала в стену. Если бы я не отошел, то наверняка был бы покойник, вот как сердце тому «деду» подсказало. Мы спустились и напролом пошли дальше вдоль дувала. Неожиданно раздался выстрел, пуля сбила шапку с моей головы, если бы голову чуть выше поднял, то как раз бы в нее и попали. Впереди был двухэтажный дом. Откуда мне тогда было знать, что там, в этом доме, съезд главарей банд?! Мои бойцы шли вперед, а я их прикрывал, стреляя по окнам и бойницам. Ребята все прошли, я пристегнул последний магазин, побежал вперед, как вдруг из дома по мне заработал пулемет, меня охватил страх, уже потом я вспомнил, как наш ротный говорил, что если пуля свистит, значит, не твоя, свою пулю не услышишь. Пули свистели над головой, но я попал в мертвую зону, в которой огонь пулемета меня не доставал.

В том бою на моих глазах погиб пулеметчик, здоровый парень, он всегда брал с собой много патронов, по «зеленке» мастерски стрелял. Фамилию его не помню, потому что он был из второго взвода, да к тому же еще и дембель, до этого он где-то на зачистке нашел пять миллионов афошей, говорил: «Дембель себе сделаю, а остальное вам отдам». Когда подбежали к дому, он ринулся к двери, а та была закрыта, тут в него выстрелили «духи», он упал прямо на крыльце. Я хотел было подбежать к нему, чтобы вынести, но огонь по нам был очень плотный, только клочья земли летели. Я откатился в сторону и снаряжал магазин. В это время «духи» кинули в меня гранату, к счастью, это была РГД, она взорвалась в двух метрах от меня и только немного толкнула, а пулеметчику в голову попало, он погиб.

Мы ворвались в дом и оказались в комнате на первом этаже, а «духи» были на втором. Они попытались пробить в потолке дыру, чтобы закидать нас гранатами. Взводный молодой взял мой бронежилет, мысль свою он тогда не сказал, но, как я понял, он хотел занять соседний дом и из СВД перестрелять «духов» на втором этаже. Но соседний дом уже был занят «духами». Нас зажали со всех сторон, помощь подойти не могла. Я связался с ротным по радиостанции, он попросил нас обозначить себя, и я выпустил в окно сигнальную ракету, но она ударилась о кусты и упала на землю, выстрелить в дверь я не мог: она была под огнем «духов». По рации я попросил ребят выстрелить из миномета, чтобы по взрыву можно было определить, где мы. Они выстрелили, взрыв прогремел почти рядом — метрах в

пятидесяти от дома. По рации я предупредил, что мы совсем близко к разрыву, и попросил, чтобы ближе к нам не стреляли, так как нас могло накрыть своей миной. Ребята пытались деблокировать нас, кругом возникали стычки, стрельба, и продвинуться не удавалось, нас тем временем прижали еще сильнее.

Тут я получил первое ранение. Во весь рост к дому подходил душара-наемник, скорее всего, он был не афганец (наемники там были в основном французы), потому что рост его был метра под два, афганцы обычно намного ниже. Он нагло шел и стрелял на ходу, магазин у него, кстати, был через один патрон снаряжен трассерами. Я укрылся за маленькой дверочкой, мой автомат перегрелся — на него надежды не было. Дверь открывалась внутрь, а я справа от нее прижался к стене, левой рукой было неудобно бросать гранату, но другого выхода не было. Я взял «эфку», подождал, пока враг подойдет поближе, приоткрыл дверь и бросил гранату. Он успел выстрелить, пуля попала мне в руку. «Духа» я все-таки убил — «эфка» есть «эфка», она взорвалась у него под ногами. Потом еще одну «эфку» я бросил через забор, когда «духи» спрыгивали, там взрывом человека три или четыре уложило, кричали они здорово.

Из моего взвода только четверо парней осталось невредимых, пулеметчика убило, потом погиб еще один молодой, остальные были ранены, снайперу-таджику (он же и переводчик) пуля попала в ногу. Мне пулей зацепило нерв, и рука повисла как плеть, а бой тем временем продолжался, перевязываться мне было некогда. Только я подошел к двери и хотел выйти, как «духи» бросили гранату, и меня «размазало» по всей стене, два осколка попали в бок.

Я уже смутно помню, что было дальше, все перед глазами загорелось, я упал через порог, ребята тут же оттащили меня обратно. Хорошо, что с собой были аптечки, мне снайпер вколол два тюбика промедола и наложил на рану повязку.

Еще одно запомнилось: дверь была хотя ненадежным, но все же прикрытием, а когда меня второй раз ранило, то этим же взрывом гранаты разбило и дверь, теперь пули летели насквозь. Я сказал таджику и молодому по фамилии Панфилов, чтобы били наверняка: «Если видишь близко — долби!» С нами был один дембель, так он стоял, смотрел полминуты в окно, а потом резко упал на колени и захрапел, его толкнули, он пришел в себя, а спустя полминуты снова неожиданно уснул.

Тот бой длился около двух часов. Закончился он так же неожиданно, как и начался: наши ребята надавили на «духов» огнем, и те отошли. Я помню, как к нам прорвались свои, тогда

какой-то прапорщик забежал в дом, и от сердца у меня сразу отлегло. А мой друг Саня Семенов, как только узнал, что меня в доме «духи» подзажали, со своими бойцами стал пробиваться к дому. Уже потом, когда Саня пришел ко мне в госпиталь, он показал свою простреленную шапку и поведал, что когда бежал ко мне на выручку, то случайно споткнулся, и как раз в этот момент очередь прошла над его головой, а одна пуля пролетела совсем близко от виска, так что повезло в том бою нам обоим.

В ходе боя «духов» выбили из кишлака и погнали дальше по «зеленке». Потом ребята рассказали мне, что тех «духов», которые нас в доме окружили, наши бойцы зажали в керизе, душманов было человек шестьдесят, и были те «духи» из банды Ахмад Шаха. Наши предложили им сдаться, но они не сдались.

Нас деблокировали и стали вызывать вертолеты для отправки раненых в госпиталь. После того как меня перевязали, я хотел было пойти сам, но успел сделать лишь три шага, но слишком много было потеряно крови, вся одежда была в ней. Я упал и потерял сознание, вдруг мне стало так хорошо, птички вокруг пели, мне показалось, что попал в рай. Тем временем дембеля несли меня к дыре в глиняном заборе. Когда, чтобы пронести меня, стали эту дыру расширять при помощи штык-ножей, то, видимо, задели нерв на раненой руке, я очнулся. Я сказал ребятам, что я еще здесь. «Да, да, здесь ты», — ответил кто-то из них. Меня пронесли через забор, краем глаза я заметил афганских «самообороонцев» с автоматами ППШ. Потом меня загрузили в санитарный БТР, всех остальных раненых забрал вертолет, а вместе со мной на бэтээре поехал капитан санитарной службы. Привезли в госпиталь, положили в палатку, капитан поставил капельницу, дал разогретой сгущенки, и я уснул. За ночь сильно замерз: ребята накинули на меня сверху несколько спальников, а снизу ничего не подстелили, груди было жарко, а спина замерзла. Наутро за мной прилетела «вертушка», летчик сказал, чтобы я не спал, и упомянул, как один раненый, которого он вез, уснул и больше не проснулся. Мне задали вопрос: «Куда тебя везти? В Кабул или в часть?» Я попросился в наш полковой госпиталь.

В.И. Потапов (в центре) со своими боевыми товарищами

Я пролежал в госпитале два месяца. Врачи там были хорошие, помню, как майор медицинской службы долго возился с моей рукой, сшивая нервы. Еще он вытащил большой осколок гранаты, который разворотил мне бок, вытащил, а маленький осколок оставил, сказав, что сам выйдет, до сих пор он сидит у меня в боку как напоминание об Афганистане. В наш госпиталь вместе со своими генералами приезжал и Бабрак Кармаль, они привезли нам подарки, из которых помнились ящики апельсинов и радио. Был у нас с концертом и Иосиф Кобзон, он пел полтора часа почти без перерыва. Поправившись, мы постоянно спрашивали у персонала, когда нас отправят в Союз, а доктора лишь отвечали, что скоро. В один день неожиданно зашел доктор и сказал, чтобы мы быстро собирались — нас уже ждет самолет. Мы так заспешили, что даже не успели завязать шнурки на ботинках, вместе с еще одним выздоравливавшим парнем мы сели в машину, которая довезла нас до аэродрома, и отправились самолетом в Ташкентский госпиталь. Там опять были операции, иглоукалывание, я очень долго мучился с рукой. Пару месяцев пробыл в Ташкенте, потом меня отправили в Ленинград, можно сказать, что за полгода я два раза встречал весну: один раз в Ташкенте и один — уже в Ленинграде. Там мне вылечили руку, с тех пор она вновь нормально функционирует, огромное спасибо за это докторам.

— Поддержку авиации запрашивали часто?

— Вообще авиацию по рации вызывали часто. У меня, как у командира отделения, была рация Р-48, я связывался с ротным, у него была уже Р-123, мощность которой была намного больше, а он, в свою очередь, связывался с батальоном и полком. Большинство вертолетчиков были опытные и бесстрашные, но бывали и посредственные: израсходуют боекомплект по пустому месту и улетают. Порой мы их побаивались, и как только неподалеку зависал вертолет, мы от него на всякий случай прятались, ведь мало ли в каком направлении он мог открыть огонь. У нас было правило: когда подлетает «крокодил» (Ми-24), то мы сразу обозначали свое расположение дымами бордового цвета, увидев которые вертолетчики сразу понимали, где свои.

Был случай, когда «миги» полностью разнесли точку, занятую нашими бойцами. Летчики получили устаревшие данные о взаимном расположении наших частей и сил душманов, а ребята уже отбили у душманов позиции, тем временем прилетела авиация и ударила по старым координатам. В попавшем под удар подразделении были ужасные потери. Подобных случаев было довольно много. Или, например, прилетел какой-то генерал и начал учить летчиков, как надо летать по ущельям. Так вот одного летчика и сбили — он начал приземляться прямо на позицию зенитного ДШК душманов.

Десантировались в основном из вертолетов, парашюты были отменены сразу. «Вертушки» иногда садились, иногда зависали в метре над землей или немногим более, и мы выпрыгивали. Порой случалось так, что летчик зависал слишком высоко, тогда дембеля заходили в кабину к летчикам и вытаскивали одного из них, чтобы посмотрел, на какой высоте они зависли, после этого летчики старались опустить машину пониже. После того как мы выпрыгивали, «вертушка» сразу же уходила. В вертолете обычно помещалось девять десантников. Бывало, когда вертолет зависал над местом десантирования, ты только видишь, как появляются дырочки в его корпусе, — это снизу стрелял ДШК душманов, тогда стараешься прижаться к стенке. Пули ДШК легко пробивали броню вертолета.

Могу вспомнить один случай, который произошел в самом начале моей службы в Афганистане. Мы ехали на машинах в сторону Джелалабада, вдруг одна из них сломалась, ротный оставил меня для помощи в ремонте, а остальная колонна ушла вперед. Мы быстро отремонтировали машину, догнали своих. Когда мы ехали по «зеленке», нас обстреляли. Невдалеке ехала «барбухайка» (телега), мой пулеметчик, подумав, что стреляют именно с телеги, дал несколько очередей по ней, и только потом мы поняли, что огонь по нам велся из лесного массива. Мы

быстро догнали своих и принялись проводить «шурави-контроль» местного населения. Проверяем документы по принципу: показал бумажку — в одну сторону, нет бумажки — в другую. Показывает мне афганец свою бумажку, на ней по-афгански написано, и что там написано, никто не знает, но бумажка есть — значит, все нормально.

Самое тяжелое — это подъем в горы. На первую горку, помню, лезли всю ночь. Высота ее была где-то 3400 метров. За тот подъем я потерял килограммов шесть своего веса. Физические нагрузки были очень серьезными, сила, конечно, была, я ведь парень деревенский, к тому же не курил, не пил и немного занимался спортом. Поэтому я поднялся на свою первую гору вторым, а первым на нее забрался сержант-дембель, после этого восхождения мои ребята стали меня уважать. Один раз мы попали, как в том фильме, в каменный мешок. Мы долго поднимались вверх и так высоко залезли, что спускаться негде было — кругом одни обрывы. На вершине горы было по пояс снега, нам, правда, на такие случаи выдавали валенки. Пока поднимались, выкинули все мины, которые нам дали минометчики, и часть собственной экипировки. Как спускаться, мы не знали. Тогда нашли оригинальное решение: сняли все ремни с автоматов и пулеметов и связали их между собой таким образом, чтобы получилась довольно надежная альпинистская веревка. Спустилось нас человек семь, остальные этого сделать уже не могли — они потратили все свои силы на подъем, некоторые при падениях получили переломы ребер. У этой горы было три удобных выступа: один метров в десять, второй — двадцать, и третий тоже метров десять. Спускались так: двое держат канат из ремней, один спускается, и так по очереди. Когда спускался снайпер, он уронил свою СВД, которая упала и ударила стоявшего внизу бойца прикладом по голове, травма, к счастью, оказалась несерьезной.

Наша спустившаяся группа пошла на перевал, когда уже начинало темнеть. Когда мы на него поднялись, я увидел, как внизу жгут костер «духи», а двое из них лезут к нам на перевал. Если бы мы начали по ним стрелять, то душманы накрыли бы нас плотным огнем. Подождав, пока мои ребята отойдут подальше, я осторожно бросил под ноги этим двоим «эфку» в расчете на то, что душманы у костра подумают, что они подорвались на растяжке. После взрыва я не стал смотреть на результат своей работы и поспешил прочь. Ответного огня «духи» не открывали, может быть, оправдался мой расчет.

Один раз мы отбили у «духов» часть каравана с оружием. Уже темнело, мы стояли на БД (боевое дежурство), и прозвучала

команда на выезд. Я с товарищами тогда как раз был в нашем небольшом клубе, где давал концерт ансамбль «Голубые береты», прозвучала тревога, все побежали по машинам. Нам давалось десять или одиннадцать минут на выезд и выход на связь. Поначалу все думали, что это, как обычно, тренировка, но наши надежды не оправдались — у командования были разведданные о том, что идет караван.

Нас вел офицер, подъехали к месту, обстреляли «зеленку», стали полукольцом, выставили посты и остались на ночь. Утром пошли прочесывать «зеленку» и нашли трех убитых верблюдов с навьюченными на них тюками, а «духи» успели отойти. В тюках оказалось оружие и патроны. Винтовки — английские «Буры» — мощное оружие. Мы часто вычисляли «духов» по синяку на плече, потом они научились подкладывать поролон, чтобы была меньше отдача. После той операции у меня в ружейной комнате долго лежали четыре неучтенные винтовки.

Вообще, на задания и операции ходили часто. Наш 350-й полк, как я потом узнал, был чуть ли не штрафной, и, как только где-то начинались проблемы, нас всегда перебрасывали к месту боестолкновения. Я был удивлен, когда узнал, что в афганской армии есть свои десантники. Как-то раз, когда Чарикар прочесывали, нам их придавали. Они ехали с нами на броне, смотришь: если они в хвост колонны начали уходить — все, значит, «заварушка» будет. Самое плохое — это идти на задание первым или последним. Если первый — то можешь на растяжке подорваться, а последнего могут «духи» из «зеленки» убить. Мне приходилось и первым ходить, и последним, крутишься тогда как волчок то влево, то вправо. Вспоминаю нашего отчаянного старшего лейтенанта, он два года пробыл в Афгане, и неожиданно ему из Союза пришло письмо, что его дочь погибла в автокатастрофе. Он принимал участие во многих операциях. Помню, кишлак какой-то блокировали и вели по «духам» лобовой огонь, самым главным было прижать их своим огнем, они тоже люди и боятся, пули рядышком посвистят — и они прижимают головы к земле. И вот этот старлей со своими бойцами пошел в обход, мы еще стояли на месте, а он уже в плен «духов» взял и ведет их. Вообще, они нас, десантников, побаивались, не знаю, как насчет пехоты, а нас они точно боялись.

Кстати, войска Александра Македонского в свое время тоже Афган проходили, в горах даже стоял памятник великому завоевателю. Так, Македонский говорил: «Афганистан пройти можно, но завоевать его нельзя». И вот такой связанный с этим памятником случай мне запомнился. Одного нашего сержанта убили прямо возле этого памятника. Наше подразделение

поднималось в гору, этот сержант шел замыкающим, и он решил отойти в сторону и поближе рассмотреть этот памятник. Оказалось, что неподалеку от памятника остановилась на отдых группа «духов». Сержант успел сделать по ним лишь несколько выстрелов и погиб под шквальным огнем душманов, которых, как потом оказалось, было человек шестнадцать или семнадцать, в ходе боя мы их всех перебили.

— Небоевые потери в вашей части были?

— Порой ребята погибали просто по своей глупости. Например, был случай: пришел один солдат к другу в госпиталь, был, как всегда, с оружием, он вытащил пулю из патрона и заткнул бумажкой порох. Наставил на своего друга автомат и говорит ему: «Руки вверх!» — и нажал на курок, а переводчик огня стоял на автоматической стрельбе: три пули попали другу в грудь, тот умер на месте. Вот и пошутил!

Или можно вспомнить подготовку к дембелю. Пошел дембель с молодым бойцом в кишлак, случилась перестрелка, дембеля ранили. Молодой его тащил до своих, но сил не хватило, оставил метров за сто от наших позиций и побежал за помощью. Прибежали ребята, а солдат уже был мертв: его закололи вилами. Такие случаи нечасто, но бывали.

Были и самострелы. Таких бойцов, конечно, не уважали, после лечения их возвращали в часть и отправляли на самые черновые работы, а на дембель отправляли в драной шинели и оборванных сапогах. Как-то раз один сержант хотел перейти к «духам», поделился мыслью с молодым, а тот его сразу сдал. Забрали их обоих в особый отдел, который работал там как надо — после операции или зачистки, если все прошло без потерь, никого не трогали, а если есть раненые или убитые, то начинали всех подробно опрашивать. Нам говорили, что если ты даже был герой в бою, то лучше промолчать, иначе начнут потом опрашивать, что делал, как делал, лучше, конечно, с особистами не связываться и лишний раз промолчать.

— Какой была ваша экипировка?

— Еще в Литве выдали два комплекта белья — летнее и зимнее. Потом РД — рюкзак десантника. В него по бокам укладывали 450 штук патронов, сверху — пуховик, потом бронежилет, автомат с четырьмя магазинами; у меня был еще и подствольник, так еще и десяток зарядов к нему, парочка гранат Ф-1, РГД не брали, от них толку мало, а «эфка» была намного эффективнее. Как правило, пулеметчик распределяет ленты на всех, патронов по сто — сто пятьдесят каждому. «Агээсник» — по

четыре выстрела на брата. Если нам придавали минометчиков, то так же распределяли мины: по одной подвешивали спереди, а сами минометчики и так были до предела навьючены: кто плиту тащит, кто ствол. Минометы в основном у нас были «духовские» французского производства, калибр такой же, как и наш. По весу экипировка на боевых примерно килограммов сорок будет.

— Бывали курьезные случаи?

— Однажды мы долго шли на задание, все устали, устроили привал. Полежали, отдохнули, перекусили, прозвучала команда «подъем», и мы пошли дальше. Один парень уснул в кустах и не поднялся, никто о нем сразу не вспомнил. Бедолага потом целую неделю по «зеленке» пробирался, пока не вышел на нашу точку. Ему повезло, что никого за неделю не встретил из «духов».

Был еще один случай, правда, курьезный он или нет, сказать трудно. Приехали на задание, спрыгнули с брони и пошли в гору. Проверили местность, «духов» не обнаружили, спустились к подножию. Вскоре подошла кухня, собрались есть, а котелков нет — их в спешке попросту забыли. Я взял цинк, патроны высыпал — получилась емкость для первого. Затем вынул подшлемник из каски — получилась посуда для чая. Вообще, во время боевых выходов мы сухим пайком не питались. Смотришь, а кто-нибудь уже барана подстрелил, или курочек поймали — значит, сегодня живем, будет мясо.

— Были поверья, приметы?

— Одно скажу: моя крестная, когда я в армию уходил, отдала мне свой крестик, и я его сохранил. А когда вернулся, она его забрала. Может, мне он и помог, не знаю. Хотя у нас с этим там строго было: за этими вопросами следил замполит.

Помню, еще замполит долго разбирался, когда кто-то из наших отобрал у афганки часы, «промывка мозгов» была серьезная. Вообще нам иногда разрешали брать себе кое-какое добро на зачистках. Однажды вскрыли дукан (магазин), а там чего только нет: и джинсы, и батники, и сигареты — все было импортное, правда, и наши сигареты «Космос» и «Ява» тоже были. Потом сам комбат просил поделиться с ним сигаретами. Однажды мы пришли в часть после зачистки, нас построили и приказали выкладывать все из карманов и рюкзаков. Я такого количества барахла ни на одном рынке не видел, кто-то даже самовар умудрился притащить.

— Есть ли у вас боевые награды?

— Да, есть медаль «За боевые заслуги». Вообще, меня

представляли два раза: в первый раз замполит батальона на какую-то железку писал, кажется, на медаль, а за последний бой уже на Красную Звезду представляли. Медаль мне прислали позже, когда учился в институте в Туле. В институте при поступлении посмотрели мои документы, увидели, что я воевал, ранен, а награды нет, и руководство института написало запрос командованию моей части. В нашем полку было больше, чем в любой другой части, представлений к награждению, кажется, их было более 1200, ведь полк был боевой, нас бросали во все дыры. Ну а по поводу наград всякое бывало: у нас на хлебозаводе парень один работал, уходил с Красной Звездой, за хлебом все бегали — так сказать, уважаемый человек.

— С однополчанами встречаетесь?

— Мой друг Саня Семенов, как только пришел из Афгана, так сразу приехал ко мне погостить, общаемся с ним до сих пор. Как-то на юбилей ездили в Калугу, потом был банкет, я искал ребят из «Полтинника», но никого не оказалось. Есть еще один мой земляк по фамилии Морозов, он служил офицером в артполку, который стоял рядом с нами. А так вообще с теми, кто был в Афгане, связь поддерживаю.

— Было ли страшно там, на войне?

— Страшно стало тогда, когда меня подстрелили. После этого я стал побаиваться за свою жизнь, подумал и решил, что нет, что-то мне опять на войну не хочется. А до этого никакого страха не было: надо так надо. У нас была там хорошая мысль и идея, из-за чего мы так бесстрашно воевали. Ротный однажды сказал: «Я своих никого на поле боя не оставлю: роту положу, но ни одного человека на поле боя не оставлю». Из-за этого мы часто лезли на рожон, потому что знали, что, как ротный сказал, так и будет. Такой у нас там был закон.

Честно говоря, мне повезло, что я полгода лежал в госпиталях. Сначала война очень часто снилась, потом успокоился и для себя решил, что это была сказка, выбросил все из головы и стал потихоньку все забывать.

Зорюков Евгений Дмитриевич

— В каком подразделении вам довелось служить?

— Я был ефрейтором во 2-м десантно-шурмовом батальоне 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады, моя воинская специальность — радиотелефонист. Затем проходил службу в 70-й гвардейской отдельной мотострелковой бригаде,

образованной весной 1980 года из 373-го мотострелкового полка 5-й мотострелковой дивизии и 2-го десантно-шурмового батальона 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады.

— Расскажите о том, как вы попали в Афганистан.

— Призвали меня 23 октября 1979 года из города Киров Калужской области. Со сборного пункта в Калуге нас повезли в Ташкент, сопровождающим был старший лейтенант Козлов, наш земляк, калужский мужик, впоследствии ставший Героем СССР. Из Ташкента прибыли мы в город Чирчик, это где-то в 30 километрах от Ташкента. Началась моя служба в десантных войсках.

Утром 11 декабря 1979 года прозвучала команда «Подъем!», выбежали с голыми торсами на зарядку. Командир взвода лейтенант прибежал и говорит нашему сержанту: «Что ты, одурел?! Боевая тревога! Ну-ка быстро одеваться, получать оружие и на плацу построение!» Забегаем в казарму, быстро одеваемся и в ружпарк. Хватаем, что кому попадется: кто автомат, кто пулемет, были такие, кто ухватил себе пистолет, мы толком еще не понимали, что происходит. Построились, лейтенант прошел вдоль строя и спросил, у кого пистолеты. Кто был с пистолетом, получил гранатомет, стоявший рядом назначался подносчиком гранат.

Затем мы получили цинки с патронами, гранаты, рюкзаки были свои. Погрузились на машины и поехали на аэродром. Выгрузились, сидим, ждем, а вокруг такой грохот стоит: вертолеты, самолеты — все с запущенными двигателями. Поступила команда «Отбой!». Вернулись в часть, вновь вышли на построение. Заместитель командира полка по строевой части майор Карпушин встал перед строем и сказал: «Вот, ребята, такая ситуация: вы присягу не приняли, а уже боевая тревога, такого еще у нас не было. Значит, будем принимать присягу». Вышел солдат и перед строем прочитал текст присяги, а мы лишь в нужных местах хором произносили: «Клянемся!» После того как все приняли присягу, мы расписались в документах. Потом была команда отправляться в столовую, а после отдыхать. Спали в одежде, а вечером опять тревога, распределились по машинам, поехали на аэродром. Загрузились в вертолеты, причем личный состав сел в вертолеты Ми-8, а машины загрузили в Ми-6. Взлетели. Я не помню, как точно пролегал маршрут, помню посадку у туркменского города Мары, затем перелетели еще куда-то и заночевали в спортзале школы. Помню поселок Черная Змея, в нем мы тоже садились, и потом мы приземлились где-то под

Кушкой. Мы сели на площадке между сопками, на этом же месте и разбили свой палаточный лагерь. Мы пробыли там дней пять, почти сразу появились вши. Чтобы от них избавиться, мы сходили в баню. С 11 декабря и до самого Нового года мы летали вдоль границы с Афганистаном.

30 декабря вернулись мы в Чирчик. Новый год нужно было как-то отметить, и мы достали у летчиков спирта, узбеки сбегали в магазин, где купили конфет, печенья и несколько бутылок вина. Мы накрыли на стол, для встречи Нового года было все подготовлено. Я решил припасти спиртного на утро и выкопал под ножкой стола в песке ямочку, положил туда бутылку вина, сверху фанерку и поставил на нее ножку стола. Неожиданно к нам в палатку зашли комбат и замполит, они приказали нам достать все спиртное. Мы стали было оправдываться, но, раздражаясь и повышая голос, замполит сказал, что если не отдадим добровольно, то они устроят обыск. Нам пришлось отдать все свои спиртные припасы командирам. Увидев, сколько у нас алкоголя, комбат не удержался и выпалил: «А если вдруг боевая тревога, с кем мы воевать поедем?»

Мы не понимали, куда и зачем мы должны были отправляться воевать, но, когда офицеры ушли, настроение было мрачным. В голову лезли всякие нехорошие мысли: «Воевать? Где? С кем? А может, так они пошутили?» Я достал из-под стола припрятанную бутылку, но пить никто уже не хотел, и я разбил ее о камень. Вскоре все легли спать. А в пять часов утра прозвучал сигнал боевой тревоги. Мы очень быстро собрались, погрузились в «вертушки» и полетели в неведомом нам направлении. Мы летели и смотрели вниз, а там шли колонны наших войск, танки, машины. Вдруг к нам вышел летчик и сказал, что мы пересекли границу с Афганистаном. Теперь всем все стало понятно. Так я и попал в Афган. Это произошло 1 января 1980 года, эту дату невозможно забыть.

Прилетели в афганский город Шинданд уже под вечер. Приземлились, разбили палатки, переночевали. Утром подъем, растопили свою полевую кухню, позавтракали. А потом снова по вертолетам и полетели дальше, теперь уже в Кандагар. Выгрузились, установили палатки в поле вокруг аэродрома, комбат отдал приказ рыть окопы вокруг аэродрома. Так началась наша служба в Афганистане, вместе с ней началось и множество проблем. Вода была первой из этих проблем: мы попросту не знали, где ее искать. Потом наши офицеры стали договариваться с афганскими военными, которые привозили по бочке в день, но и этого было крайне мало. Целый месяц мы питались в основном сухим пайком.

Ночами было около нуля, наутро лужи покрывались коркой льда. Кандагар — город небольшой, его улицы покрыты асфальтом, дома двухэтажные. Женщины и девушки ходили в парандже. Первый раз я увидел афганскую девушку с открытым лицом только через некоторое время в Кабуле, она была водителем городского троллейбуса. Тогда я для себя отметил: а афганки симпатичные, раньше-то я их лиц не видел, вот и показалась мне тогда, что она была красавица.

Месяц мы пробыли на охране аэродрома в Кандагаре, было тихо, еще никто не стрелял. Из Союза прибыл полк пехоты, который нас заменил. В очередной раз мы загрузились в «вертушки» и полетели на новое место. На этот раз наш батальон разбросали по разным городам: моя рота отправлялась в Газни, другая рота — в Джелалабад, и рота — в Гардез.

В нашей роте насчитывалось 125 человек. Я служил во взводе связи радиотелефонистом. Рации у нас были Р-5, а затем Р-7 — эта рация была уже менее тяжелой. Позже, когда начали воевать — а активные боевые действия начались примерно с апреля 80-го, — если на задание шел комбат или начальник штаба, то мы всегда должны были быть при нем.

В Газни мне запомнился взвод спецназа: все ребята были спортсмены, мастера спорта. Все были накачанные: кто боксер, кто самбист. Что они делали, никто не знал. Их забрасывали в горы, порой на месяц. Змей, лягушек и сусликов всяких они ели как сырыми, так и вареными. Там, в Газни, наша рота, так же как и в Кандагаре, охраняла аэродром. Взлетная полоса была бетонная, ее строили еще англичане, они построили и дома вокруг, и гостиницу. До апреля наша рота пробыла в Газни. Где-то 4 апреля 1980 года наш батальон вновь собрался воедино в Кандагаре, тогда уже начали постреливать. Вертолеты подвергались очень сильному обстрелу с земли, поэтому наша рота через Кабул добиралась до Кандагара на машинах. Когда ехали, то меня поразило, что прямо в скале сделаны дома с окнами и дверьми, было много таких «квартир», только я не заметил, как жильцы туда забираются. В Кандагаре собрались пехотный полк и наш батальон, который был ему придан. Пехота стояла в охранении, а мы начали воевать.

Когда весь наш батальон собрался воедино в Кандагаре, мы начали понемногу обустраиваться. Ставили большие палатки, внизу был деревянный каркас, а сверху брезент, под которым поставили двухъярусные койки, одна палатка была на два взвода. Вскоре своими руками построили столовую, в которую из Союза «вертушками» привозили продукты. Начали приходить и автомобильные колонны; топливо, доски, боеприпасы — все это

нам привозили машинами. В первое время не хватало воды, поэтому начали копать колодцы, грунт был сплошным гравием, метров восемь прокопали, появилась вода, но на вкус она была очень соленая — обольешься ею и через минуту становишься весь белым от соли. Нам привозили воду, но на 20 человек 200 литров в день не хватало: жара началась градусов 40, поэтому пить хотелось всегда. Со временем втянулись, и так сильно пить, как поначалу, уже не хотелось.

— Расскажите про ваш первый бой.

— Тогда, кажется, просто нас обстреляли. Лучше расскажу о том бое, когда мы попали в окружение, запомнился мне этот бой. Утром НШ (начальник штаба батальона) пришел и сказал, что нужно проверить зеленую зону — часов в десять должна пройти колонна. Зеленая зона — это виноградники вдоль дороги, самое опасное место, обычно из нее «духи» и нападают. Сели по машинам, и вперед, когда подъехали к месту, БМД оставили у дороги. НШ дал нам сектора, и начинаем прочесывать. Шли по виноградникам метрах в 200–300 от дороги, цепью, в пределах видимости друг друга. Проверили зеленую зону, там никого не оказалось.

Колонна прошла нормально, мы собрались и отправились в обратный путь. Мы сидели на броне, и я, на свою голову, сказал начальнику штаба, что в стороне стоит толпа человек в 50 афганцев. Капитан был всегда впереди, а мы его как бы защищали, стараясь сами идти вперед, ведь если бы его убили, то командовать стало бы некому. НШ приказал проверить, что за люди. Две наших машины свернули с маршрута и направились к толпе, как только афганцы это увидели, то стали разбегаться. Мы спешились и побежали за ними. И вот началось: один выстрел по нам, другой — огонь усиливался. Со мной рядом бежал лейтенант из санчасти, он не должен был идти с нами, но просился съездить на задание, вот и взяли его с собой.

Утром, когда мы поехали встречать колонну, было прохладно, и одеты мы были в бушлаты, а когда началась эта «заварушка», было уже часов одиннадцать, стало жарко, бежим, а с нас пот градом. Смотрим, а в винограднике появилась голова и сразу пропала, потом другая. Я несколько раз выстрелил туда из автомата. Крикнул лейтенанту, что одного убил. Подбегаем к «духу», он готов: пуля попала ему в голову, полчерепа снесло. Обыскали убитого, винтовка у него была старая английская, сумка с патронами, нож был красивый выкидной — нажимаешь на кнопку, и выкидывается лезвие. Лейтенант как только увидел нож, то сразу же запросил его себе, я отдал трофей, мне было не

жалко. А еще у того «духа» была большая пачка денег, их я тоже отдал лейтенанту, правда, немного и себе оставил, положив под козырек шапки. Пока мы обыскивали «духа», наши убежали вперед, мы догнали их, они уже пятерых взяли в плен.

Обыскав пленных, мы связали им руки и пошли дальше. Забара, Бендер и начальник штаба шли впереди, за ними следом шли пленные «духи», я был замыкающим. Мы шли мимо глиняного забора, слева и справа от которого рос виноград. С левой стороны «духи», наверное, не увидели наших ребят впереди и меня в конце колонны, а заметили только своих, что шли посредине, душманы во все горло закричали что-то своим по-афгански. Я положил на забор автомат и короткими очередями выстрелил несколько раз по стоявшим у виноградника душманам, один из двоих упал. Мы с Бендером побежали к убитому, в этот момент второй душман выглянул из виноградника, я поднял автомат, нажал на спусковой крючок, но раздался лишь щелчок: патронов в магазине не оказалось, в азарте я не заметил, как они закончились. Душман присел, и я тоже, там были какие-то грядки, «дух» спрятался между ними. Я перезарядил автомат и сказал Бендеру, что сейчас я его обману, обойду сбоку и уложу. Но я передумал и примерно в то место, где прятался «дух», кинул «эфку». После взрыва я встал. К моему ужасу, душман встал вместе со мной, он выстрелил в меня из винтовки, а я в ответ дал по нему очередь от пояса, он сел, а я упал на бок. Я услышал крик Бендера: «Танюшу убили, Танюшу убили!»

Почему Танюша? Когда прилетели в Чирчик и нас распределили по взводам, лейтенант, командир взвода, привел нас в казарму и сказал сержанту: «Вот молодые, знакомьтесь». А сержант смотрит на меня и говорит: «Смотри, как Танюша». Я не понимал, о какой Танюше идет речь, а потом сержант объяснил, что у них во взводе был солдат, который к тому времени уже демобилизовался, и по фамилии прилипло к нему прозвище Танюша, а я оказался очень внешне похож на того солдата, вот он и удивился.

Так вот, я крикнул Бендеру: я живой, и шуметь ему не надо. Оказалось, что, когда я стрелял по «духу», от неожиданности или машинально завалился на бок, он ведь тоже успел по мне выстрелить. Секунды шока, я ощупал себя: вроде бы ничего не болит, крови нет, не попал он в меня, повезло! Я был уверен, что когда бросил гранату, то убил своего противника, а он оказался живым.

Бендер вновь закричал, что «духи» слева. Подхватываю автомат, хотел было уже выстрелить, но хорошо, что не начал, я пригляделся: это шли наши. Мы с Бендером опомнились,

подошли к стрелявшему в меня «духу», опять была старая винтовка, мы забрали патроны и нож и пошли к своим.

Мы пробирались дальше, ведь нужно было выходить к машинам. Вокруг шла стрельба, только очереди слышны, наши ребята воевали вовсю. Наш капитан немного знал язык фарси, и он начал опрашивать пленных «духов», но те несли что-то несуразное. Мы шли дальше, слева от нас появилось здание, это была сушилка для винограда. Домик был маленький, а внутри жерди, на которых был развешан виноград. Из этой сушилки был слышен тихий разговор, я заглянул туда через забор и увидел чьи-то ноги, дал по ним очередь, и все стихло. На пути встал колодец, всем очень хотелось пить, мы побежали к нему, но капитан остановил нас: вода могла быть отравлена, поэтому первому попить дали пленному «духу», он выпил, ничего не произошло, и все накинулись на воду. Напились и пошли дальше, спустились в какой-то пересохший арык, вдруг он резко повернул под прямым углом, мы зашли за поворот, и по нам в лоб дал пулемет, мы упали. Благо я был худой и, сбросив рацию, забился в маленькую канавку впадавшего в арык пересохшего ручейка. Лежу, и только пули стучат по камням — точно пристреляли, а про себя думаю: «Мамочка! Вот попали!»

Над головой свистели пули, и мне тогда подумалось, что это хорошо ведь: свою пулю не услышишь, а эти я слышу, значит, пулеметчик душманов меня не видит. Начальник штаба прокричал: «Уничтожить пулемет!» Вскоре Саня Нагульный и Бендер насколько можно близко подползли к пулеметчику и забросали его гранатами. Наш путь снова был свободен. А «дух», который нас вел по арыку, куда-то исчез. Когда пулеметчик начал по нам вести огонь, мы все залегли, а он, видимо, воспользовался этим хорошим моментом и потихоньку в виноградник шмыгнул, утащив с собой винтовки и патроны.

Впереди показался мост, мы проползли под ним. Одного молодого бойца мы оставили у этого моста для прикрытия. Он там и остался, убили его. Под вечер ребята сползали туда и принесли убитого к машинам. В этом бою погиб и лейтенант Бирюков, пуля ему попала в голову, сразив наповал. Наш командир по радиостанции связался с машинами, оставленными на дороге, объяснил наше положение и попросил прикрыть огнем. Мы тем временем подползли к дувалу. Но если бы мы начали через него перепрыгивать, то нас обязательно заметили бы, поэтому мы решили штык-ножами пробить в глиняном заборе дыру. Пока делали себе лаз, НШ по радиостанции вызвал «вертушки». Прилетели Ми-24, отработали НУРСами по «зеленке». Какое-то время было тихо, мы кое-как пролезли в дыру

в заборе. Впереди было немного «зеленки», а дальше была дорога и наши машины, до своих оставалось совсем немного. Неожиданно вокруг нас началась стрельба, ребята с машин стали прикрывать нас огнем. Еще до этого НШ связался с бригадой и вызвал по рации подмогу, но помощь так и не пришла.

Последним рывком мы все-таки пробились к машинам. Начальник штаба приказал выпустить весь боекомплект пушек и пулеметов по кишлаку. После того как постреляли по «духам», НШ приказал проверить наличие личного состава и оружия. Я доложил, что наличие оружия соответствует наличию состава, есть двое убитых. Мы загрузились на машины и отправились в наше расположение.

Все были вымотаны до предела, ведь целый день мы бегали по «зеленке», сказывалось и нервное напряжение, в «бээмдэшках» наконец удалось расслабиться, все начали засыпать. Сквозь сон я почувствовал, как начали тормозить. Остановились у стоявшего на обочине батальона пехоты — это была наша помощь. Наш начальник штаба с криком «Мы там до 11 вечера сидели в окружении, а вы тут стоите!» изо всей силы ударил кулаком по лицу старшего лейтенанта, командовавшего этой группой пехоты. Старлей схватился за пистолет, мы мгновенно соскочили с брони, наставив на него автоматы. Наш НШ разошелся не на шутку и обещал отдать лейтенанта с его группой под трибунал. Чем эта история закончилась, я не знаю, видимо, офицеры разобрались между собой, не вынося сор из избы.

— Как часто выходили на задания?

— Бывало, и один раз в неделю, бывало, и два. Порой пехота поедет на задание, а порой и наш батальон. Мы делали засады на караваны с наркотиками и оружием, проверяли зеленую зону. Постоянно выходили с начальником штаба. Если он руководил операцией, то я был рядом с ним — связь на заданиях нужна всегда.

Вспоминается еще один эпизод. Мы выехали на засаду. Но получилось так, что сами в нее и попали. Поступила информация, что в определенном районе по ночам бегают душманы. Когда раздалась команда «По машинам!», уже вечерело. После недолгого пути мы остановились у небольшой сушилки. Вдруг произошла яркая вспышка, и я на миг ослеп — это был выстрел из гранатомета. К счастью, граната пролетела мимо нашей машины. В нескольких метрах от нас встал во весь рост душман и, как в боевике, начал стрелять по нам с двух рук из пистолетов, скорее всего, он был под воздействием какого-то наркотика. Очередью из автомата «дух» был остановлен. Мы стали спрыгивать с машины,

как последовал второй выстрел из гранатомета, но теперь уже по БМД, которая шла впереди нас. Кумулятивная струя прошила машину насквозь. В этой машине ехали братья по фамилии Чаушевы, одного из них ранило: осколки попали в обе ноги.

Все вокруг завертелось. Началась стрельба слева от нас, мы спрятались за сушилку и начали отстреливаться. Постепенно стрельба ослабла, видимо, «духи» стали отходить. Когда стало уже совсем темно, мы вернулись к своим машинам и поехали прочь, оставив подбитую БМП на месте. Поврежденную машину забрали только утром. Кстати говоря, подбитую технику ремонтировали у себя, а если были серьезные повреждения, то отправляли в Союз.

— Случаи гибели и ранений по неосторожности бывали?

— Да, такие моменты бывали. Однажды сидели мы в засаде. Местность была такой: дорога, с одной стороны от которой протекал арык, а с другой была «зеленка», в которой мы и спрятались. Просидев какое-то время в засаде, мы услышали где-то вдалеке шум мотоцикла. Кто-то ехал, не включая свет: луна в ту ночь светила довольно ярко, дорога просматривалась и без фар. Саша Нагульный сказал, что стрелять будет он. Но он совершил ошибку, не открыв огонь по мотоциклистам в лоб, как только те с нами поравнялись, а пропустил их мимо и выстрелил в спину. Попал, мотоцикл завалился на бок. Мы побежали к мотоциклу, а оттуда хлестнула автоматная очередь. Саня бежал первым, и пуля попала ему в плечо, другой парень получил ранение в живот. Подбежали к мотоциклу: один «дух» лежал убитый, у него был лишь пистолет, а второй ушел.

Была ночь, и преследовать душмана было нельзя, так как можно было получить еще большие потери. Вызвали по радиостанции БМД, загрузили раненых в нее и отправили в госпиталь. Все ребята поехали вместе с ранеными, те, чья группа крови подходила, стали ее сдавать, сдал 400 граммов и я. А наутро начали разбираться, и так как я был старшим, то мне досталось больше всего. Выехали на место ночного происшествия. Мотоцикл валяется, кровь вокруг, и кровяной след тянется в заросли бахчи. Трофейный мотоцикл забрали — и домой, катались на нем по всей части. А Саню Нагульнова потом комиссовали: пуля задела нервы, и рука перестала работать.

Во время очередного прочесывания местности произошла и другая нелепая случайность. Нам было необходимо преодолеть забор большого двухэтажного дома с деревянными воротами, на которых висел огромный замок. Мы стреляли по замку из автомата, но сбить его не удавалось. Тут Забара взял «Муху» и со

словами «Сейчас я его собью!» выстрелил по воротам. Граната не попала в замок и, пробив ворота и отрекошетировав от стены дома, вернулась к нам. Произошел взрыв, ранило троих: одному солдату осколок угодил в лоб, второму — в пах и в ноги, и еще одного парня этими осколками ранило. Забару за этот выстрел чуть было не убили.

— Потери были высокими?

— Потери были. Всего за то время, что я пробыл в Афгане, у нас в батальоне было 47 погибших и около сотни человек раненых. 17 человек мы потеряли в одном бою. Правда, в том бою меня не было, я уже не помню, почему не ехал на это задание. Уже потом нам НШ рассказывал про тот бой. Тогда они поехали встречать колонну. А мы привыкли как: приехали и побежали проверять «зеленку», если «духов» нет — то все отлично и колонна благополучно проходила. А в тот раз ребята побежали и нарвались на заблаговременно подготовленную оборону: были вырыты окопы. Как НШ говорил, он не мог и предположить, что в том месте будет оборона, как и то, что среди «духов» будут наемники. А после боя среди убитых, оставленных в траншее, ребята нашли троих арабов. Больше профессиональные наемники-арабы нам никогда не попадались, и таких больших потерь за один бой мы никогда не несли.

У пехоты тоже бывали немалые потери, но меньше, чем у нас, потому что мы намного больше воевали.

— Какой была экипировка при выходе на задание?

— У нас один-единственный бронежилет был у командира батальона. Боеприпасов брали столько, сколько могли унести. Чтобы не таскать цинки, брали патроны в бумажных пачках, брали и неограниченное количество гранат. Никакого учета боеприпасов не было: кто хотел — тот мог взять «Муху». С пустыми рюкзаками никогда не ходили: боеприпасов должно было хватить на затяжной бой.

— Что можете сказать о вооружении душманов?

— Барахла у них хватало: и английские «Буры», и современное оружие, приходилось держать в руках и трофейный ППШ. Про гранаты, которые были у противника, ничего не могу сказать. Одним словом, вооружение у них было очень разнообразное.

— Земляков в Афганистане встречали?

— Мне в этом плане повезло. С Сергеем Киреевым, по

прозвищу Длинный, мы и в один день призывались, и в один день уходили на дембель. Все два года вместе прослужили, даже койки наши рядом стояли. Могу вспомнить и Алексея Мурашова из Калуги, Шачкина из Людиново, из Спас-Деменска двое ребят было, я вместе с ними в ДОСААФ учился.

— Дедовщина была?

— Мы, солдаты, в основном были одного призыва, сержанты — на год старше. Конечно, поначалу нас сильно гоняли. Но это обычная ситуация: «Молодой — значит, тебе пахать». Это заключалось, например, в том, что на операции молодой солдат нес в мешке немного больше патронов и гранат.

Рукоприкладство бывало. Саша Елисеев пошел к пехоте поискать земляков. В роту он вернулся весь избитый, на вопрос «Кто тебя так?» он ответил, что трое грузин: в пехоте тогда был большой призыв из Грузии. Мы побежали искать обидчиков, но где их найти? Наметилась большая драка, наутро мы пришли к пехотинцам и договорились вечером собраться на драку. Нас пришла примерно рота, пехотинцев тоже было порядочно. Две стены начали сходиться, у многих уже были намотаны ремни на руках. Неожиданно прилетел на своем «уазике» комбриг, встал между нами и разъяренно закричал: «Вы что, гады! Мало вас убивают, да еще друг друга калечить захотелось! Пересажаю всех!» Комбриг не дал нам подраться, и, наверное, он правильно поступил.

Был случай, когда мы задали трепку троим пехотинцам. Наутро было построение. Офицеры привели побитых ребят и сказали им: «Смотрите, кто вас вчера отлупил!» Прошли они вдоль строя и говорят: «Нет здесь таких». Всякое бывало: и дрались, и мирились.

— Как отправляли на Родину тела погибших?

— Мне пришлось выполнять эту очень нелегкую миссию. Я привозил в Союз гроб с телом Володи Алтухина, он был родом из Брянска и призывался на полгода раньше меня.

Володя был механиком-водителем, его БМД во время выполнения боевого задания подорвалась на мине. Перед последним своим выездом он приходил к нам во взвод связи. Володя хорошо играл на гитаре и пел песни, а в армии это всегда приветствовалось. Наш сержант вечером пригласил его к нам гости. Он принес с собой гитару, мы все тихо сидели и слушали, как он пел. Играл долго, а когда собрался уходить, то мы просили спеть еще хотя бы пару песен, но он сказал: «Завтра ехать в рейд. Пойду отдохну». В рейды тогда ходили по очереди, и если,

например, для выполнения задания хватало роты, то сегодня идет первая, а завтра — третья или вторая рота. В тот раз пошла в рейд вторая рота, ребята вышли утром. Когда БМД наскочила на мину, осколок попал в Алтухину в грудь и пробил комсомольский билет, еще один попал в челюсть, вся правая сторона тела обгорела, ноги были изуродованы. Рядом с Володей сидел парень по фамилии Пешков, мы до этого подшучивали над ним, говоря, что он почти как Максим Горький. Так вот от Пешкова не осталось почти ничего — мина взорвалась именно под ним. Осталось полголовы, кишки, кисть руки и части ног — одно сплошное кровавое месиво. Я рассказываю так подробно потому, что мне пришлось вытаскивать все, что осталось от Пешкова, из подорвавшейся машины, все сложили в плащ-палатку, на вес было килограммов пятнадцать.

Потом к нам во взвод пришел заместитель начальника штаба и спросил: «Кто повезет погибших? Есть в Брянск, Воронеж и Тамбов». В этот момент все были на задании, и в помещении нас осталось пять человек. Я сказал, что Брянск от моего дома в ста километрах и я хочу поехать. На вертолете в Кабул нас полетело трое: Ильяс, я и Забара. Когда прилетели в Кабул, пошли к специальному ангару, где оцинковывали гробы, насколько помню, кроме Кабула еще цинковали в Джелалабаде и Шинданде. Было душно, стоял сплошной трупный запах, вокруг лежали олово, паяльники. Ребята, которые там работали, были практически без одежды: берцы, трусы и кожаные фартуки; они сказали нам, что уже привыкли ко всему этому кошмару. Всего в тот день для помещения в цинковые гробы было 19 наших ребят.

За те два дня, которые провели мы в Кабуле, насмотрелись на всю жизнь. Я увидел там тело сгоревшего в танке майора-танкиста. От воспоминаний и сейчас мурашки бегут по телу: ни рук, ни ног — лежат на столе туловище и голова, черные, как головешки.

Наконец подошло время цинковать наших ребят. То, что осталось от Пешкова, положили в гроб. Тут один из ребят сказал, что надо положить в гроб что-нибудь для веса. Камни для этого не подходили, так как сильно гремели бы, тогда насыпали в гроб рядом с останками песка. Окошечко для лица закрыли белым материалом, чтобы не видно было, что внутри. Когда положили в гроб Алтухина, я сказал ребятам, чтобы тоже закрыли окошечко. Гробы запаяли и упаковали в ящики.

Пока мы там находились, из Шинданда привезли еще убитых. Набралось на три самолета, по десять ящиков на каждый борт. Каждому из нас выдали сопроводительные документы, по десять рублей на дорогу, и мы полетели в Союз. Первая остановка была в

Актюбинске, потом Забара выгрузился в Воронеже. Я точно не помню, в какие города мы прилетали, помню только, что летали три дня. Когда прилетели в Брянск, то настала и моя очередь выгружаться. Приземлились, подошли к стоявшему на аэродроме «уазику». Рядом с машиной стояли военком с офицерами, отец и родной брат Алтухина, встречали одни мужики. Гроб погрузили на «ЗИЛ-130», меня военком посадил в свой «уазик», и мы поехали в военкомат. Приехали, военком сказал мне: «Давай, солдат, рассказывай, что и как». Мы беседовали больше часа, я отдал ему сопроводительные документы. Тогда в Союзе про войну еще ничего не знали. Нам в письмах разрешали писать про происходящее только в рамках фразы: «Привет из Афганистана». А когда в Союз начали приходить цинковые гробы, тогда народ начал узнавать, что война там идет, ребят убивают.

Поговорили, военком подписал мои документы, и мы поехали к родителям Володи. Зашли в дом, там уже собралась вся родня. Все подошли ко мне и стали расспрашивать, как и что. Старший брат Володи взял меня за плечо и, сказав, что нечего приставать к человеку, отвел меня на кухню, там он налил мне граненый стакан водки, я выпил. Тут зашла мать и проговорила: «Ох, сынок, приезжай, как сын будешь. Дай бог, чтоб у тебя там все хорошо было». Я объяснил, что живу рядом с ними, в Кирове. Потом мать спросила, можно ли открыть гроб, но я попросил этого не делать: гроб, хотя и был оцинкован и перевозился в ящике и целлофане, но все равно из него текло. Пограничники, когда проверяли нас на таможне, как только увидели гробы, заткнули носы и, пропустив, махнули на нас рукой. Отец Володи согласился со мной, гроб решили не вскрывать. Я хотел остаться на похороны, но родители Володи попросили меня съездить и навестить моих родных.

Е.Д. Зорюков (в переднем ряду) со своими боевыми друзьями

Был вечер, и добраться до Кирова было не на чем. Военком решил оставить меня переночевать у себя дома, а на следующий день отправить меня домой автобусом. Приехали к нему домой, накрыли стол, меня отправили в ванную, я помылся — это было истинное блаженство.

Мы проговорили с военкомом до утра. Утром за ним приехал водитель. Они отвезли меня на автовокзал, взяли билет. Попрощались, военком поехал на работу, а я сел в долгожданный

автобус домой. Встретились знакомые, ехали очень весело.

Приехал в Киров, пришел домой, а дом закрыт. Вышел на улицу, встретил соседку тетю Тоню. Зашел к другу Лешке, через дорогу, а пока с ним поговорили, мать вернулась из огорода домой, ей кто-то сказал, что я приехал. Она, конечно, разволновалась, ведь я еще год не отслужил, а уже приехал в отпуск. Мама зашла к соседу, а я хотел сделать ей сюрприз и спрятался; еле успел я ее подхватить: мама упала в обморок. Тут прибежали отец и брат, радость была неописуемая.

Я пробыл дома пять дней. Все эти дни были словно в тумане: друзья, подруги, танцы. Пришло время уезжать, а билет на Москву взять было невозможно: началась Олимпиада, въезд в столицу был ограничен. Правда, по моим документам сопровождающего гроб билет все же дали.

Приехал в Москву, встретился с жившей там родной сестрой. Сестра купила мне билет на самолет до Ташкента за 56 рублей. Я был одет «по гражданке» и взял с собой дембельский чемодан брата, куда положил парадную форму и гостинцы. Когда я зашел в аэропорт, то, обратив внимание на мою стриженую голову, ко мне подошел милиционер и спросил документы, они были в порядке, и долго задерживать меня он не стал.

Я прилетел в Ташкент, где меня уже ждал Ильяс. Десять дней мы пробыли у Ильяса в Ташкенте, ожидая рейс на Кандагар, пока, наконец, кое-как не улетели в Афган. Прибыли в свою часть, отдали писарям обещанные толстые тетради, клей и поспешили к себе во взвод. А наш третий товарищ, Забара, который улетел в Тамбов, так в часть и не вернулся: он попал в аварию на мотоцикле и получил несколько переломов.

Спустя месяц мама прислала мне письмо, в котором написала, что меня искал кировский военком с милиционерами. Оказалось, что из нашей части делали на нас запросы, выясняя, куда мы пропали. Пять дней дома и десять в Ташкенте — погуляли мы хорошо, а когда вернулись в часть, нам никто не сказал ни слова — прибыли, сдали документы, и все. После поездки домой две недели я входил в колею, а потом словно и не был дома: опять засады, перестрелки, и про то, что дома побывал, немного подзабыл.

— Есть ли у вас правительственные награды?

— Есть медаль «За отвагу». Вручали ее перед строем всей бригады. Награждали, наверное, человек пятнадцать — кому орден, а кому медаль. Награждение проводил генерал-лейтенант Сокол. Назвали мою фамилию, вышел, вручили медаль, я сказал «Служу Советскому Союзу» и вернулся в строй. Это было почти

перед дембелем, в сентябре 1981 года. Ну и традиционные для «афганцев» награды: «Воину-интернационалисту», «От благодарного афганского народа» и юбилейные медали.

— Как проходила демобилизация из армии?

— 30 ноября 1981 года нам сказали: «Все, ребята, завтра домой. Самолет с молодыми прилетит, загрузитесь и полетите». Документы были уже на руках, парадная форма, сапоги — все было готово. Вечером пришел начальник штаба и сказал: «Ребята, в пять часов утра поедем воевать». Ильяс к этому времени лежал в госпитале с желтухой, и нас, дембелей, во взводе оставалось трое. Кстати, болело в Афгане много ребят. Если посмотреть в мой военный билет, то он весь в отметках о прививках — и от холеры, и от чумы, от чего только нас не прививали! Болели брюшным тифом, желтухой, потницей какой-то или мокрицей, даже не знаю, как называется эта болезнь. В первое время от пота на ногах вскакивали и лопались водянки, практически все ребята переболели этой заразой. Но мне повезло, за всю службу ни одной болезни, и только два шрама — на руке и на голове.

Вернемся к дембелю. Утром, как и было запланировано, в пять часов, прозвучала боевая тревога. Все засобирались, пошли к машинам и вскоре уехали, а мы остались. Ощущение было неприятным. Из батальона нас было двадцать дембелей, мы вышли из палатки и увидели, что все дембеля батальона остались, на задание не поехал ни один.

Мы целый день слонялись по части в ожидании своего самолета. Только к вечеру наши ребята вернулись с задания, они потеряли двоих убитыми. Тут и подумалось, что если бы утром уехали, то этими убитыми могли бы быть мы. Тем временем прилетел грузовой Ил-76, двое ребят договорились с летчиками и улетели обратным рейсом в Ташкент. А остальные провели в части еще сутки. К нам приходил прощаться начальник штаба, тогда он надел все свои ордена. Мы сфотографировались на память, у всех были слезы на глазах, ведь мы провоевали с ним почти полтора года.

На дорогу дали денег, кажется, чуть больше пятидесяти рублей. Чеки, что в Афгане мы получали, там и оставляли: когда водочки купить, когда какие-то безделушки. Наконец прилетел и наш самолет. Радость была неописуемой, мы на прощание прокричали товарищам: «Ребята, служите!» — и поспешили к самолету. Тут нас подозвали особисты и придрались к нашим сапогам «гармошкой», заставили сорвать аксельбанты. Несильно расстроившись, мы с одним дипломатом на троих сели на борт.

Приземлились в Ашхабаде, подошли таможенники, начали

проверку. Нас заранее предупреждали, чтобы с собой ни оружия, ни наркотиков не везли. Одни ребята везли немного анаши, ее нашли, потом стало известно, что дембеля получили по пять лет тюрьмы.

Наши вещи просмотрели довольно бегло и, не обнаружив ничего запрещенного, пропустили дальше. Но мы все же провезли кое-что некриминальное. Сергей — крестик в спичечном коробке, а я — образок Божьей Матери.

Дембельских альбомов никто не сделал, к тому же на это попросту не было времени, а единственный фотоаппарат был у писаря. Мы вырезали кадры из пленки, вкладывали их в письмо и отправляли домой. В обратных письмах родные присылали по несколько напечатанных фотографий.

Я частенько вспоминаю друзей, ребят своих из батальона. После службы встречался с некоторыми из них. Я два раза ездил в Ташкент к другу Ильясу — в 1988 и 1998 годах. Алексея Мурашова из Калуги видел, с Шачкиным из Людиново тоже виделся. А с Сереем Киреевым видимся регулярно, вспоминаем своих ребят.

Мотин Александр Вячеславович

В октябре месяце 1979-го я был призван в армию и попал в десантный полк, стоявший в городе Чирчик Туркестанского военного округа, расположенный в 39 километрах от Ташкента. Нам сказали, что присяга будет 25 декабря, но судьба распорядилась по-своему. В ночь на 11 декабря нас подняли по тревоге, построили на плацу, дали по автомату… Тут же

принимаем присягу, грузимся в два эшелона и отправляемся в сторону границы с Афганистаном. Разгрузились 13-го числа под Термезом, в районе военного аэродрома Какайды. Две недели там прошли в полном неведении того, что будет дальше. Несмотря на тот факт, что на дворе была зима, там было довольно тепло. Быт был налажен слабо, мы могли по несколько дней не умываться, фляжка воды была на целый день.

Еще в октябре, когда я только прибыл в часть, дембеля встречали нас «веселым» наставлением: «Ребята, вешайтесь!» Как раз в этот период шло переформирование полка в десантно-штурмовую бригаду. И только потом мне стало известно, что наше правительство знало, что в Афганистане назревает переворот, и еще за полгода до моего прибытия наш воздушно-десантный полк подтянули поближе к афганской границе и периодически приводили в полную боевую готовность, которая вскоре отменялась, и наступал примерно недельный отдых. Короче говоря, наша часть несколько месяцев подряд была в режиме ожидания.

До этого я знал, что есть Америка, есть Китай, есть Индия, а про Афганистан, если честно, мало кто из нас что-либо слышал. Утром 27 декабря, только мы зазвенели котелками, подходя к полевой кухне, прозвучал приказ «По машинам!», завтрак отменялся. Мы расселись по своим «бээмдэшкам» и погнали. Едем и ничего не понимаем, по понтонному мосту форсировали Амударью. Тогда мы еще склонялись к мысли, что нас везут на учения. За Амударьей мы увидели очень интересные машины — они были все «расписные», шедшая нам навстречу колонна очень напоминала цирк: водителей не было видно из-за изображений орлов, надписей и эротических картинок, по высоким бортам были прикручены «ларцы» с маленькими китайскими замочками, я не сразу сообразил, что это наши «ГАЗ-51». Капоты и «жабры» с машин были сняты, борта были высотой метра под четыре. Одна машина прошла, вторая, мы все думаем: «Куда едет этот цирк шапито?» Потом нам сказали, что это машины местных колхозов для перевозки хлопка, но впечатление на нас эти «чудища» произвели огромное.

И вот 27 декабря 1979 года в 11 часов 45 минут по московскому времени мы вошли в Афганистан. Витебская дивизия сразу пошла брать дворец Амина, а моя 56-я десантно-штурмовая Чирчикская бригада пошла по заданному ей маршруту. Беспрепятственно углубившись в глубь страны, мы начали подниматься на перевал Саланг. Пули-Хумри, Даши, Хинджан, дальше начался серпантин. Где-то в три часа ночи мы оказались на высоте 3750 на перевале Саланг перед

трехкилометровым тоннелем. Несколько часов назад мы изнывали от жары, а здесь вдруг пурга, метель и сплошные облака, скрывающие вершины гор. Мы остановились, слезли с машин, как вдруг услышали по радио: «Голова! Голова! Я — хвост! Нас отрубила афганская колонна! Есть убитые, есть раненые!»

Я, как и многие мои товарищи, воспринимал все происходившее вокруг как игру «Пионерская зорька» или как фильм. То есть я это слышу, но я не верю в реальность событий.

Мы поднимались к перевалу по петлявшему горному серпантину, к которому у одного из поворотов справа примыкала второстепенная дорога. Оказалось, что по этой дорожке шла афганская колонна с несколькими танками, перешедшая на сторону душманов, и эта колонна в один миг отрубила наш «хвост». И тут началась сеча! Много наших ребят там погибло, не успев толком понять, что происходит. Душманы быстро сожгли всю нашу технику в хвосте, у них были танки, а у нас что в конце колонны шло: ремонтная машина, две «бээмдэшки» — все это сгорело в считаные минуты. Был хвост, и нет хвоста!

У Саланга мы простояли почти два месяца и только к 23 февраля сменили место дислокации, спустившись с гор в Кундуз. Там нам дали немного отдохнуть, и снова вперед. Весь год мы участвовали в боях, нас очень сильно трепали, численность бригады к концу года дошла до 50 % от штатной. При такой боеспособности часть может подлежать расформированию, но наша гвардейская Краснознаменная бригада была одной из самых боевых и продолжала выполнять поставленные задачи. Я не говорю, что все 50 недостающих процентов личного состава погибли, вовсе нет: кого-то косила желтуха или брюшной тиф, было немало легкораненых.

Запомнилась гора Гаше, к которой мы прилетели из Файзабада, на этой горе были наши пункт переливания крови и хлебопекарня. А до этого гору ту мы брали, да и не только мы, а чуть ли не вся 40-я армия — почти из всех ее частей там были люди. Был это июль или август 80-го года. В день штурма рано-рано утром эту гору начали «обрабатывать» бомбами наши «миги», потом «вертушки» пошли, потом сорокаствольные (на «Уралах») и тридцатишестиствольные (на «ЗИЛ-131») «Грады» подключились, и наши десантные одиннадцатиствольные на базе «ГАЗ-66» вступили в дело: над головой в направлении горы со свистом летели сотни реактивных снарядов. Эта гора была в радиусе километров в 40, через нее шли караванные пути, но подниматься на нее можно было только пешим ходом. Говорили, что даже англичане в XIX веке так и не смогли взять эту гору.

И вот когда мы начали забираться все выше и выше, по нам стали очень сильно бить, не давая подняться. Принцип простой: кто выше — тот сильнее, с высоты нас можно было и камнями закидать. Даже одна огневая точка по нам начинает палить, и мы ложимся: матросовых мало, жить хочется всем. Хотя где надо, там в Афгане были свои матросовы, героизма хватало, но самоубийством никто заниматься не собирался. В пещерах душманы на самодельных сварных треногах из швеллеров ставили крупнокалиберные пулеметы ДШК китайского производства. Стволы этих ДШК торчали из небольших бойниц с отличным сектором обстрела. Один такой дот полдня не давал нам подняться, и когда мы в него все-таки ворвались, то не поверили своим глазам: по нам палила молодая девушка. Накинув паранджу, она пыталась убежать, и мы на месте расстреляли ее сразу из нескольких автоматов. За какое время мы взяли эту гору, я уже точно не помню, но, когда подобрались к вершине, на нас нашло недоумение, потому что там не оказалось ни живых, ни мертвых басмачей, вроде бы и «обрабатывали» гору всем, чем только можно. Мы идем и видим, что убитые здесь были: местами валялись оторванные руки, ноги, пальцы, море крови, а трупов, как я уже сказал, видно не было. Вскоре мы поняли, в чем дело: оказалось, что они своих раненых и убитых успели оттащить в небольшое ущелье. Когда мы туда заглянули, перед глазами встала ужасная картина: углубление было похоже на кишащий муравейник, так много было там человеческих тел, еще шевелившиеся раненые лежали вперемешку с трупами. Увидев такое один раз, это уже невозможно забыть!

Брали мы эту гору примерно неделю, поставили два флага — афганский и наш. Потом все вокруг этих флагов заминировали: сперва одно кольцо мин, потом второе, третье, много сигнальных мин поставили. И вот, когда мы ночью спустились к подножию и ждали замены, увидели настоящее светопреставление, я не хочу сказать, что на высоте осталось много спрятавшихся басмачей, но все небо над горой пылало цветами от разрывов сигнальных мин. Хотя справедливости ради надо отметить, что маскировались они просто как хамелеоны. Например, мы летим на «вертушках» и видим внизу барана, даем по нему очередь… а «баран» скидывает шкуру и, сверкая оружием, отбегает или пытается отползти в сторону.

Раз упомянул про мины, то расскажу про них поподробнее. Мы в первую очередь ставили довольно много сигнальных мин, а еще частенько поступали так: вырываешь из гранаты чеку и вместо нее вставляешь былинку, аккуратно отпускаешь скобу, и былинка ее держит, таким образом получалась нехитрая

противопехотная мина, то есть басмач идет, ногой гранату цепляет, и былинка ломается, срабатывает запал — и взрыв. Но былинка, правда, через два-три дня тоже начинает высыхать, гранаты поэтому могли взрываться сами по себе. А на Саланге в снегах мы поступали по-другому: делаешь в снегу кулаком твердую лунку, вынимаешь из гранаты чеку и устанавливаешь в это углубление. Хотя такие «мины» не прописаны ни в одном наставлении, надо было выживать, и мы делали для этого все, что могли.

— Какой была тактика действий вашего подразделения?

— Во-первых, весь дух десантных войск состоит в том, чтобы, ошеломляя противника, неожиданно захватывать ключевые объекты до подхода основных сил, а после сдавать позиции пехоте и, зализав раны и пополнив запасы, идти на выполнение новых задач. Продержался, остался жив — вперед, дальше. Поэтому за первый год в Афганистане я не видел ни подушки, ни одеяла, ни кровати; палатка в пять колов — посередине один и четыре по бокам, в ней помещался весь взвод, как ляжешь в ней на один бок, так и спи всю ночь как хочешь — повернуться невозможно.

Там, особенно в первое время, принцип был простой: «если не ты — значит, тебя», понимай как хочешь. Вот, например, Баглан (вообще, Баглан состоял из трех равноудаленных друг от друга частей, вместе составлявших единый город). Через этот Баглан я раз двадцать проезжал, и только два или три раза меня там не обстреляли. Параллельно с дорогой там тянулась речка, сразу за рекой начиналась «зеленка», из которой по нам постоянно лупили. И нельзя было ни танк, ни какую другую технику туда через реку загнать, чтобы разобраться с басмачами, то есть характер местности был на руку устраивавшему засады противнику. Очень сильно нас трепал этот Баглан!

На Панджшер мы много раз ходили, но наша бригада в первые года не доходила, а вот ребята, которые служили там уже после меня, в 1984–1985 годах, уже доходили до золотых приисков. Панджшерской группировкой душманов командовал Ахмад Шах Масуд по прозвищу Панджшерский Лев. Он был небольшого роста, как говорят, «метр с кепкой на коньках», но очень, очень, очень талантливый командир. Потом, когда мы выводили войска из Афганистана и с ним было заключено перемирие, Масуд помогал Громову выводить войска из ряда афганских провинций. На мой взгляд, Ахмад Шах Масуд был достойный противник и просто хороший мужик, но погиб он, конечно, глупо, когда несколько лет назад смертники-талибы с

начиненной взрывчаткой видеокамерой, представившись журналистами, хотевшими взять у него интервью, подорвали его вместе с собой. Кроме Масуда были и другие известные полевые командиры душманов: был очень жестокий Гульбеддин Хекматияр, был узбек Абдул-Рашид Дустум.

Когда мы только вошли, по нам еще вовсю стреляли из заряжавшихся через ствол «кремневок», хлопали они очень громко. Бывало, пальнут в нас из такого ружья из-за угла, подбегаем и видим, как басмач нервными движениями забивает заряд в ствол «кремневки», тут времени раздумывать у нас нет — бьешь его ногой, кулаком или прикладом, и тот отлетает в сторону. А потом Америка моджахедов начала снабжать, тут у них и появились и автоматы, и снайперские винтовки, и многое другое. Оружие встречалось и английское, и американское, поставляли душманам и приборы ночного видения. Запомнились трофейные АКМы китайского производства, отличавшиеся от наших только круглым ободком вокруг мушки и еще несколькими мелкими деталями.

Бывало, что пули попадали в песок в метре перед тобой, и тогда фонтаны этого песка били по глазам, сердце замирало, но с другой стороны, в этом случае была возможность примерно определить направление огня по тебе (сектор градусов в 45). Со временем стали засекать направление вражеского выстрела и по свисту пуль над головой.

Говоря об уровне потерь, можно привести один-единственный пример. Так, в одной из наших рот, вступившей в бой с численно превосходящим противником, однажды в живых осталось всего семнадцать человек. Хотя такие ужасные потери были исключением, а не практикой. Обычно при подготовке к боевой операции все наши передвижения за несколько дней до выхода в горы отрабатывались на специально построенном макете местности, где были отмечены все разведанные каризы (по-моему, так афганцы называли свои протяженные подземные переходы) и подземные реки, порой тянувшиеся на многие километры.

Мы выпрыгивали из зависавших в метре-полутора над землей вертолетов (хотя порой летчики могли зависнуть намного выше), приземлившись, сразу рассредоточивались на местности. Обычно бывало, что по нам долбили уже в момент высадки, на этот случай мы заранее оговаривали между собой, в каком порядке перебегаем и прикрываем друг друга огнем. Хотя стреляли в этих случаях по нам обычно издалека, но приятного все равно мало: от пули не увернешься, особенно днем, когда солнце в зените, иной раз как песком обдаст или просвистит где-то совсем рядом. После

высадки сразу старались прижаться к одному из склонов долины, потому что по низине идти было нельзя: на фоне ровного песка в пересохшем русле речушки человеческая фигура видна как на ладони со всех сторон.

Так, однажды, продвигаясь вдоль склона, мы неожиданно для себя наткнулись на женский монастырь, где было человек двадцать женщин или, может быть, даже больше, от страха они все прижались к стенам монастыря. А негласный приказ-то у нас был зачистить долину от всего живого. Но женщин, и тем более безоружных, никто из нас трогать не собирался, и мы прошли мимо. Но вот когда, как я уже рассказывал, по нам женщина из ДШК «рубила», это совсем другое: тут уже неважно, что она женщина, — огневую точку надо было подавить каким угодно способом: не уничтожишь ты — уничтожат тебя.

Когда спускались сумерки, расположение группы обязательно прикрывалось передовыми заставами в пару-тройку человек, которые в случае приближения душманов первыми должны были открыть по ним огонь и, соответственно, принять всю тяжесть ответного огня на себя. При этом было неважно: надвигается ли на нас мелкий отряд или целая банда моджахедов, главным было открыть огонь, указав остальным на противника. Вот однажды в пятницу — а у афганцев именно пятница была выходным днем, в который душманы спускались с гор к своим селениям, — на нас наткнулся крупный отряд противника. Мы смогли уничтожить только их передовые группы, которые душманы специально выставляли вперед как «пушечное мясо», остальные силы во главе с полевыми командирами смогли отойти. Тогда, помню, кто-то один выстрелил, и почти сразу, нарастая словно лавина, началась канонада. Часто наши разведгруппы, совершая ночные вылазки, уничтожали небольшие отряды душманов исключительно штык-ножами, не совершив ни единого выстрела, и незамеченными отходили обратно.

Ни одна из нескольких десятков крупных и мелких боевых операций, в которых мне довелось участвовать, не обходилась без человеческих потерь.

— Какими были отношения с офицерами?

— Был такой знаменитый командир по фамилии Хабаров. Родом из Свердловской области, выпускник Рязанского высшего командного училища. До Афгана ребята не хотели у него служить, потому что муштра в его части была жуткая. Мне сразу по прибытии сказали: «Не дай бог, попадешь в четвертый батальон к Хабарову — бессонные ночи гарантированы!» И я попал в тот самый четвертый батальон и под командованием

своего «беспощадного» командира попадаю в Афганистан. Смело могу сказать: если бы я не под командованием Хабарова оказался в Афгане, то, может быть, уже тридцать лет как парил бы землю. Два раза было, что только комбат вылезал из БМД, и ему насквозь прошивало шлем, вскоре ему повезло поменьше — пуля попала в ключицу, и его отправили в госпиталь, по-моему, в Ташкент, но могу ошибаться: в Средней Азии тогда было много госпиталей. Вскоре, чтобы спасти руку, Хабарова переправили в Москву, и вся история закончилась благополучно. Его представляли к званию Героя, но, как часто это бывает, представление «заблудилось» где-то в эшелонах нашей высшей власти, и комбата наградили орденом Ленина.

Когда стояли на Саланге, я был в составе ночной разведгруппы. По личному приказу Хабарова днем нас никто не трогал: мы спали, отдыхали, чистили оружие, в общем, занимались каждый своими делами, а в ночь мы уходили в горы. Там было очень красивое ледниковое озеро, по форме напоминавшее чашу, — красота неописуемая! И вот мимо этого красивого озера тянулись караванные пути «духов». Недалеко оттуда я чуть не попал под лавину. Помню, как все вокруг неожиданно загудело, но судьба нас спасла, иначе бы всей нашей группе настал, мягко выражаясь, «кердык». Целью нашего подразделения в тот раз было предотвратить возможное ночное нападение душманов на позиции наших войск, стоявших у тоннеля. И вот мы идем горной тропой и только слышим: «Ву-у-у!!!» — пронеслось что-то, а мы были на этом месте совсем недавно. На обратном пути мы увидели, насколько страшна и разрушительна сила этого гигантского потока снега: там все было словно перепахано огромными плугами, там прошли тысячи тонн снега. И если бы мы задержались на том месте на час-полтора, то нас бы унесло неведомо куда.

Не могу не вспомнить старшего лейтенанта Щапина. Он вместе со своим подразделением стоял в Даши. Ночью их окружили душманы и на хорошем русском языке кричали в мегафон: «Сыны Ленина! Сдавайтесь! У вас выбора нет! Вы окружены!» Наши солдаты укрывались за небольшими саманными стенами, но эти стены — очень ненадежное укрытие. (Оторвавшись от темы, скажу: стены у афганцев — это что-то наподобие символа богатства и благополучия, и неважно, если за толстыми и красивыми стенами стоит полуразваленная лачуга, главное — это стена вокруг дома, чем она выше и шире, тем лучше, по некоторым даже расхаживали бараны.) Группа Щапина продержала оборону до утра, дождавшись прорвавшей кольцо окружения подмоги.

Бывали, конечно, случаи трусости и даже предательства, редко, но случалось. Был один лейтенант, национальность его не назову, но, по-моему, был родом откуда-то из Средней Азии. Он окончил Рязанское десантное училище. Ребята потом вспоминали, что он несколько раз ночью куда-то уходил, но возвращался, а потом одной из ночей он исчез. По этому поводу особисты пытались провести расследование, но результатов оно не дало.

Однажды по нашему аэродрому стали очень точно бить с гор из АГСов, серьезно досталось и стоявшим у взлетно-посадочной полосы вертолетам, и самолетам. Оказалось, что этот, мягко говоря, «чудила» ушел к душманам, став у них инструктором. Два раза он на одном месте у них не ночевал, постоянно перемещаясь. Ценили они его, женщин к нему каждую ночь разных приводили (точнее, девочек лет по 13–17, у них ведь они рано созревают, а к 30 годам уже выглядят как старухи). «Духи» ведь даже не знали, как захваченный АГС собрать, у него в расчете три человека, каждый из которых выполняет свою функцию. Вскоре мы разобрались, откуда такая точность: днем дети возле аэродрома запускали воздушного змея (у них в те времена эта забава была очень распространена и особого внимания к себе не привлекала), этот предатель с гор с помощью артиллерийских наблюдательных приборов записывал координаты, вносил необходимые поправки, а ночью по этим координатам работали их АГСы. Это мы узнали от пленных душманов, которые и рассказали, что у них работает наш бывший офицер. Чтобы перестраховаться, контрразведчики быстро раздобыли фотографию его выпуска Рязанского училища и показали ее пленным, те как один подтвердили, что это и есть наш бывший лейтенант.

— Были какие-либо ухищрения при движении по горам?

— Когда поднимаешься, снега может быть примерно по колено, но так как ты поднимаешься в гору, то оказываешься в нем по пояс, а то и по самые плечи. Поэтому подниматься было особенно нелегко. Первым было тяжелее всего, ведь они пробивали дорогу остальным, поэтому их постоянно сменяли: в зависимости от крутизны подъема эти замены могли быть и через каждые десять метров. Идя впереди, ты должен был не просто пробиваться сквозь снежную стену, ты был должен ногу ставить носком вниз, слегка прижимая след пяткой, чтобы следующий уверенно становился на твою «ступеньку». Делалось это не просто так, ведь если бы первый вроде как зря прошел, то последний будет спотыкаться и уставать еще хуже его. Поэтому командиры за правильностью шага следили строго, и все шли след в след. В

этом чем-то на нас были похожи водители автомашин: опасаясь подрыва на мине, они шли друг за другом точно по одной колее. Чтобы там выжить, надо было очень многое постигнуть, то, чего я до этого не знал и не мог знать, а я и то, что идет настоящая война, понял только на второй-третий день своего пребывания в Афганистане.

За два года и три месяца мы исползали, исходили и облетели все немыслимые уголки Афганистана, в немногих провинциях не побывало наше подразделение. На большие расстояния нас перебрасывали самолетами, если поближе — добирались на «вертушках».

Многие ветераны этой войны порой начинают рассказывать полную ахинею, вспоминая, как обвешивались боеприпасами в немыслимых количествах. Да, все мы брали по несколько боекомплектов, да, брали вместо автоматных пулеметные магазины на 45 патронов, перематывая их по два изолентой, короче говоря — обвешивались чем могли. Но если ты идешь в дальний рейд и если на тебе нагружена гора боеприпасов, то ты полностью небоеспособен — просто кусок пушечного мяса! Да, по возможности мы брали для переноски боеприпасов пленных басмачей, верблюдов и ишаков, но это было не всегда, а если ты в критический момент, когда тебе надо изворачиваться, будешь обвешан всей этой хреновней, не будешь же ты, как перед баней, начинать раздеваться, крикнув: «Подождите, ребят!» — убьют за пару секунд. Рассказывают и как брали с собой по четыре «укупорки» (разовый гранатомет «Муха») на человека, ну не нужны они были там в таком количестве: одна, максимум две. Поэтому в десантных войсках всего бралось столько, чтобы ты сохранял нормальную мобильность.

Автомат всегда с собой должен был быть, а иной раз в сильную жару хотелось, чтобы был и второй. Объясню почему: в жару за сорок градусов ты берешь три маленьких рожка, снаряженных для ночной стрельбы трассерами (каждый пятый), которые сильно нагревали ствол, ведь никто не знал заранее, когда случится бой, и все: автомат начинает «плеваться» из-за перегрева ствола. Вот из-за этого некоторые ребята и прихватывали второй автомат, так как в нем действительно была острая необходимость. Поэтому если не думать, как стрелять и что может ждать тебя впереди, то ты рискуешь остаться перед душманами со штык-ножом. Поэтому у нас было неписаное правило: никогда не перегревай автомат. Если умеешь хорошо стрелять — долби короткими очередями или вовсе поставь на одиночный режим огня. Но это все приходило с годами, я мог ехать в Баглане и, увидев срубленные ветки и следы горелой

резины, понять, что здесь была сеча, место опасное и надо быть настороже, салаги, конечно же, этой опасности не замечали и рисковали оказаться застигнутыми врасплох.

В Афганистане ведь не было ни одного километра железной дороги, и любые, даже самые крупногабаритные, грузы перевозились автомобильным транспортом. Врезались в память и огромные наливники «Татра», перевозившие кубометров по тридцать горючего. На них всегда было два человека: один — водитель, а второй сидел на специально отведенном месте сзади и, если машина вдруг останавливалась на подъеме, сразу спрыгивал и бросал под колеса противооткатные приспособления, иначе могла произойти серьезная авария.

— Быт был тяжелым?

— Далеко не легким. Когда нас вертолетами перебросили в Кундуз из Файзабада, встречавшие нас ребята сказали, что для нас уже готовы сорокаместные палатки с кроватями. Нашей радости не было предела! Мы заскочили в эти палатки, стали запрыгивать на еще не застеленные двухъярусные кровати с криками: «Моя! Моя!» Это было настоящее счастье!

В Афгане у меня даже не было возможности напечатать фотографии, так я вместе с письмами отправлял матери в Брянск негативы, она делала фотографии и присылала их обратно.

А какая все-таки там была красивая природа! Запомнились покрытые переливающимся ковром диких тюльпанов предгорные долины, они росли так плотно, что буквально кинуть иголку негде было: обязательно попадешь в тюльпан. И вот мы бежим по этому разноцветному ковру, топчем их своими сапогами. Остановишься на секунду, приподнимешь цветок с земли, несколько мгновений полюбуешься им, вдохнешь сладкий аромат — и вперед, дальше, надо спешить. Через горные гряды весной летели перелетные птицы, и вот сядет стая в предгорьях, а через хребты перемахнуть не может — слишком густой их опутывает туман, долго-долго эта стая кружит по долине, пока не найдет проход в облаках. Весной пишешь маме или девушке письмо и говоришь: мол, ждите журавлей, скоро к вам прилетят, а мы пока здесь еще послужим.

Народ, живший недалеко от Саланга, лепил свои жилища из глины, словно ласточки, эти домики буквально нависали над пропастью. Другое племя — белуджи — было с самого начала на нашей стороне, их женщины почти не носили паранджу и очень умело скакали на лошадях, но и они порой бывали враждебными: чужого не возьмут, но ничего своего ни за что никому не отдадут.

С питанием во время операций было тяжело, что-то нам

сбрасывали с вертолетов. Скинули ужин и улетели, распределяйте, как хотите. Бригада почти всегда была разбросана на огромной площади, поэтому поесть могли далеко не все, остальные перебивались сухпайками, которые, кстати, первое время были по талону № 1 — это самый ерундовый общевойсковой набор продуктов: десантные «талон № 3» и «талон № 4» мы стали получать далеко не сразу. В такой ситуации приходилось искать фрукты или что-нибудь съестное у местных, хотя, если объедаться фруктами, можно было запросто поймать дизентерию.

Или вот такой пример: течет ручей, вода чистенькая, словно ключевая, только ты попил, поднимаешься на десять шагов вверх, а там полуразложившийся труп басмача. В таких случаях многих сразу начинало рвать.

— Родные сразу узнали о том, где вы служите?

— Мои родители узнали о том, что я в Афганистане, только в марте. Тогда отец написал мне, что еще к Новому году отправлял посылку, которая, не найдя адресата, вернулась обратно. И в этом письме отец мне дал намек, написав: «Сынок, а не там ли ты сейчас, о чем везде много говорят?» На это я ответил примерно следующее: «Батя, ты правильно думаешь». Ведь, как известно, вся почта из Афганистана проверялась спецслужбами, поэтому прямым текстом писать было нельзя. И только в апреле — мае я написал родным: «Привет из-за сороковых параллелей, где солнце в зените». Еще я отправлял в письмах лепестки красивых горных тюльпанов.

— Взаимовыручка была или каждый в первую очередь заботился о себе?

— Товарищей там было много, а лучших друзей у меня было двое. И так совпало, что все три наши фамилии начинались с буквы «М», поэтому и на прикладах наших автоматов нами было вырезано «МММ» — Мотин, Гена Манаков из Старого Оскола и Юра Матвеев из Сасовского района Рязанской области. Потом, в 90-е годы, было забавно видеть по телевизору рекламу финансовой пирамиды мошенника Мавроди, ведь наше небольшое братство «МММ» возникло за десяток лет до этого, и мошенничеству в нем места не было. Потом приклады стали украшать еще зарубки об убитых басмачах, но это уже другая история.

К сожалению, сегодня связь с друзьями потеряна, потерялся и мой старый блокнот с адресами. В Москве вместе со мной работал односельчанин Юры Матвеева, я просил передать ему

привет, написал свой новый адрес. Юра уходил в армию, оставив дома беременную жену, и вот через несколько месяцев, когда Юра уже воевал в Афгане, у него родился сынишка, и жена в каждом письме присылала ему новые фотографии.

А деревня, откуда был родом Гена Манаков, так и называлась Манаково, и почти все ее жители были Манаковы, только три или четыре семьи носили другие фамилии. Гена, когда писал брату письмо, в строке «кому» писал на конверте: Манакову Михаилу Васильевичу — и добавлял прозвище Лев, иначе письмо мог получить другой Михаил Васильевич Манаков.

Не отслужившим года по негласной традиции в ВДВ обычно не разрешали делать татуировки. Свою же наколку на левом плече я начал делать рано, отслужив всего полгода. Изображение парашютиста мне набивал татарин по фамилии Абсалямов, родом он был из города Бугульма. Первый раз машинкой мы успели ее набить, и тут нас отправили на боевое задание. Так совпало, что мы с ним вдвоем шли в разведдозоре: он — пулеметчик, а я — автоматчик, а сзади на определенной для данной местности дистанции шли остальные силы группы. И только мы успели выйти на плато, я услышал, как сзади упал на землю мой друг. Почти сразу я понял, что его убили: пуля снайпера попала ему в голову в паре сантиметров позади уха и прошла навылет. И хотя солнце в этот момент было в зените, понять, с какой стороны стреляли, было невозможно: обычно после выстрела раздается эхо, а в тот раз был едва различимый хлопок, и все. Я осознавал лишь одно: вторая пуля будет моя. И бросить тело товарища было нельзя — его надо было сейчас же оттащить к своим; и делать паузу, стоя над ним в прицеле снайпера, было нельзя. Мне повезло: душманский снайпер, боясь быть обнаруженным, не стал делать свой второй выстрел, я остался жив. Тело друга мы донесли до базы, а наколку я, посоветовавшись с ребятами, заканчивать не стал, хотя оставалось немного: подвести под рисунком черту и написать «ДРА 1389» (Демократическая Республика Афганистан, 1389 год по мусульманскому летоисчислению).

Рассказывать про службу в Афганистане можно очень много, и, может быть, несмотря ни на что, это было самое лучшее время в моей жизни. Мне недавно исполнилось пятьдесят, а с годами начинаешь понемногу разбирать прожитые лета, давать всему свою оценку. И скажу, что, если бы сейчас мне вернуть мою молодость и поставить меня в ту же ситуацию, я не раздумывая снова пошел бы в бой. Ни о чем не жалею. Бывает, кто-то начинает твердить: «Вот зачем вы там были нужны?! Зачем воевали?!» Я всегда отвечаю одно: «Ребята! Что за чушь вы

несете?! У нас одно было на уме: Родина послала — значит, надо!» Так мы были воспитаны.

Давыденко Владимир Александрович

Я был оперативным сотрудником, работал в военной контрразведке — мы обслуживали воинские подразделения, имея задачей защищать их секреты и выявлять разведустремления противника, выявлять агентуру противника на подступах к нашим военнослужащим и к нашей секретной технике. Каждый сотрудник жил жизнью воинской части и в то же время вел оперативную работу.

В то время от каждой воинской части направлялись люди для службы в контингенте, у нас это называлось просто: «за речку». Меня вызвали в отдел кадров, там сказали, что я имею определенный опыт и должен дать согласие на мою отправку в ограниченный контингент войск в Афганистане, задача была поставлена в общих чертах.

Я прибыл сначала в Ташкент, там комендатура нас отправила на пересылку, там мы прождали около двух дней, после чего самолетом Ан-12 нас переправили в Кабул. Летело нас человек 60, в основном военнослужащих, из оперативного состава нас там было только двое: мой коллега остался в Кабуле на обслуживании столичного аэродрома, а меня направили в группу, которая действовала от 1-го Главного управления. Это была комбинированная группа — первоначально меня направили в Мазари-Шариф, где я получил четкий инструктаж от находившегося там сотрудника КГБ о том, что я должен делать и какие факты выявлять.

В начальный период, сразу после ввода советских войск в Афганистан, местное население встречало наши войска очень хорошо, дружелюбно относилось к военнослужащим, а если нам прибывало обеспечение в деревянных ящиках, то пустые деревянные ящики моментально расхватывались афганцами, просили они у нас и горюче-смазочные материалы, мы помогали им. Где-то до середины 1981 года была вполне здоровая обстановка, крупных конфликтов не было, а если кто-то из наших военнослужащих и погибал, то только по своей дурости — где-то несвоевременно разрядили оружие, или был случай: один солдат заснул в палатке, а другой в это время сдавал задним ходом на бэтээре и придавил его. А ближе к 1982 году активизировались спецслужбы главного противника — в Пакистане стали готовить моджахедов для действий против наших войск. Не скажу, что наши войска вели себя неправильно в отношениях с местными:

была установка, и политработники требовали лояльного отношения к мирному населению, и крупных конфликтов, тем более с применением оружия, с местными не было. С 1982 года начались активные действия моджахедов, которые провоцировали наши войска на ведение огня, естественно, что ответный огонь был довольно мощным и от него страдало в том числе и мирное население. После этого начались и конфликты с мирным населением: оно стало опасаться встреч с нами, потому что моджахеды могли убить всю семью афганца, замеченного в сотрудничестве с нашими войсками. Конфликт постепенно разрастался.

Моя задача была той же, что и при работе в Союзе, — защита наших войск от преступных посягательств вражеских разведслужб. Я был прикомандирован к отряду, состоявшему из вертолетной группы и группы специального назначения. Отряд базировался в районе Кандагара, место базирования было тщательно замаскировано, но местные жители о нем, само собой, узнали, и мы периодически подвергались минометному обстрелу моджахедов. В условиях горной местности минометный огонь страшен, но мы быстро изучили график работы минометов моджахедов — в определенное время они совершали намаз, и мы знали, что, например, утром мы можем спокойно позавтракать до 9 часов, а после надо было укрываться в щелях, потому что мог начаться минометный обстрел. Мы пережидали в щелях около часа, если огня не было — то не было, а обычно около 9 часов утра начинался минометный обстрел, час-полтора — и он проходил, но так как они вели огонь не совсем прицельно и их огневая подготовка была очень слабой, то потерь в основном мы не несли. Но когда вертолетный отряд не уходил, а стоял на нашей площадке, то вертолеты получали повреждения, так мы потеряли две машины, они сгорели, а на отряд выделили новые.

Что я могу сказать о жизни? Жизнь, конечно, там была неустроенная — бытовые условия там почти отсутствовали, офицерский состав размещался в домиках контейнерного типа, жили по двое.

Нашей задачей было пресекать перемещения караванов из Пакистана на территорию Афганистана. Такие караваны обычно везли оружие, наркотики, деньги, вместе с сопровождавшими засылалась и агентура, в том числе и офицеры ЦРУ, инструкторы, и даже иногда корреспонденты западных СМИ, освещавшие «работу» моджахедов. Когда мы получали сигнал от наших разведчиков, взаимодействовавших с космонавтами (из космоса обычно фотографировался район в горной гряде, снимки передавались в Москву, которая, в свою очередь, присылала

ориентировку нам, и караван, таким образом, выявлялся еще на подступах к Афганистану), то производили расчет дальнейшего маршрута движения подходящего каравана, уточняли его через агентуру, отправляли в обозначенный район вертолеты. И когда мы четко знали, что караван находится в каком-то конкретном ущелье либо только вышел из него, вертолетный отряд забирал нас из района дислокации и доставлял в точку, в которой должен был появиться караван. На месте вертолетчики огнем из бортового оружия прижимали противника к земле, не давая никому поднять голову. Обычно один вертолет осуществлял обстрел, а два других высаживали десант, после подавления очагов сопротивления мы разоружали оставшихся в живых моджахедов, и вскоре начиналась работа по исследованию того, что они доставляли. Обычно это было оружие, много наркотиков, которые мы порой прямо на месте выбрасывали в ущелье, не забирая с собой, остальные доставлявшиеся караваном материальные средства мы загружали в вертолеты. Пленных связывали, доставляли в расположение отряда и переправляли в Кандагар.

Если говорить о том, насколько мы были лояльны и милосердны, то скажу, что лишних необоснованных расстрелов мы не допускали, но если противник не выпускал из рук по нашей команде оружие, то приходилось расстреливать их на месте. Были среди нас и люди, которые давно там воевали, а два года для войны — это опыт солидный, они никого не жалели, и если мест в вертолете не хватало, то лишних людей убирали. Но еще раз подчерку, что все они были с оружием, это был реальный противник: или ты его, или он тебя.

Экипировка у нас была стандартная общевойсковая, но средства связи были, конечно, получше имевшихся на вооружении в войсках.

Моей личной задачей было среди захваченного нами контингента каравана выявлять агентов противника. А реальным противником у нас были американская, итальянская, французская, английская разведки — все они активно действовали с позиций моджахедов, вербовали новых боевиков, вербовали агентуру уже среди моджахедов, которой ставили определенные задачи. Их задачи были различными: одни моджахеды должны были создавать недовольство среди населения, другие занимались непосредственно подрывом наших объектов, третьи организовывали целые подконтрольные себе территории, на которых стояли поселения, в которые наши войска не могли войти, потому что их на подступах всегда встречали плотным огнем. Другим направлением моей

деятельности было выявление мулл, которые вели духовную обработку. Я за все время видел одного муллу. Также мне пришлось столкнуться с двумя европейцами, один из которых, как потом выяснилось, был майор, другой — подполковник. Эти офицеры иностранных разведок шли с караваном через границу в расчете на то, что, прибыв на территорию Афганистана, они дадут более четкие указания моджахедам по действиям против наших войск. Когда мы захватили караван, эти двое хотя и были одеты так же, как и афганцы, но, естественно, выделялись своими европейскими чертами лица, и сразу после захвата они в первую очередь заявили, что считают себя военнопленными и на основе Женевской конвенции мы должны с ними очень лояльно обращаться. Но лояльно не получилось, потому что пришлось их немножко физически попрессовать, чтобы они говорили более полно, и в результате этого они дали показания о том, что они являются сотрудниками спецслужб Соединенных Штатов и направляются в Афганистан для организации четкой связи между отрядами моджахедов, в том числе с использованием радиосредств, и для организации диверсионных актов против наших войск. После допроса я доставил американцев в Кабул, оттуда их самолетом отправили в Советский Союз — дальнейшей их судьбы я не знаю.

Оружие моджахеды, в общем-то, любили наше, но было у них и американское, и израильское, и автоматы АК китайского производства. Однажды мы даже решили поставить эксперимент, чтобы определить, насколько наше оружие лучше китайского: мы снарядили по десятку магазинов к каждому из автоматов и начали стрелять непрерывными очередями до тех пор, пока не раскалялся ствол и автомат не начинал выплевывать пули на несколько метров вперед. Наш автомат выдержал 8 магазинов, китайский — только 3, то есть качество нашего оружия мы видели наглядно. Для повышения своей огневой защищенности мы начали применять связывание магазинов в пару или присоединяли диски от РПК, хотя это несколько усложняло передвижение, но в то же время и облегчало огневое подавление противника, потому что подавить противника огнем можно, только стреляя очередями. Когда же нас прижимали моджахеды, то была четкая инструкция — стрелять только одиночными, потому что очереди в горах неэффективны, это только трата патронов, а прицельное ведение огня как раз и помогает достичь того результата, при котором ты выбираешь конкретную цель и уничтожаешь ее, экономя при этом боеприпасы. Не все это понимали, и судьба того, кто оставался без патронов, обычно была плачевной.

Каждый конкретный вылет на боевые, с одной стороны, был похож на другие, а с другой — каждый раз был разным. И смысла рассказывать подробно о том, что и как происходило в каждом отдельном эпизоде, я не вижу, там шла война. Когда беспокоишься за свою жизнь, думаешь о своей семье, стараешься не попадаться лишний раз на мушку моджахедам. Мы вели обычную жизнь офицеров, которые вынуждены выполнять свой долг за границей.

Сейчас многие говорят о том, что там царила неразбериха. В целом информация отражена правдиво, но художественного вымысла в фильмах уж больно многовато. Я ничего не знаю о неуставных взаимоотношениях, так как это была не моя ипостась, да и я не слышал про то, кто кого там бил и куда посылал. Среди нас тоже возникали конфликты на бытовой основе, но они решались или водкой, или кулаками, но все оставалось среди нас и все укладывалось в правила офицерской чести. Дедовщины там не было, потому что каждый «дед» понимал, что если он обидит молодого солдата, то на боевом выходе он получит пулю в спину. Ненависть там развивалась моментально, плюс она обострялась теми условиями, в которых живешь, поэтому такой дедовщины, которая тогда творилась во внутренних округах СССР и сейчас творится в Вооруженных силах России, не было. Тогда у нас были более мягкие отношения: солдат мог свободно подойти к офицеру и попросить, например, закурить; мы чувствовали, что мы в чужой стране и надо держаться друг друга независимо от того, кто ты такой, выполняя как положено задачу.

Припоминаются отдельные случаи связи с афганцами. Я уже говорил, что в первоначальный период население было настроено очень дружелюбно и не боялось мести моджахедов за связи с нашими войсками. Афганцы приносили нам свои продукты, угощали нас лепешками, пловом. Такие обмены были всегда спонтанными, люди подходили к нам, просили в основном ящики из-под патронов и снарядов, так как с деревом там было очень плохо, поэтому оно моментально расхватывалось, и нас благодарили в ответ. В общем, была хорошая обстановка, к нам часто приходили дети, мы угощали их чем могли. А после 1982-го в Пакистан прибыли инструкторы западных спецслужб, а именно США, Англии, Франции, Италии, и часть инструкторов была из Китая — после их подготовки, а также обработки муллами почувствовалось ясно выраженное враждебное отношение к нашим войскам. Мирных жителей очень сильно запугивали, вплоть до физического уничтожения. Могу привести конкретный пример: в Кандагаре была лавка торговца, активно торговавшего нашими товарами, получаемыми от тыловиков, лавочника

расстреляли, а его лавку сожгли. Жители Кандагара видели это, и контакты с нами стали ухудшаться. Хотя на бытовом уровне наши военнослужащие продолжали общаться с местными вплоть до того, что у некоторых возникало желание повстречаться с афганскими девушками, но это было такое табу, которое перепрыгнуть было невозможно. Так что повстречаться с местными женщинами можно было только на рынке, да и то они ходили в основном в паранджe. Афганские женщины были, грубо говоря, товаром, и если афганец не заплатит калым за выкуп своей будущей жены, то он никак не сможет даже просто увидеться с ней. Порой несколько противно было приближаться к этим дамам, потому что они, ухаживая за волосами, периодически наносили на них кислое молоко, волосы у них, конечно, богатейшие, но вонь стояла часто такая, что эту женщину и не захочешь.

Афганистан — довольно-таки неуютная страна: растительности там много только весной, когда на плато расцветают маки и тюльпаны — зрелище очень красивое. Когда летишь на вертолете, то под ногами ковер неописуемой красоты. А в основном это малонаселенная территория, на которой даже ориентироваться очень тяжело, потому что карты, которые мы имели, зачастую не совпадали с рельефами местности, мы дополняли их, дорисовывая объекты, и кое-как справлялись с поставленными задачами. Неразберихи было много: было много неорганизованности в плане обеспечения наших войск; обмундирование, которое нам выдавали, не было приспособлено для ведения боевых действий, и его приходилось перешивать; неудобными были наколенные карманы, крепление ножа на плече. Не было и разгрузок (мы еще называли их «лифчиками») с карманами для гранат, магазинов, радиостанций, ножа, местом для сигарет и питания — все это в отсутствие разгрузок первоначально приходилось размещать в рюкзаке. А попробуй достань из него магазин, когда неожиданно выходишь на караван и по тебе открывают огонь! Все проходило обкатку на собственном опыте, и мы сами шили себе эти «лифчики», шили наколенники и меняли обувь. Та обувь, которую нам выдавали по штату, конечно, не подходила для тех климатических условий — жара стояла невыносимая, и лучшей обувью для горной местности были кроссовки. За кроссовками мы выезжали на рынок в Кандагар, а со временем стали заказывать и из Союза кроссовки и кеды и переобували в них солдат. Хотя если говорить о строевых подразделениях, то необходимым объемом кроссовок их обеспечить не могли, и солдаты мучились.

Для того чтобы было меньше ранений, войска снабжались

бронежилетами, который весил около 30 килограммов. Конечно, таскать такую штуку на себе в жару, да еще с боевой выкладкой, было просто невозможно. Наша группа снабжалась другими бронежилетами: они были более тонкие, более эластичные, напротив сердца была титановая пластина по форме тела. Но ни тот, ни другой бронежилет не выдерживал выстрела в упор: осколки и пули, выпущенные более чем с двухсот метров, оставляли на теле только синяки.

Что касается лично меня, то рассказать всего о своей оперативной работе я не могу: были у нас и специальные средства для поражения противника, которые мы применяли только с разрешения Москвы; были у нас более мощные радиостанции, частично наши группы были легендированы под различные отряды или партии (например, в горах стояла «геологическая партия», а на самом деле это были или сотрудники военной разведки, или наши сотрудники). В Афганистане стояла громада войск, против которых постоянно велись какие-то диверсионные и провокационные действия, бороться с этим можно было только специальными средствами и специальным подразделениям, обеспечивавшими безопасность военных. Это удавалось не всегда, бывали случаи, когда моджахеды проникали в наши подразделения и ножами вырезали чуть ли не роту.

Если рассматривать мою работу по обеспечению безопасности того отряда, в котором я находился, то я считаю ее успешной: мне удалось выявить иностранных разведчиков, проникавших на афганскую территорию; приходилось вместе с переводчиками выезжать на улаживание конфликтов, которые возникали из-за недопонимания друг друга между нашими военнослужащими и местным населением; удалось мне выявить и духовного лидера, который вел работу в близлежащих селениях. Конечно, агентурная работа, которую я проводил на территории Союза, и агентурная работа в Афганистане — это большая разница. Различия заключались прежде всего в основе методов работы с людьми: если на территории Союза во внутреннем округе мы приобретали агентов, которые работали главным образом на патриотической основе, то в Афганистане патриотов своей страны и режима, в общем-то, не было, там все были патриотами только своей семьи, своего клана, своей деревни, и если ты оказывал помощь целому клану или деревне, то еще было возможно работать. Поэтому выполнять одну из наших задач, заключавшуюся в выявлении среди населения окрестных аулов лиц, которые, к примеру, могли сбивать нашу авиацию на взлете и посадке, без ведения агентурной работы было невозможно. И приходилось работать с местным населением, а это очень тяжело

и далеко не всегда удавалось, тем более что разговаривать приходилось через переводчика, но кое-какую упреждающую информацию мы все же получали, что в итоге позволило нам эффективно закончить свою службу.

Если говорить о конкретных примерах, то могу рассказать один такой случай. По границе, на горной гряде, стояли наши посты, которые напрямую просматривали пакистанскую территорию. Там, на этих постах, постоянно находились наши люди, которые периодически сменялись. Мы получили задачу выдвинуться в одно из ущелий, подождать и перехватить продвигавшийся к территории Афганистана караван. Высадившись с вертолета, засели в горах, подготовив засаду. Я не был старшим группы, но у меня были немного отличные от других задачи, и я имел право самостоятельно принимать решения; определив, что в районе прохода каравана стоит наш приграничный пост, а до подхода каравана еще ориентировочно два дня, я получил разрешение командира и отправился туда. Командовал постом офицер, татарин по национальности, прозвище его было Шейх. Я сказал ему, что мы ожидаем караван, и попросил огневой помощи. Выпили мы с ним за знакомство бутылку водки, подружились и договорились о взаимодействии, потом я вернулся к засаде своего отряда. Когда начал подходить караван, Игорь Шейх, оставив на посту всего одного солдата, подвел с другой стороны восьмерых своих людей, и мы закрыли караван огнем с обеих сторон. Ведя огонь с господствующих высот, быстро подавили сопротивление: человек восемь пришлось пристрелить, после чего мы спустились вниз и стали проверять документы убитых моджахедов. Подошел и Игорь со своей группой. И вот мы видим, как один солдат, по фамилии Сершинлаускас, тащит кожаный мешок сантиметров в 60 высотой. Я закричал ему: «Ну-ка иди сюда! Что ты там тащишь?» Он сделал кислую мину и ответил, что это так, ерунда. Тут Игорь прикрикнул на него, и солдат неохотно отдал на мешок. Когда мы его развязали, то там оказались доллары, полный кожаный мешок свернутых в пачки купюр. Но это был 1982 год, что мы тогда понимали в этих долларах? А так как это все-таки денежные средства, то из-за них могло возникнуть множество проблем: принесешь на базу — будут спрашивать, где взял, а с валютой тогда было строго, начались бы обыски, допросы… Игорь вял этот мешок, сунул туда гранату РГ-42 и бросил его по откосу ущелья. Сработала граната, доллары разлетелись, а солдат сказал нам: «Дураки вы, хоть и офицеры!» Мы посмеялись и вскоре закончили свою работу и отправились обратно. А потом, несколько лет спустя, мне из Прибалтики от Эдика пришло письмо, в котором

он, в знак благодарности за то, что остался жив, звал нас в гости и спросил, помним ли мы тот мешок, который мы подорвали. Оказалось, что он все-таки потом собрал все, что можно было собрать, и на эти деньги открыл у себя крупную фирму, производившую что-то для яхт. Игорь Шейх сейчас жив-здоров, и, когда мы теперь с ним встречаемся, я припоминаю ему этот случай. Тогда он делает злое лицо и говорит: «Ты лучше не вспоминай, а то сейчас достанется». Игорь сам мастер спорта по боксу, был чемпионом ВДВ, и получить от него оплеуху можно запросто.

Мы не считали себя героями — мы выполняли то, что нам приказывали, но быт, который был нам организован, был весь сделан нашими руками, и забота как таковая со стороны государства нами не ощущалась. Да, нам дали домики. Дали кровати, но там было негде умыться, баню мы построили сами, предусмотренные в войсках пункты санитарной обработки до нас не доходили, и все приходилось устраивать самим. Эта неустроенность, постоянное ожидание того, что тебя могут подстрелить, опасность минометного обстрела, особенно в первые месяца три, от этого было очень тяжело, тяжело было и морально привыкнуть. Грубо говоря, всегда хотелось покушать, и повкуснее, а рацион был очень скудный: консервы, ржаные сухари закладки 45-го года, правда, если размочить в воде, то их можно было попытаться съесть. Но это я имел в виду строевые подразделения, нашу же группу снабжали отдельно — у нас даже был шоколад, сгущенка, сало мы заказывали через летчиков, и когда мы выходили на разведвыход, то обычно брали с собой именно сгущенку, воду, сухари и сало, таскать с собой консервы, которые были слишком тяжелыми, было бессмысленно — брали побольше боеприпасов, гранат, бинокли. Такой набор продуктов максимально придавал сил: сгущенка — незаменимый источник углеводов, сало употреблялось в небольшом объеме, но это очень высококалорийный продукт, и, съев его немного на пустой желудок, чувствуешь себя сытым. Так мы питались на боевых выходах, а когда приходили обратно, то у нас была полевая кухня, где обычно готовилась гречка, которую ты уже ненавидишь, потому что каждый день либо она, либо макароны, либо «шрапнель», и кушать хотелось не потому, что голоден, а хотелось просто нормальной еды, чтобы хлеб был порезан и лежал в хлебнице, чтобы лук был не головкой, а нарезан салатом… Все это в целом и постоянная тревога оттого, что находишься в чужой стране, в отрыве от семьи, и то, что питание и быт не организованы, — все это сильно давило морально, сказываясь на настроении. Прямо скажу, что спасала только

водка, не то чтобы мы там пьянствовали, но выпивали, чтобы снять напряжение. Водку нам не завозили, иногда мы разживались спиртом у летчиков, иногда через Военторг в Кандагаре покупали спиртное, нелегально туда привезенное, а в основном брали сахар, дрожжи и делали самогон, который получался качественный.

Я не скажу, что мы там сильно страдали, были, конечно, среди солдат и случаи самострелов. Многие не могли переносить одиночество, боялись смерти каждый день, но это все же были единичные случаи, и за правило их нельзя считать. Чисто мужской армейский коллектив в конце концов до того надоедал, что порой, грубо говоря, было противно друг на друга смотреть, и на этой почве возникали конфликты, тогда людей приходилось утихомиривать. Там были люди, которые не могли переносить сложности обстановки, их откомандировывали. Были и люди, которые становились людьми войны, так, когда я во второй раз был на посту у Игоря, то обратил внимание на то, что у него на сколоченном из ящика из-под боеприпасов столе стоит аккуратная пепельница в виде черепа. Не поняв сразу, я спросил: «Где ты такую нашел, из Союза привез?» Он ответил: «Нет, местная» — и поведал, что отрубил голову убитого моджахеда, выварил, выскоблил и использовал как пепельницу. До ссылки на пост Игорь служил в мусульманском батальоне, который во время событий 25 декабря 1979-го был в оцеплении дворца Амина. В какой степени он участвовал тогда в боевых действиях, я сказать не могу, потому что не спрашивал, но, пройдя суровую школу, он не жалел противника. И когда мы в караване захватили пленных, и там было человек пять раненых, он просто их добил, чтобы не возиться с ними, хотя вскоре нашелся «доброжелатель», и на него написали в прокуратуру. Там его долго допрашивали и сослали в итоге подальше от моджахедов.

Был у нас командир вертолета майор Виноградов. Он регулярно делал самогонку и регулярно летал выпивший, скажу больше: не было случая, чтобы он летал трезвым. Перед вылетом он обычно выпивал, как мы называли, «молотовский» граненый стакан и потом пилотировал вертолет, причем делал он это на крайне малых высотах так, что ты сидишь и все у тебя поджимается, когда видишь, как под тобой со скоростью 200 км в час мелькают горные гряды. Летчик тем не менее он был прекрасный, и если попадаешь на борт к Виноградову, то знаешь, что с этим летчиком можно летать на любые задания. Был у нас еще вертолетчик по фамилии Муха. Тот очень оправдывал свою фамилию: он был таким виртуозом в управлении вертолетом, что мог рассчитать приземление своего борта на любую площадку, на

любой склон так, чтобы можно было не ждать от него аварии. И когда надо было послать вертолет, чтобы забрать какую-либо группу из войсковых, попавшую в засаду, то всегда посылали именно Муху, потому что он очень умело действовал как командир вертолета, особенно на подходах: он на некоторое время зависал, вычислял огневые точки, а потом до того прицельно уничтожал их, что дальнейшее приземление уже было делом техники. Так что среди летчиков были такие виртуозы, что нашим пилотажным группам можно было только завидовать.

Дальняя авиация там использовалась очень неэффективно — бомбежки 250-килограммовыми бомбами были безрезультатными: отряды моджахедов при приближении самолетов укрывались, и бомбардировка почти не причиняла им вреда. А вот «грачи» (Су-25) работали более эффективно. Они летали на малых высотах, нанося более точные удары, но возрастала и опасность: вскоре американцы снабдили моджахедов переносными зенитно-ракетными комплексами «Ред Ай», и наши штурмовики начали часто сбивать. В ответ менялась тактика полетов, применялись тепловые ловушки, но не всегда это давало результат, и наша авиация продолжала нести потери. Часто ударные самолеты взлетали не с территории Афганистана, а с аэродрома у города Мары близ Ташкента, большие силы авиации базировались и в Кандагаре.

Продолжая говорить о людях, вспомню кабульскую пересылку. Это было теплое место, на котором устроились паскудные люди, формально распределявшие прибывавших солдат в соответствии с нарядами. Это было до того хлебное место, что они брали взятки за то, чтобы, например, оставить в Кабуле, без взятки это не делалось. Они приписывали себе медали, ордена, не побывав нигде, кроме этой самой пересылки. Одному из прапорщиков, который там командовал нами офицерами, как будто он генерал, конечно, пришлось набить морду, чтобы поумнел. За это нас сослал. Особенно досталось бывшим со мной двум офицерам: одного сослали в Ложкаревскую бригаду, а второго — также в одну из отдаленных провинций, в которой было очень неспокойно. Иногда вспоминается наша кабульская военная комендатура, в которой требовали, чтобы ты всегда ходил по улицам города застегнутый, подтянутый и начищенный до блеска — все это ерунда, которая в боевых действиях не учитывается. Но если комендант педант, то придирались сильно, бывали очень неприятные случаи, когда солдат сажали, и перед выходом на боевые в подразделении недосчитывались пятка солдат, которые накануне напились или попались коменданту по другим причинам, их тогда начинали

всеми силами разыскивать. Я убежден, что забирать из боевого подразделения человека за то, что он не по форме шел перед комендантом, — такого допускать было нельзя, это был не 42-й год, когда все происходило на нашей территории, мы были на чужой территории, и тут надо было, наоборот, группироваться вместе, чтобы возникало чувство локтя и совместной поддержки.

Приезжали и московские проверки. Вспоминается, как в наше расположение прилетал один полковник, и только за то, что он из Кабула прилетел вертолетом к нам, одни сутки побыл у нас и улетел обратно, он получил орден Красной Звезды! Да, наше подразделение было тревожное — нас периодически обстреливали, и он это знал и только ради награды совершил такой поступок: прилетел, спросил у нас, как мы готовим конспекты по политической подготовке, мы на него наорали, он ушел вместе с командиром отряда и больше не появлялся у нас на глазах. На следующее утро полковник улетел, чтобы получить за этот перелет Красную Звезду, но это нам рассказали уже позже, хотя московской дурости у нас хватало и без того.

Сейчас не вспоминается все плохое, почему-то об Афганистане вспоминается в основном хорошее, наверное, потому, что молодой был, наверное, потому, что интересно было. Я не жалею о том, что побывал там, это была моя молодость, хотя и боевая и со множеством опасностей, и закончилась она более или менее счастливо. И я хочу сказать, что офицер, который находится в мирной обстановке, — это ненормальное его положение. Офицер — это человек, предназначенный для боевых действий, и его нормальное состояние — это состояние войны, хотя это и нелогично, но это вытекает из того, для чего готовят самих офицеров. Конечно, лучше жить в мирное время и на своей территории, но когда нас послали туда, то мало было людей, кого-то за это ругавших, мы выполняли свою задачу и старались остаться живыми. Это была обычная армейская жизнь, которой живут сотни и тысячи офицеров и считают это нормальным явлением. Я считаю, что более тяжелые, чем в Афганистане, события происходили в Чечне, мы же выполняли задачи, будучи представителями могучего государства, и все трудности, с которыми мы там сталкивались, рассматривались нами не как вина государства, а как вина каких-то конкретных лиц: кто-то что-то не довез, недополучил. А вот сейчас тяжело слышать, как офицеров обвиняют в том, что они, выполняя свой долг, совершили военное преступление. Я считаю, что события в Чечне было необходимо сразу признать военными действиями, чтобы не было такой ситуации, когда раненый офицер возвращался домой и оказывался без всякой помощи государства, без квартиры, без

социальных гарантий. Эти события стали более тяжелыми для нашей страны, нежели афганские. Афганская война шла девять лет, и потеряли мы там тринадцать с лишним тысяч человек, на дорогах сейчас ежегодно гибнет около 35 тысяч! И какое сравнение можно проводить между необъявленной «войной на дорогах», которая идет сейчас в России, и теми событиями, которые повлекли гибель наших солдат в Афганистане? Да, было тяжело, особенно сотрудникам военкоматов развозить гробы и говорить слова утешения близким погибшего, говоря, что их брат, сын, муж, отец «погиб при выполнении интернационального долга», но я все равно считаю, что мы выполняли то, что было нам предназначено, на кого мы учились, то мы и делали.

Но если бы мы в 1979 году не вошли в Афганистан, то туда вошли бы американцы; тогдашний председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов докладывал в ЦК, что получена развединформация о том, что американцы готовят ввод войск в Афганистан. А это были южные рубежи Советского Союза, и получалось, что реальный противник появился бы на границе СССР, а это означало: укрепление границы, переориентировка стратегических сил, размещение вдоль границ ядерных средств. И если бы в Афганистан вошли американцы, то страной были бы затрачены огромные средства на укрепление границы. А когда мы оттуда вышли, туда все-таки пришли американцы, хотя англичане, которые имели печальный опыт войны в Афганистане, предупреждали в свое время и нас, и американцев о том, что бесполезно туда вводить войска, потому что возникает партизанская война, а с партизанами справиться невозможно, ведь не уничтожать же мирное население. А население сегодня днем мирное, а ночью становится боевиками. Сегодня он мирно выращивал пшеницу, а завтра у него неурожай, и он начинает выращивать опиумный мак, становится членом одной из наркотических групп и нашим врагом. Нами была в свое время получена информация о том, что американцы на пакистанской границе держали своих офицеров ЦРУ, занимавшихся борьбой с наркотрафиком, а буквально через полгода после того, как наши войска вошли в Афганистан, эти офицеры были заменены на инструкторов ЦРУ и других спецслужб, которые начали активную подготовку моджахедов. Ведь афганцы — это в основном крестьяне, которые занимались земледелием и скотоводством, а когда в стране началась гражданская война и после вошли наши войска, все земледелие отошло в сторону, и для того, чтобы прокормить семью, афганский крестьянин начал выращивать опиумный мак, заниматься изготовлением наркотиков и их отправкой за рубеж. И замена американских специалистов,

боровшихся с наркотрафиком, на подготавливавших моджахедов военных консультантов повлияла на то, что зачастую наши успехи срывались уже прошедшими специальную подготовку моджахедами. Нельзя сказать, что афганский народ был против нас, против нас были работавшие там западные спецслужбы, ведь не секрет, что отношение к России со стороны Англии, Франции, США и других западных стран всегда было враждебным. И, вспоминая Афганистан, я должен сказать, что считаю решение на ввод войск правильным и оправданным, но не до конца выполненным: нельзя было оттуда уходить и в то же время нельзя было уже дальше там оставаться… Надо было заключать политическое соглашение, которое предусматривало бы размещение наших войск на другой основе. Американцы сейчас вошли туда и не имеют никаких успехов и так же, как и мы, мучаются и не могут дождаться вывода, но они не стесняются в выборе средств уничтожения; хотя им и удалось несколько стабилизировать обстановку, но не будет мира в этой стране, пока афганцы сами между собой не договорятся. Американцы же уйдут оттуда так же, как и мы: ничего не добившись. Хотя природные богатства этой страны огромны и еще почти не изучены, политическая нестабильность никогда не позволит их освоить, и ни одна крупная компания никогда не будет заниматься их разработкой, поэтому эффект от ввода войск стран Западной коалиции в Афганистан остается только политическим, никакой экономической выгоды это никому не принесет.

За то время, пока я там был, пули миновали меня, но осколки мне достались в полной мере: рядом со мной разорвалась выпущенная из гранатомета граната, я получил ранение в ногу, в бедро и контузию. В таком состоянии меня доставили в медсанбат в Кандагаре, через день меня отправили в Ташкент. На момент ранения я прослужил в Афганистане больше полутора лет, и по излечении мне предложили убыть для прохождения службы в Союзе. На этом я завершу свой краткий рассказ сотрудника Комитета государственной безопасности, которому пришлось в свое время побывать в Афганистане.

Агафонов Александр Петрович

28 апреля 1983-го были мои проводы, пили, как положено, весь вечер, утром я приехал в военкомат, призывников посадили на автобусы и повезли в Калугу. Там на пересылочном пункте я и еще несколько ребят из Кирова и Людиново просидели два дня, а «покупатели» за нами все не приезжали. К нам подошел офицер и сказал, что нас отпускают на майские праздники домой. Обрадовавшись, я схватил сумку и поехал обратно домой. Первой реакцией матери был вопрос: «Ты что, сбежал?» 4 мая, вновь устроив небольшие проводы, я опять поехал в Калугу. Снова просидев на пересылочном пункте три или четыре дня, глядя, как ребят распределяют по войскам, и бегая через забор за вином, я с несколькими парнями вновь был отправлен домой, теперь уже на 9 Мая. Мать опять взялась за голову. 10 мая я опять приехал в военкомат и снова наблюдал, как ребят распределяют по частям, а меня почему-то не трогают, тут я увидел капитана из нашего военкомата. Я подошел к нему и сказал, что уже два раза был дома и третий ехать не хочу. Выслушав меня, тот зашел с моим вопросом в один из кабинетов. Вскоре он вышел и спросил: «В 21-ю команду пойдешь?» На мой вопрос «Куда это?» он ответил, что и сам не знает, я, недолго думая, согласился.

За нами приехали два лейтенанта из Ашхабада. Нас, 21 человека из 21-й команды, отвели на обед и посадили на электричку до Москвы. С собой у каждого были кое-какие деньги, и всю дорогу мы поили своих «покупателей». Изрядно набравшись, мы спросили, куда они нас везут. В ответ мы услышали: «Ребята! Вы едете в такую дыру! Три учебки в Кушке, Теджене и Марах, которые готовят специально для Афганистана». Тогда мы были молоды и не сильно огорчились из-за услышанной новости.

11 мая нас отправили самолетом из Москвы в Ашхабад. Когда улетали, было еще прохладно, на нас были легкие куртки, свитеры, а Ашхабад встретил нас жарой под 30 градусов. Мать перед отъездом купила мне кеды за 3 рубля, и вот в Ашхабаде местный подошел ко мне и попросил продать ему мои новенькие кеды, мол, все равно в части они тебе не нужны будут, а чтобы мне, пока не переобуют, не ходить босиком, он притащил старые сапоги, на том и договорились. Я был такой не один — все ребята продавали становившиеся ненужными вещи: обувь, одежду, часы. Часов в 11 вечера наши лейтенанты построили нас, многие ребята еле стояли тогда на ногах. После «построения» нас погрузили на поезд, который уже к утру привез нас к станции неподалеку от

части, до места нас довез «КамАЗ».

Сперва я попал в группу, обучавшуюся на механиков-водителей танка, но там был перебор, и нас, 70 человек, перекинули в Кишинский полк учиться на мехводов БМП. Полгода пробыл в учебке, и поздней осенью 83-го нас на «КамАЗах» перебросили в Афганистан по мосту через Амударью. Мы и еще много ребят из разных учебок попали в 122-й мотострелковый полк 201-й мотострелковой дивизии в городе Ташкурган, тогда я был в звании ефрейтора. По прибытии нас распределяли по подразделениям не офицеры, а «деды»: они ходили перед строем и отбирали, подходили и говорили: «Ты вроде бы ничего, пойдешь с нами», а куда и зачем, было непонятно. Я и два Сергея попали в разведроту. Один Серега был из Сум, парень был хороший, я с ним дружил, его перед самым дембелем застрелили в расположении полка на «бээмпэшке» — то ли «духи», то ли свои — непонятно, но скажу, что дедовщина у нас там была страшная, мог кто-то из молодых выстрелить; второй Серега был из Москвы, но он прослужил всего полгода: получил сквозное ранение, было задето легкое, и парня комиссовали.

— Каким было первое впечатление от Афганистана?

— Я в учебке привык, что после стрельбы было необходимо собрать и сдать все до одной гильзы. А тут мы идем, и патроны валяются под ногами, указываем на них сержанту, а тот лишь пренебрежительно махнул рукой. Идем дальше: валяются гранаты без запалов, и на них всем тоже плевать, никто их не собирает и никуда не сдает. Потом и мы к этому привыкли — приходя с операции, разряженное оружие сдавали в ротные оружейные комнаты, выстроенные в ряд из кирпича, патроны, остававшиеся в пачках, сдавали туда же, а 5–7 патронов, оставшихся в магазине, обычно выбрасывали около двери.

— Какими были задачи вашей разведроты?

— На боевые задания выходили в разном составе: бывало, что и всей ротой, а иногда и вовсе разбивались по отделениям.

Боевые задачи во многом зависели от офицеров. Первым командиром у нас был майор — справедливый мужик, понимавший солдат. Когда приходили с операции, он давал команду отдыхать. Мы разваливались на кроватях, и тогда никто не мог нас тронуть, даже замполит. Ротный любил устраивать душманам ночные засады на подъездных путях и в пустынях, но в основном где-то около кишлаков останавливали караваны, отдельные машины, вылавливали «духов».

Запомнилась мне самая первая моя боевая операция. Это был ноябрь 83-го. Неподалеку от Мазари-Шарифа мы выехали на трех бэтээрах, человек по 11–12 на каждом, и оборудовали засаду на подъездном пути. Замысел был несложным: расстрелять ехавших по дороге «духов», но они тоже были не дураки и поехали не по дороге, а в объезд по пустыне. Ночи в Афгане, кстати, намного темнее, чем у нас в России: сказывается и географическое расположение, и горная местность; солнце резко встает из-за гор, и сразу наступает рассвет, так же и с закатом: сумерек почти нет, солнце переваливает за гору, и наступает темная ночь. Под утро мы услышали гул автомобиля. Силуэта машины в темноте было не разглядеть, и ребята пустили осветительную ракету, автомобиль резко развернулся и помчался обратно в пустыню. Прозвучала команда «По машинам!», мы на ходу стали запрыгивать на бэтээры, цепляясь за что попало, я ухватился, повиснув над колесом. Потом началась стрельба. И вдруг на расстоянии метров в 500 мы увидели три тени — от нас убегали спрыгнувшие с машины душманы. Они думали, что мы погонимся за машиной, и стали уходить от нее в сторону, но просчитались и попали в свет наших фар. Как они убегали — так мы их троих и застрелили. Когда подошли, впечатление было не из приятных: перед нами лежали три трупа, и все были изрешечены, можно сказать, что лежали не люди, а фарш — по ним ведь одновременно стреляла толпа народа. Ребята принялись обыскивать трупы, а мне все это было еще непривычно: я неподвижно стою, наблюдая все это. И тут раздался крик одного из ребят: «Граната сейчас взорвется!» На одном из тел горела одежда, и кто-то из наших в последний момент заметил на теле гранату. Только мы отбежали обратно к бэтээрам, и раздался взрыв. Мы подошли обратно — тело душмана было разорвано на части. Забрав оружие — два старых 7,62-мм пулемета РПК, английскую винтовку «Бур» и ножи, — мы сделали несколько кругов по пустыне в поисках машины и, не найдя ее, спустя несколько часов вернулись в расположение. Ни благодарностей, ни наград за эту операцию никто не получил. Это были первые мои увиденные трупы, еще долго мне было не по себе.

Вспомню еще один бой. Сразу на выезде из Ташкургана на Кабул слева от дороги стоял небольшой кишлак. Ночью мы окружили кишлак, выставили засады и приготовились уничтожать выходящие из кишлака караваны. Но ночь была темная, и мы долго не могли найти в темноте кишлак. Полночи мы бродили в поисках его, после выслали двоих ребят на разведку. Пару часов их не было, потом в приборы ночного видения мы увидели, как нам навстречу идут два человека, свои

это или не свои — в темноте было не разобрать. Мы доложили ротному, он сказал, что это возвращается наша разведка. Как только мы свистнули «разведке», эти двое резко рванули в сторону — это были «духи». Открывать огонь и преследовать их мы не стали, то, что пошли «духи», нас насторожило. Вскоре пришли разведчики, кишлак оказался всего в паре километров, мы заняли позиции вокруг него. По плану утром в наступление с противоположной стороны должна была пойти бронетехника, а все находившиеся в кишлаке «духи» должны были начать уходить из него и напороться на наш огонь.

Мы залегли в русле пересохшего арыка, благо он был глубокий. Наша бронетехника не наступала, однако еще в темноте из селения вышел караван верблюдов в пятнадцать. Ротный приказал его уничтожить, мы быстро расстреляли караван и продолжили ждать бронетехнику. С рассветом БМП и бэтээры наконец начали выдвигаться километрах в полутора от нас, мы подняли головы, пытаясь рассмотреть, что там к чему. А они увидели, что кто-то копошится в арыке, и, недолго думая, окрыли по нам огонь крупнокалиберными. Ротный быстро связался с броней по рации, доходчиво объяснив, что они долбят по своим. Отвлекаясь, скажу, что там хватало неразберихи и было немало трупов именно от своего огня.

Потом подошла бронетехника, и мы под ее прикрытием вышли на осмотр каравана. Повсюду валялись верблюды и ишаки с дровами и прочим хламом, ни оружия, ни людей не было, видимо, раненых и убитых «духи» ночью смогли оттащить обратно в кишлак. Мы прочесали кишлак, но не нашли там ни одной живой души, будто бы вымерли все. В итоге мы ни с чем вернулись в часть.

Расскажу еще один случай, когда мы немного постреляли друг по другу. Довольно крупная операция проводилась в Ташкургане. Операция была довольно крупная, задействовалась почти вся дивизия. Замысел был стандартным: окружаем огромный по площади кишлак и проводим зачистку. С нашей ротой шел проводник, показывавший дороги, выходящие из кишлака, по которым могли отходить бандиты. Мы повзводно поднимались по горной дороге, первый взвод, второй взвод, третий взвод; потом мы начали делиться на отделения. Ночью в кромешной тьме вместе с проводниками мы прошли через кишлак. В моем отделении было 11 человек с молодым офицером. Под утро должна была начать долбить по кишлаку артиллерия, а мы должны были начать расстреливать отступающих бандитов.

В заданное время начала стрелять артиллерия, мы

растянулись вдоль дороги, расстояние между ротами получилось приличное. Но «духи» были не дураки — они не пошли дорогой, а взяли чуть ниже и пошли низиной. Утром мы в ночные прицелы увидели банду и ужаснулись тому, сколько там народа — их было около сотни. Мы спросили у лейтенанта, что делать, он приказал в бой не ввязываться, иначе бы эта поднимавшаяся в горы цепь нас перебила. Первая цепь прошла мимо нас, через полчаса показалась вторая группа «духов», но эти шли цепью намного ближе к нам. Мы открыли по проходившим в 100–150 метрах «духам» огонь, те ответного огня не открыли, а стали уходить, может быть, они просто не знали нашу численность. В разгар боя я выпустил осветительную ракету и увидел уходящего от нас всадника на белом коне. Я дал короткую очередь, и ракета погасла, вторая ракета, очередь — ракета гаснет, и я теряю всадника из вида. Третью ракету пустил, когда конник был уже далековато, я его так и не сбил, хотя очень хотелось. Перестрелки были всю ночь, наши ребята по нам опять немного постреляли.

Еще когда было темно, лежавшие ближе всех к расстрелянным душманам бойцы услышали, что кто-то стонет. Мы решили подождать до рассвета, ночью можно было легко напороться на гранату. На рассвете мы подошли и увидели умершего на наших глазах раненого душмана, забрали у него автомат и пошли дальше, нашли одного убитого и еще одного раненого. Раненый лежал в национальной одежде — широких брюках и халате. Мы заметили, что он спрятал под собой «Бур», сразу выбили винтовку из-под душмана. С нами были узбеки, понимавшие местный язык. Лейтенант приказал им спросить у раненого, сколько их всего было в каждой группе. Про свою группу он сказал, что их было человек 70, а в первой было более ста человек. Рядом мы нашли много выстрелов к гранатометам, бачки с водой, резиновые шлепанцы, платки — все это добро, кроме гранат, с радостью собрал наш проводник-афганец.

После боя мы вернулись ротой на отдых, расположившись в небольшом местном дукане с глинобитными стенами толщиной более метра — в жару там было прохладно, а ночами не так холодно. Таких построек было немало в пустыне: и брошенные дома, и своеобразное подобие дач среди бахчи. В одной из таких дач на окраине Ташкургана мы и остановились. Был полдень, мы отдыхали, вдруг смотрим: на расстоянии больше километра от нас бежит по пустыне душман. Мы посмотрели на ротного, который приказал его завалить. Мы резво сняли автоматы с предохранителей и дали по противнику залп, тот упал без признаков жизни. Постояли с полчаса, посмотрели — душман не шевелился. Мы закурили, вскипятили воду для трофейного

зеленого чая и продолжили свои разговоры. Через полчаса душман неожиданно вскочил на ноги и побежал. Мы вновь всей толпой принялись по нему стрелять, он опять упал, мы посмотрели на него, подумали, что на этот раз он точно готов, и принялись за свои дела. Спустя еще полчаса душман вновь поднялся и побежал.

У нас был прапорщик, любивший бегать по утрам, кличка у него была поэтому Спортсмен. Он прихватил с собой троих крепких дембелей — один был с РПК и двое с автоматами, и они побежали захватывать душмана в плен. Эти четверо побежали в гору за афганцем, стреляя на ходу на упреждение. Километрах в трех от нас стояла 2-я рота, они в бинокли увидели группу людей, стреляющих на бегу, и приняли их за противника. Реакция была обычной — «Загасить!». 2-я рота открыла по нашим бойцам огонь. Метров триста-четыреста успели пробежать ребята, и их накрыл шквал огня. Мы увидели, как по нашим стреляют, и, подумав, что стреляют из стоявшего впереди километрах в трех кишлака, начали в ответ стрелять по нему. 2-я рота, отреагировав на пальбу, накрыла огнем и нас. Мы залегли под огнем, развернулись и начали отстреливаться, одного дембеля из группы Спортсмена тем временем ранило. Связались по радио, огонь прекратили, пришла броня за раненым. Подошли наши БМП, и мы на них поехали «на разборки» во 2-ю роту. Ребята честно сказали, что они палили по своим, приняв их за «духов». Таких случаев было много: рации были допотопные, щелочные аккумуляторы которых выкипали из-за жары, их хватало всего на несколько дней, а мы ходили по горам месяцами. Если на второй неделе боевого выхода надо было с кем-то связаться, то возникали проблемы, вскоре питание добивали до конца и оставались совсем без связи. В отсутствие связи мы продолжали выполнять поставленную задачу, выходя в заданный квадрат.

Периодичность выездов на боевые была разной, бывало, что и в неделю по несколько выездов, бывало, и месяц в части безвылазно сидели. В зимнее время боевых действий было мало, в основном воевали летом, когда в горах тепло.

Я помню, как мы поднимались на перевал Саланг, так там и летом в горах лежал снег и было довольно холодно. Самые бои у перевала шли летом 84-го года. Вспоминается одна дивизионная операция. Мы поднялись по боевой тревоге, бронетехника подвезла нас к горам. Нас выстроили офицеры и сказали, что где-то здесь недалеко должен собраться Исламский комитет, который мы должны уничтожить. Вечером нас где-то высадили, всю ночь мы шли в горы, под утро все выбились из сил, на рассвете ротный дал команду отдыхать. Помню, что мы были на вершине какой-то

горы, и поднялись туда, не оставив караула, и все уснули мертвецким сном вместе с ротным. Проснувшись, наш офицер сам перепугался, закричал: «Подъем!» Убедившись, что все бойцы на месте и все в порядке, и устроив нам небольшую взбучку, он успокоился.

Вдруг мы увидели, как по ущелью под нами передвигаются два человека. Ротный дал команду их уничтожить, через несколько секунд в ущелье полетели гранаты. Но душманы успели стать за выступ скалы, и взрывы гранат их не достали. Выскочив из укрытия, душманы побежали прочь, мы начали стрелять по ним очередями, снова кинули несколько гранат, но безрезультатно — они опять укрылись за скалой. Ротный приказал захватить этих душманов живыми. Группа солдат спустилась вниз и без особого труда взяла обоих в плен: убегая, «духи» бросили оружие. Оба кричали, что они пастухи. После короткого допроса с пристрастием их позиция изменилась — теперь они называли себя «пионерами». Так ничего из этих «пионеров» мы толком и не выбили, потом мы сдали их местным властям. Но это было после, а пока, оставив с пленными охранение, мы, в соответствии с полученным по рации приказом, выдвинулись к одной из высот.

До заданной точки мы шли еще день. А когда поднялись на эту высоту, то встретились с занявшими ее раньше нас десантниками, которых было человек тридцать. Мы успели отдохнуть на гребне вершины несколько часов, и поступила команда пройти обратно тем же маршрутом, которым пришли, и выйти оттуда к новой точке. Мне было все равно, а дембеля взбунтовались — снова целый день идти по горам им не хотелось, поступило предложение спуститься и вернуться назад ущельем. Ротный опасался, что в ущелье мы попадем под обстрел с господствующих высот, но его все же удалось переубедить, и мы пошли ущельем, под обстрел, к счастью, не попали. На выходе из ущелья мы увидели в бинокли целое стадо перебитых овец, там было примерно 20–30 голов, скорее всего, их расстреляла какая-то наша часть. Взять мясо, к сожалению, было некогда: нам еще предстояло выйти на дорогу, которая и вела к нашей бронетехнике. Немного не дойдя до дороги, мы увидели два выбитых в скале дота. Все были уставшие, и идти проверять эти доты никто добровольно не хотел. Ротный взял с собой одного парня с РПК и отправился осматривать сооружения. Мы тем временем поднялись на небольшую вершину и километрах в полутора увидели дорогу, по которой в тот момент как раз шел БТР с сидевшими на броне бойцами. Мы принялись кричать, свистеть, но нас не видели, тогда дали очередь перед броней из

автомата. БТР остановился и развернул в нашу сторону пулемет. Мы замахали руками, дав понять, что мы свои. Позабыв про ротного и пулеметчика, мы побежали к бэтээру. Вся наша группа в 30 человек вскарабкалась на броню. Оказавшись в расположении, сразу накинулись на воду, за минуту 20 человек осушили 36-литровый армейский бак, отдыхать упали на землю там же, рядом с баком.

Потом, когда кто-то из нашей роты подъехал на броне, мы попросили ребят забрать ротного с пулеметчиком, сказав, что они отстали километрах в двух позади. Скоро еле живой от усталости ротный выгружался с брони и плелся к баку с водой.

— Ваша рота несла боевые потери?

— Ребята погибали, не очень часто, но погибали. Большинство гибло по своей глупости или неопытности. Гибли и в бою, подрывались на минах. Рота все время делилась на боевые группы, действовавшие самостоятельно, поэтому погибших ребят я видел только тогда, когда их привозили в расположение; на моих глазах не погибал никто.

Бывали случаи, когда ребята сами в себя стреляли и специально подрывались. Попал к нам парень после института. Он не выдержал издевательств, написал записку о том, кто во всем виновен, вышел и сам себя взорвал гранатой. Другого молодого парня избили «деды» и выкинули с автоматом в караул, а он вскоре заскочил в палатку и стал долбить по обидчикам из автомата. Говорили, что человек двадцать он убил.

Были самострелы, в основном стреляли себе в ноги. Одного такого самострельщика я знал: он надеялся, что его вернут в Союз, и в карауле прострелил себе ногу. Однако по выходе из госпиталя его вернули обратно в часть.

— Можете вспомнить какие-нибудь нестандартные задачи, которые приходилось выполнять?

— Зимой мы охраняли шедший на Кабул трубопровод. Протяженность нашего охранного участка была примерно 70 километров. Каждую ночь мы курсировали на бронетехнике вдоль трассы, в нескольких десятках метров от которой был проложен трубопровод, доезжая до конца зоны ответственности, где стояли насосные станции с датчиками давления. Проезжали с включенными фарами и останавливались на постах охранения, гарнизон которых был всего несколько человек, и отправлялись обратно. Охранение осуществляли только ночью — днем по дороге ходила наша техника, и душманы опасались к ней подходить.

В основном мы боролись с кражами топлива местными. Нередко ловили их на запряженных парой верблюдов телеге, на которой лежала двухсотлитровая бочка с горючим. Афганцы пробивали трубопровод, набрасывали на него скобу со шлангом, закрепляли всю эту конструкцию на болты, протягивали около 200 метров шланга до спрятанной за барханами повозки с бочкой и маскировали врезку песком. Однако со временем солярка проступала сквозь песок, демаскируя врезку. Обычно на базе нам сообщали, что на отрезке упало давление, и мы отправлялись на поиски повреждения трубопровода. Если обнаруживали прорыв или труба была прострелена из автомата, то докладывали об этом по рации, и на устранение прорыва выезжали специалисты.

Однажды мы стояли у ребят на посту охранения, как вдруг резко упало давление в трубе. Мы не спеша поехали на бэтээре по трассе, пытаясь рассмотреть повреждение. В одном месте мы увидели проступившую сквозь песок солярку, сразу остановились, выключив фары. Нас было всего четверо: водитель, сержант и я с сослуживцем. Обойдя сбоку бархан, мы поймали двух афганцев при двух верблюдах и десятке бочек, часть из которых уже была наполнена. Связав афганцев, мы привязали их верблюдов к бэтээру и, доложив по рации о повреждении трубы, медленно поехали во 2-й батальон. К разбирательству подключился Цурандой, и местные власти принялись вычислять, кто и для чего воровал солярку.

— Какой была экипировка при выходе на боевые?

— Когда уходили на несколько дней, то с собой брали пять «эфок», пять «эргэдэшек» — в рюкзаке, помимо того, две гранаты на ремне, 20 пачек патронов плюс четыре магазина в разгрузке; часто помогали гранатометчикам нести выстрелы к гранатомету, привязывавшиеся на ремень, тащили на себе и резиновые бурдюки с водой. В последнюю очередь нам выдавали сухпаек на трое суток, который уже не вмещался в рюкзак, единственным выходом было выкинуть невмещавшийся хлебец, взять тушенку и входившие в горный паек сгущенку, баночку с салом и вкусный овощной суп. Само собой, еще были фляжка, котелок и ложка. Обязательно было надевать бронежилет, на ноги в летнее время обували берцы, а зимой — сапоги.

— Расположение обст реливали?

— Обстрелы случались, но горы от нас были далековато, и прямое попадание было маловероятным.

— Как принимали молодое пополнение?

— Когда из Союза приходила молодежь, то наши дембели еще на какое-то время задерживались, молодым давали поучаствовать в бою, попасть под обстрел и немного привыкнуть к обстановке, и только после этого отпускали домой дембелей.

— Жили в палатках?

— Да, жили в прорезиненных палатках на взвод в 30–40 человек. Численность роты, кстати, колебалась в пределах 80–90 человек. В палатке стояли две печки-буржуйки, в зимнее время топившиеся привозимым из СССР углем, дров не было.

— Что можете сказать о питьевой воде?

— С водой была проблема — она вся была привозная. Из арыков воду старались не пить: она была зеленая, и в ней плавало столько гадости, что пить эту воду было невозможно. Воду набирали по возможности в горных речках, но бывало так, что по несколько дней мы были без воды, и, чтобы не умирать от жажды, бросали в грязную воду обеззараживающие таблетки. Кидаешь две такие таблетки во фляжку, взбалтываешь, они убивают всю заразу в воде, и можно пить, но так делали редко, лучше попить из речушки, когда ходили по горам.

Проблема с водой была всегда. В части привозная вода была с хлоркой и ужасно соленая. Колодец в расположении было выкопать невозможно — несколько сотен метров пришлось бы копать. Километрах в трех от полка была охраняемая скважина с соленой водой, пробуренная нашими специалистами. Дежурные повара в полку кипятили эту воду с верблюжьей колючкой, которая также немного обеззараживала воду. Офицеры следили за тем, чтобы в наших фляжках была именно кипяченая вода с верблюжьей колючкой. Еды всегда хватало: было много тушенки, на рыбные консервы спустя несколько месяцев многие смотреть не могли.

Вода была настолько плохая, что очень плохо получалось печатать фотографии. Мы много раз пытались сделать фото, но, видимо, из-за высокого содержания в воде хлорки они получались очень невысокого качества, а на сегодняшний день ужасно пожелтели. Фотографироваться по общему правилу не запрещали, да и провезти домой фото можно было без особого труда. И у меня была книжечка с фотографиями, адресами сослуживцев и песнями, но когда я ехал на дембель, она где-то потерялась.

— Инфекций было много?

— Инфекций было много. Много ребят погибало от брюшного тифа. А получалось как: на улице жара, доходившая до 40

градусов. Бойцу плохо, а он думает, что это от жары, и приходил в санчасть только тогда, когда начинал падать, там мерили температуру, градусник показывал 40 градусов, диагноз был очевиден — тиф. За заболевшим из госпиталя вызывали «вертушку». Пока она прилетала, пока его загружали в нее и доставляли в госпиталь, инфекция, очень стремительно развивавшаяся в жару, оставляла парню мало шансов — пару дней, и все, человек умирал. Вылечивавшиеся в госпитале ребята возвращались обратно в полк, возвращались и после легких ранений; с тяжелыми ранениями, естественно, комиссовали.

— Как возвращались домой?

— Последних месяца четыре перед дембелем я находился на охране баз с обмундированием и боеприпасами на Амударье, распределявших грузы по всему Афганистану. Тогда нас, человек 12 солдат, распределили по этим базам, я попал к прапорщику родом из Ромоданово, у которого проходило оборудование для полигонов. Когда приходили вагоны, то мы помогали в их разгрузке, днем в основном валяли дурака, а ночами стояли в караулах. А рядом еще был пересыльный пункт, через который проходили офицеры, провозившие водку в баках из-под солярки.

Незадолго перед дембелем у нас была боевая операция в горах, длившаяся около месяца. А когда мы вернулись, то нас заставили вырубать лопатами тростник и оборудовать позиции для вновь прибывшей танковой части. Через неделю приехал офицер и сказал, что завтра мы отправляемся домой. Мы побросали лопаты, запрыгнули в машину, приехали в часть и начали собираться. Моя парадная форма уже была готова, а дипломат с прекрасной парфюмерией, парой гонконговских переливающихся платков, часами с позолоченным браслетом, авторучкой и другим добром я оставил у одного прапорщика на охране баз. Отходя от темы, скажу, что золото там было очень дешевое, и купить его не было проблемой, у меня даже была авторучка с золотым пером, но она сломалась в кармане. Некоторые умельцы даже переправляли домой в письмах тоненькие золотые цепочки, такой возможности не стало, когда какой-то умник додумался послать в конверте наркоту — конверт, само собой, перехватили, и с тех пор стали все очень тщательно проверять. Были и переливающиеся фотографии, «ханумки» с голыми женщинами, — нам, молодым, это было в диковинку, и их тоже отсылали друзьям в Союз. Письма домой шли долго, где-то около месяца.

Целый день нам подписывали бумаги, на следующее утро было построение. Перед строем человек в 70 дембелей вышел

командир полка. А замысел у нас был такой: мелочь — в дипломатах, а что покрупнее (многие ребята везли и магнитофончики, и ридикюли) мы оставили молодым солдатам, которые должны были передать нам все это в момент посадки в машины. Офицер приказал всем открыть дипломаты, и у нас начали отбирать вторые часы и другие «лишние», на их взгляд, предметы, я же стоял без чемодана, как турист. После импровизированного обыска нас отпустили по машинам, и тут к нам выскочила толпа молодых солдат с сумками. Заметив это, офицер остановил всех и приказал нам вернуться. Его слова были следующие: «Ну что, кто-то, наверное, не хочет домой?! Сейчас мы будем смотреть, кто хочет остаться!» Поднимая вверх сумку, он спросил: «Это чья?» В ответ была тишина — значит, ничья. Так было и со второй, и с третьей сумкой, в итоге никто своей сумки не признал, и все они остались офицерам, а мы расселись обратно по машинам. Нас довезли до моста через Амударью. Мне там было все знакомо, и я выпрыгнул из «КамАЗа», сказав удивленным ребятам, что приеду завтра. Оставив в машине все документы, я поспешил в часть за дипломатом, в части сразу встретил повара по имени Джурбай, которого все звали просто Жора. Пожаловавшись Жоре, что меня сняли с довольствия и целые сутки я уже не ел, я получил банку тушенки и банку баклажанов. Поев, я сходил в душ, переночевал. А на следующий день я подошел к офицеру из соседней базы, отправлявшему солдата на дембель, и попросился проехать с ним до моста. В ответ услышал, что я не в его подчинении, мне стоит пойти куда подальше и вообще нечего чужих солдат возить, — были и среди офицеров, мягко говоря, не очень хорошие люди. Развернувшись, я взял дипломат, сходил попрощаться с прапорщиками и пошел до моста пешком. У моста я зашел в комендатуру и сказал, что мои документы уехали вчера, меня перенаправили к оформлявшему документы майору. Обратившись к нему, я рассказал свою ситуацию, майор спросил у меня военный билет и, взяв его, сказал, что через пару часов документы будут готовы. Тем временем я успел сходить со знакомыми ребятами из комендатуры в столовую. Потом забрал у майора документы, сел на шедший через мост грузовик и вскоре оказался на советской таможне.

Таможенники досмотрели меня и багаж, но ничего не отобрали. Я привез себе добротный батник, джинсы «голубой доллар», которые потом очень долго носил дома, ведь в 85-м году такие вещи были огромным дефицитом. Пристально выискивала таможня только наркотики и оружие, причем не так оружие, как наркотики. Я был весь на нервах — как-никак домой еду, а там

еще мерили температуру и брали кровь, лабораторный анализ которой на тиф, малярию и гепатит проводился на месте и в этот же час. Мой анализ крови был нормальным, а вот электронный термометр показал, что температура у меня немногим больше 35 градусов, плюс ко всему у меня немного прихватило живот. Ко мне подошел один из офицеров и спросил, как я себя чувствую, я ответил, что нормально. Но меня все равно посадили в сторону, минут через пятнадцать снова измерили температуру и спросили, как я себя чувствую, и на этот раз отпустили. Но не успел я сесть в машину, как меня взяли под руки два офицера, дали на этот раз простой ртутный градусник и, оставшись рядом со мной, попросили присесть. Термометр снова показал пониженную температуру. Посмотрев на меня и убедившись, что я бодро себя чувствую, офицеры махнули на меня рукой и отпустили.

От Ашхабада до Москвы мы ехали поездом. Перед отправлением нам выделили по сто рублей «дембельских» на каждого. Таких, как я, ехало немало, и еще в Ашхабаде мы сразу сняли целое кафе на вокзале, сдвинули столы и стулья в один ряд и начали отмечать дембель.

Вакулюк Яков Николаевич

Меня призвали 28 октября 1985-го. На последней медицинской комиссии в Калуге мне сказали, что я распределен в 17-ю команду, в автомобильный батальон в городе Сухуми, и я не думал, что попаду в Афган. Тогда, я помню, всех уже построили, выдали сухпаек, а ко мне подошел старшина и сказал, что я перераспределен в команду 23А. Пять суток просидел в Калуге,

так и не зная, что это за команда, всех забрали, остались только мы — 80 человек из 23А, а на шестой день за нами приехали «покупатели». Ими оказались мои будущие заместитель командира взвода сержант Габриелян и командир роты старший лейтенант Выхин. Поездом нас привезли в Москву, подсадили еще 180 человек пограничников, потом пересадили в эшелон в 8 или 10 вагонов, который 8 суток вез нас до узбекского города Фергана. Сперва был учебный центр «Фергана 5». Подготовка была серьезной: марш-броски, прыжки, огневая подготовка. Одним из этапов подготовки была заброска вертолетом в горы на 10 километров, причем через двое суток было необходимо самостоятельно добраться до части, бойцу на этот марш выдавались веревка, буханка хлеба, штык-нож, воды не выдавали — была только пустая фляжка, обеззараживающие воду таблетки и таблетки для поддержания организма в работоспособном состоянии. Когда набираешь во фляжку воду из арыка и кидаешь туда штук пять этих таблеток, вода сперва немного пенится, а потом можно пить. Каждое утро был 15-километровый марш-бросок, на усмотрение командира роты ты мог бежать или с груженным четырьмя кирпичами РД, или можно было насыпать в рюкзак гальки, она все-таки была полегче. Были два марш-броска на машинах с обстрелом, поджогами и окапыванием на 15 и на 30 километров, первый я проходил на «КамАЗе 5310», второй был уже на «Урале 4320». Все полгода в учебном центре за мной было закреплено одно и то же оружие АКС-74 № 475867, а в Афгане у меня был: АК-74 № 861775 (за деревянный приклад мы называли эти автоматы «весло»).

Через полгода учебки нас отправили в Кабул, там был пересыльный пункт, где три наших борта по 75 человек распределили по 350-му и 345-му парашютно-десантным полкам. Вместе с земляком из соседнего города Людиново Игорем Трандиным мы попали в 345-й отдельный парашютно-десантный полк. Командовал полком генерал-майор Валерий Александрович Востротин. В расположение полка нас доставили машинами, а спустя всего две недели дембелей отправили домой, нас распределили по освободившимся «Уралам», и я пошел на первые боевые.

Я был прикомандирован к первой батарее артиллерийского дивизиона. Возили мы все: и снаряды, и продовольствие, и многое-многое другое. Принимали и прибывавшие на Кабульский аэродром из Союза борты, но в основном я возил снаряды и таскал гаубицы. Продовольствие и снаряды доставляли и группировке наших войск, стоявших в долине реки Панджшер, — эта группировка состояла из отдельных рот, выделенных от

нескольких подразделений.

— Какими были задачи вашего подразделения?

— Мы стояли в охране баграмского аэродрома. В батарее было четыре 122-мм гаубицы Д-30. И днем и ночью было организовано постоянное дежурство. Мы спали в палатке, обнесенной земляным валом и ящиками от 122-мм гаубичных снарядов, наполненными песком. Верх палатки был полностью открытым, весь был пробит пулями, напоминая решето.

Наш 11-й пост называли «постом смертников» — за год и 8 месяцев моей службы там погибло 11 солдат. Все они погибли по той причине, что ночью не выдерживали и закуривали сигарету, — по нам работали снайперы душманов. Пост стоял в отдалении на возвышенности и представлял собой офицерский бункер и нашу обнесенную землей палатку, неподалеку в своих окопах стояли гаубицы. По периметру на удалении в 400 метров пост был обнесен колючей проволокой и сигнальными минами.

Рядом стоял кишлак, доставлявший нам огромные проблемы. Душманы приходили туда как к себе домой, и неважно — жил душман в этом кишлаке или в соседнем, но он находился у себя дома и мог требовать от мирных жителей все, что ему было необходимо. Хотя почти мгновенно наши офицеры узнавали о том, что в том или ином кишлаке был заход «духов», что они пришли и забрали овец, одежду или что-либо еще, — информация приходила всегда, разведка работала неплохо. Неподалеку от нас стоял Цурандой, и от наших союзников часто приходила полезная информация.

Кроме задач по охранению, мы часто выходили на боевые. За все время я 24 раза выходил на задания, изъездив весь Афганистан, побывал во многих городах, повидал очень многое. В боевых действиях вместе с нами часто участвовала афганская армия — они шли одной колонной с нами и не прятались за спинами, подрывы на минах и потери были очень частыми и у них. Техника у них была старая — танки в основном Т-34, Т-62 у них был в диковину, бээрдэмы с двигателями от «ГАЗ-66», у нас в то время уже широко использовались бэтээры-«восьмидесятки».

Впереди колонны обычно шел танк — тральщик, очищавший дорогу от мин. Танкисты у нас служили в среднем по 3–4 месяца, после чего их комиссовали — постоянные контузии выбивали ребят из строя, 2–3 разрыва мины под тралом — и человек уже практически глухой.

Практически каждый день я производил подвоз снарядов: едешь на аэродром, куда прилетел борт со снарядами, загружаешь их в машину и подвозишь на позиции батареи. А

ночью было организовано постоянное боевое дежурство, сна почти не было: одновременно мог отдыхать только один расчет, остальные все были на боевом. Ночами корректировочная группа нередко выходила в горы, а мы должны были начинать «работать светом» — производить подсветку местности осветительными ракетами. Корректировщики давали нам по рации координаты, и мы стреляли в указанном направлении, и они рассматривали ночное передвижение «духов». А когда ребята засекали большие группы противника, они давали нам координаты для стрельбы, и мы накрывали «духов» осколочно-фугасными или еще чем-нибудь более эффектным.

— Часто попадали под обстрелы?

— Да, обстрелы были, и очень часто. Больше всего мне запомнился один ночной обстрел, когда весь тент моего «Урала» был прошит пулями. Той ночью мы ехали из Джелалабада в Хост. Неожиданно из стоявшего неподалеку кишлака по нам открыли огонь, сильно досталось моей и впереди идущей машинам, потерь, правда, не было, но тент, как я уже говорил, напоминал решето. А ведь в момент обстрела в кузове моей машины лежало 80 ящиков осколочно-фугасных снарядов!

Ярко врезался мне в память эпизод, когда мы подорвались. Мы тогда перевозили снаряды в Анаву, и нас зажали в ущелье. К Анаве вела одна-единственная дорога, тянувшаяся среди скал по краю пропасти. Ехать можно было только в одном направлении, и если колонна пошла в одну сторону, то навстречу ей никто передвигаться уже не мог: разъехаться было невозможно. Протяженность отрезка от Анавы до первого баграмского поста была небольшой — всего около 10 километров. Все постройки укрепрайона Анава делались нашими руками; когда служил я, там все уже достраивалось. На этой дороге в мой «Урал» «вкатили» из «безоткаток», попали в кузов, где лежали снаряды. Машина сразу загорелась, я едва успел выпрыгнуть. Кроме моей загорелись еще две машины спереди и одна сзади, водители едва успели выскочить, и произошла детонация снарядов. К счастью, в этот раз обошлось без потерь.

За службу я сменил две машины: первым был «Урал 43202Н» с деревянным кузовом без подкачки колес, а вторым был новый бронированный «Урал». А первую получил так: пришел, получил, завел и поехал. Это уже потом, когда я отслужил год и стал ветераном, пришло молодое пополнение, мы их обкатывали. Обкатка проходила так: мы покатали парней по камням, по горам, обстреляли, чтобы не боялись. Ведь что мог только пришедший из Союза парень возрастом 18–19 лет в незнакомой

местности в боевой обстановке? Естественно, сперва он испытывает сильный испуг. Под первый обстрел я попал, прослужив две недели. Я не скрываю, что и сам, впервые оказавшись под обстрелом, испугался. А потом ко мне подошел дембель, постучал по плечу и сказал: «Успокойся — еще на твоем веку много будет такого», и все снова пошло своим чередом.

Довелось съездить в Союз за «Уралами». Тогда мы пригнали 8 новых машин. «Уралы» были новыми: стекла, забронированные так, что для обзора оставались лишь небольшие бойницы — для водителя небольшое окошечко, а для пассажира — прорезь крест-накрест; бронированные двери, окна, пол — водитель был защищен со всех сторон, даже от несильного взрыва.

Поначалу очень плохо было «камазистам» — колесо «КамАЗа» расположено так, что водитель практически сидит на нем, и если взрыв, то могло даже выбросить взрывной волной или в лобовое стекло, или в дверь. В «Урале» с этим было чуть попроще: колесо немного впереди, но они были очень тяжелые — обычная машина весила 12 тонн, а бронированная и вовсе около 20.

— Душманы открывали огонь в основном из «зеленки»?

— Нет, «зеленку» они не особенно любили. В основном они залегали в горной местности, именно там, где у них были соединенные в единую систему подземные керизы, по которым им можно было быстро уйти. Насчет ведения боя — они были трусоваты, пальнут, расстреляют боекомплект, ныряют в какую-нибудь пещеру и уходят, как говорится: «наложили в штаны и убежали». Такого, чтобы душманы долгое время интенсивно вели бой, не было.

Еще они обстреливали нас из-за возвышенностей: ставили за гребнем высоты ракетно-пусковые установки и открывали из них огонь. У меня была такая ситуация в Хосте в третьем моем боевом выходе. Тогда я только успел подбежать к «Уралу», и тут начался обстрел, я упал, закрыл руками голову и вдруг почувствовал, как мне на голову льется солярка — сантиметрах в 20 надо мной осколок пробил бензобак машины. Не растерявшись, я вскочил в «Урал» и вывел доверху груженную снарядами машину из-под обстрела, загнав ее в капонир. За это я потом получил от майора-замполтеха по шее, который сказал мне, что ему нужны живые люди, а не техника.

Когда шла колонна, впереди пускали или БМП, или чаще всего танк-тральщик. И в замыкании шли тягачи «Уралы» с подъемниками для растаскивания подбитой техники, обычно их было две-три штуки. Подбитые машины старались как можно скорее оттащить с дороги, чтобы дать уйти из-под огня

остальным. Кроме тягачей в замыкании обычно шел или БТР-«восьмидесятка», или БМП, иногда их заменяли два «Урала» с зенитными установками. У нас было два «Урала», на которые сразу после получения мы установили «зэгэушки», и к концу моей службы они представляли собой печальную картину.

Душманы постоянно лупили или по головной машине, или по задней, чтобы застопорить движение колонны, а потом уже начинали расстреливать машины по одной. Поэтому усиление и распределялось следующим образом: впереди колонны, в середине и в хвосте, в частности, это делалось для того, чтобы была возможность растолкать тем же танком поврежденные машины. Мне своим «Уралом», на который повесили бетонные противовесы и установили подъемник, тоже приходилось сталкивать две «бээмпэшки» и два «КамАЗа». В нашей батарее моя машина была единственной, оснащенной таким образом. Из бронетехники у нас первоначально была «чайка» — командирский БТР-60, оснащенный мощной радиостанцией, потом к нам пришел БТР-80, на который мы также установили более мощную радиостанцию. В моем «Урале», тоже была 123-я радиостанция, мой позывной был Замок.

От Баграма, где я служил, до Кабула расстояние около 60 километров, на протяжении всей дороги стояли 8 «комсомольских» кишлаков (со старейшинами этих селений у нас был уговор о том, что мы друг друга не трогаем) и около 20 — «духовских». Проезжаешь мимо — сидит местный и машет тебе, крича «Привет, шурави!», а ночью едешь — он же по тебе и из автомата пальнет.

— Под огонь своих не попадали?

— Такого у нас не было. В этом плане у нас все было организовано четко. И если бы все офицеры были такими же, как наш командир полка Вострotин, то нашей армии не было бы равных по силе и дисциплине. Он никогда не отдавал свои вещи во время выхода в горы, а сам нес все на себе. Прежде чем начать боевую операцию, командир полка всегда связывался со всеми выдвигавшимися подразделениями — и с мотострелками, и с минометчиками, и с автобатчиками, и с ремротой в том числе.

Первыми всегда шли мы, «полосатики», как нас называли «духи», а за нами тянулись остальные подразделения. Если мы шли к пакистанской границе, то заранее точно знали, какие части следуют за нами. Кроме нас в голове еще часто ходили ребята-кабульцы из 350-го.

— Какие подразделения, на ваш взгляд, несли

наибольшие потери?

— Серьезными были потери в корректировочных группах, выходивших в горы; получивших ранения ребят отправляли в госпиталь в Баграме. Нам, водителям, было немножко полегче, конечно, тоже доставалось, но не так. А вот корректировщикам, группами по 7–8 человек выходившим в горы, засекавшим банды душманов и управлявшим артиллерийским огнем по ним, приходилось нелегко: на них шла настоящая охота, корректировочные группы пополнялись каждые три месяца, пополнение приходило из Ферганы, Годжуная, Приная. Вообще мы старались воевать с минимальными для себя потерями — лучше было закидать врага снарядами, чем пулями.

Если поднять из реки Панджшер всю сброшенную в нее подбитую технику: подбитые танки, бэтээры, «Уралы», «КамАЗы», — то можно было бы построить 3–4 отличных корабля: река была полностью забита нашей сгоревшей техникой. Обочины дороги Кабул — Баграм — Хайратон также были усеяны искореженным железом.

Часто били колонны наших наливников, которые перевозили керосин. Их били очень здорово, однажды, за три месяца до моего дембеля, почти полностью была уничтожена шедшая из Союза колонна в 58 машин. Мы только успели спасти уцелевших под огнем ребят, но, к сожалению, не всех — было немало погибших и раненых. Если ты попадаешь на наливник, то считай себя смертником.

К нашему 345-му отдельному парашютно-десантному полку у душманов было особое отношение — нас боялись больше других. Еще до того, как я попал в полк, году в 1982-м, был случай, когда «духи» полностью вырезали наш пост. Без единого выстрела, бесшумно, были убиты 18 наших солдат. Потом, в отместку за убитых, их товарищи разнесли три соседних кишлака. Принцип был такой: если воюем, значит, воюем открыто, а так, исподтишка, — неинтересно. А «духи» почти всегда действовали именно так, исподтишка: ночные вылазки, обстрелы рано утром, да и то — выскочили, обстреляли и уходят. А так было все, и мне не раз приходилось сталкиваться лицом к лицу с врагом, приходилось убивать, ведь если не ты — то тебя.

— Каким было отношение к пленным душманам?

— Тут смотря у кого: у нас, водителей, особой ненависти к ним не было, а в разведке — да. Наши разведчики были ребята очень злые: убить не убьют, но выбивали зубы и ломали челюсти душманам они частенько. В разведке у нас служили «качки» из подмосковных Люберец, известные на всю страну «люберы»,

ростом ребята были под два метра. Когда приходилось с ними стоять в охранении, было немножко страшновато: разговор у ребят был короткий. А стояли с ними тогда как раз дежурной машиной по гарнизону — стоишь в Кабуле или Баграме на центральной площади, 12 человек и «Урал» рядом.

— Какое количество боеприпасов обычно брали с собой?

— В моем «Урале» постоянно был цинк в тысячу с лишним патронов к автомату, лежало штук 30 Ф-1, шесть пулеметных магазинов по 45 патронов, попарно связанных изолентой, — магазинов по 30 патронов порой было маловато.

— В униформе были отклонения от устава?

— Да. Мы пришли в Афган обутые в очень тяжелые полусапожки. И если мы, водители, еще могли в них ходить, то корректировочным группам, которые уходили далеко в горы, было очень тяжело: не предусмотрена была эта обувь для гор, очень уж была неудобная. В кроссовках было намного удобнее, к тому же в них нога намного более чувствительна к проволоке растяжек, ведь в сапогах можно было задеть проволоку растяжки и не почувствовать, не упасть вовремя, и три-четыре человека могли погибнуть на одной мине. А растяжек стояло очень много, кроме того, было очень много наших «лепестковых» мин, выставленных самолетами, — с воздуха сбрасывался контейнер с минами, который раскрывался на заданной высоте, усеивая ими площадь. В зависимости от местности эти мины были серого или зеленого цвета. Когда наступаешь на них, ничего не происходит, отпускаешь ногу — происходит взрыв, который отрывает стопу. Заметить их было непросто: если ты идешь и внимательно смотришь себе под ноги, то такую мину можно заметить, а под обстрелом под ноги смотреть некогда. Такие случаи бывали не раз — ребята налетали на них, погибнув не от вражеской пули, а от своей мины, хотя погибали от мин нечасто, обычно отрывало ногу. Больше всего мин встречалось возле «духовских» кишлаков.

Минировалось все, даже на ровном асфальте душманы вырезали кусок под размер фугаса, устанавливали его и тщательно маскировали. Взрыватель фугасов обычно был «качковый», то есть подрывалась не первая и не вторая машина, а та, на которой число нажимов на механизм детонатора достигало заданной цифры. Я видел «духовский» фугас, изготовленный из крупнокалиберной артиллерийской гильзы, доверху набитой порохом. Эти фугасы разворачивали наши танки, отрывая башни. «Урал» вылетал на несколько метров вверх, против зарядов такой силы бесполезно было пробовать чем-то защититься. Каких-либо

особо хитрых способов минирования, когда, например, минировались нависавшие над дорогой ветки деревьев, мне встречать не доводилось, единственное, что из подобного я видел, — это вышеупомянутые огромная артиллерийская гильза от САУ с электрическим взрывателем, заминированные авторучки и брелки. Мы для растяжек использовали и Ф-1, и РГД-5, очень много ставили сигнальных мин.

У душманов даже встречались электронные «Стингеры» — ПЗРК устанавливался на станок, к нему подключали что-то наподобие таймера, и в заданное время, когда должен был пролетать наш самолет, производился пуск ракеты, когда поблизости уже давно не было ни одного душмана.

Из ракетных пусковых установок обстреливали обычно артиллерийские склады или склады ГСМ. Расположение основного состава наших рот тоже попадало под обстрел, но редко.

— Какой была ситуация с продуктами и водой?

— Заострив внимание на воде, скажу, что вода в Афганистане была очень плохой: ее, во-первых, было мало, а во-вторых, в ней было очень большое количество йода, от которого начинались проблемы с зубами. Воду пили обычно заваренную с верблюжьей колючкой. После набора из скважины воду сразу никогда не раздавали — она обязательно проходила предварительную дезинфекцию.

Обеспечение продуктами было неплохим — каждое воскресенье, например, мы получали шоколад или шоколадное масло. Офицеры договаривались со старейшинами «комсомольских» кишлаков, и у нас нередко была свежая баранина, был и картофель, и привозившиеся самолетами из Союза маринованные, в металлических банках, помидоры, повидло. Так что насчет питания обижаться нечего, единственное — в пятидесятиградусную жару порой было не до еды.

— Что можете сказать про отношения с местным населением?

— Кроме того, что упомянул, с местными жителями никакого обмена на продукты не было — мы опасались отравления. С местными вообще старались в контакт не входить, чтобы не давать им повода даже подходить к нам, потому что всякое могло быть. Днем местный житель мог приветливо махать рукой проезжавшим мимо «шурави», а ночью взять в руки оружие.

И очень часто ребята страдали именно из-за своей неосторожности: было очень много мин-сюрпризов, порой просто

рассыпанных по земле. Это могла быть простая шариковая авторучка, поднимаешь ее — все нормально, а пробуешь писать — и она отрывает кисть руки. Много было маленьких предметов, рассчитанных на поражение рук и ног, были и заминированные брелки, которые отзывались на свист. Поэтому офицеры проводили с нами такую политику, чтобы в контакты с мирным населением мы не вступали, тем более мы стояли на полном боевом.

— Перевал Саланг чем-либо запомнился?

— Во время первого вывода войск я на своем «Урале» с подъемником помогал преодолевать перевал, стоя на сопровождении колонн. Мы помогали подниматься на высоту в 4300 метров старым грузовикам, которые закипали еще на подъеме, эти 130-е и 131-е многое повидали на своем веку, «эмэрэски» тоже тогда выводили, старые бээрдэмы.

— Какое ваше самое яркое впечатление о той войне?

— Самое яркое впечатление — это то, что она была никому не нужна, вот что запомнилось. Очень много ребят погибло ни за что. Да, я понимаю — долг перед Родиной, забросили нас туда, чтобы мы его отдавали и «помогали афганскому народу в поддержании Апрельской революции», — это постоянно вдалбливали нам в головы. Нормальные хорошие парни потеряли там очень много здоровья, потерял его немало и я. Хотя мы могли бы отслужить в своих частях и в Союзе, вернувшись домой невредимыми.

Я повидал там многое, очень ярко запоминаются боевые действия. Остался четким в памяти мой первый обстрел.

14 октября мне исполнилось 18 лет, а 28 октября меня забрали, полгода я отслужил в учебке и попал желторотым пацаном на войну. Мы никому не были там нужны, никому… Я не знаю, зачем все это было нужно: полезных ископаемых там было слишком мало, чтобы за них биться, — ни угля, ни нефти, посмотри на карту мира: в Афганистане практически ничего нет, кругом была лишь одна сера и немного руды. А основным богатством там были и остаются гигантские плантации опиумного мака, за счет которого местное население и выживало. Когда въезжаешь весной в Джелалабад, перед глазами встает такая красивая панорама — целые поля цветущего опиумного мака, которые мы сжигали из огнеметов.

И никогда мы бы там не победили и ничего бы там не наладили. Сейчас там американцы, и у них также ничего там не получится, потому что афганцы — очень тяжелый народ, его

очень сложно завоевать: начинается партизанская война, чем-то напоминающая действия наших партизан в Великую Отечественную — воевали в своих родных лесах, и попробуй их выбей оттуда. В такой же ситуации оказались и мы там: попробуй сунься к ним в горы — у них там соединенные между собой тоннели: он нырнул здесь, а вылез где-нибудь километров за пять. Я долго не мог понять, откуда у них глиняные дома, когда кругом сплошной песок, а потом до меня дошло, что ее добывали, выкапывая керизную систему.

Среди ребят, с которыми мне довелось служить, были в основном выходцы из провинциальных городков и деревень России, Украины и Белоруссии, не было «папенькиных сынков», москвича вспомнить не могу ни одного.

Помню и нашу встречу с Сашкой Зайцевым в Кабуле. Тогда пришли загружаться снарядами колонны, он был на «КамАЗе», а я на своем «Урале», а у каждого водителя на солнцезащитном козырьке было написано название родного городка, у меня было: «Калуга, Киров». И вот я вдруг увидел «КамАЗ», на козырьке которого, как и у меня, красовалось «Калуга, Киров». Я дал условный сигнал для таких случаев — два свистка; мы вышли, познакомились. Такая же приятная встреча была у меня и с покойным Юрой Сидоренковым, с Юрой мы учились вместе с первого по восьмой класс, а Сашка тоже учился в нашей 43-й школе, только на год старше меня.

— Какой след оставила война в вашей жизни?

— Первые месяца три я вскакивал по ночам, и «Рота, отбой!» была, в этот период я все еще не мог отвыкнуть от всего этого, а потом устроился на работу, женился, и постепенно все стало забываться.

Служба дала мне большой опыт, и если бы сегодня мне дали отслужить за своих сыновей, то я не задумываясь пошел бы.

От себя могу добавить, что не надо этих горячих точек, ведь в каждой стране есть люди, которые сами мирно могут разобраться с внутренними проблемами, а наших ребят на эти разборки больше бросать не надо.

Фетисов Александр Васильевич

В армию меня призвали осенью 1978 года. Я попал в танковую учебку, где готовили механиков-водителей танков Т-62. На тот момент я уже был кандидатом в мастера спорта по самбо, поэтому сразу был распределен в спортивную роту при танковом полку, которая комплектовалась из наиболее физически развитых парней. Здесь, можно сказать, и прошел первый год моей службы.

В конце 1979-го от нашего танкового батальона была сформирована рота, которая и была отправлена в Афган. На территорию Афганистана мы входили одними из первых.

В составе роты было около пятидесяти шести человек. Тогда я еще не знал, что пятнадцать из нас уже не вернутся оттуда живыми. Ребята погибали не только от ранений, шальных пуль и осколков. Ведь поначалу война была в большей степени партизанская. Более того: когда мы входили в очередную провинцию, местное население даже не знало, кто, зачем и почему проходит по их территории.

Наш экипаж отправили в Кабул, придав расположившейся там Витебской дивизии. Вместе с десантниками мы сопровождали армейские колонны. Дважды довелось ходить через перевал Саланг.

— Под обстрелы из засад часто попадали?

— Случалось всякое, многое из этого не хочется вспоминать. Я никогда до этого не видел, как горит железо, а там увидел. Сталь при этом становится темно-бордового цвета. Конечно, страшно на это смотреть, картина неприятная.

Однажды мы прошли Саланг и спускались вниз по горной дороге, тут броню танка насквозь прошил ПТУРС. Он попал в верхнюю часть башни, заряжающий, наводчик и командир погибли от возникшего огромного давления. Меня спасло лишь то, что свой люк я не застопорил, а просто прикрыл; волна вышла через него, выгнув наружу массивную крышку. Вначале был сильный свист в ушах. Потянул рычаги на себя, остановил танк, засунул руки под шлемофон, инстинктивно пытаясь заткнуть уши. Потом почувствовал, как что-то полилось из носа, поднес руку — это была кровь. Через мгновение я отключился. Помню, что, когда терял сознание, перед глазами встала такая картина: я дома, захожу к себе в подъезд, вставляю ключ в замок, проворачиваю его, но не вхожу. Ребята мне потом рассказали, что если бы я открыл дверь и сделал шаг — то все, ушел бы на тот свет.

Госпиталь был расположен недалеко от въезда в Кабул, а за ним стоял ремонтный батальон, в который как раз притаскивали подбитую и неисправную технику. Там я вновь увидел свой танк: в башне друг напротив друга были две большие сквозные пробоины от кумулятивной струи. Я открыл люк: внутри было полно мух, огромная, глубиной в несколько сантиметров, лужа крови на днище.

Контузия моя, к счастью, оказалась нетяжелой, я даже в документах ее не отмечал, в госпитале неделю всего пролежал и

вернулся в роту.

— Где было место ваших танков в колонне?

— Все зависит от того, с чем колонну сопровождаешь. Обычно в голове шел как минимум один танк. Вообще, бронетехника ставилась в голове, в хвосте и в самой середине колонны.

Если по нам открывали огонь, то мы старались не останавливаться в зоне обстрела. Ее надо было как можно скорее пройти, потому что если остановиться и пытаться засечь «духов» в горах, то они могли перебить всех. Когда колонна на скорости проходила зону обстрела, тогда останавливались и смотрели, кто и как пострадал.

Шли в колонне, замотав блестящие предметы. В «летучках» водители заматывали ручки, потому что с гор были видны блики от них, снайпер стрелял прямо под ручку и попадал прямо в бок водителю. Поэтому все блестящие предметы, по которым было удобно прицеливаться снайперам, убирались. Я не знаю, как в других частях, а у нас офицеры снимали и погоны, и кокарды, чтобы ничем не выделяться среди солдат. Но все равно их определяли по возрасту, по ремням.

У нас механиков-водителей старались не брать на операции, то есть вместе с пехотой доезжаем по горным дорогам как можно ближе к заданному району, бойцы поднимаются в горы, с ними по желанию могли идти танкисты, но механики, как правило, всегда оставались внизу.

Танки там, на мой взгляд, вообще были не нужны — подведешь его под гору, и все. Все равно любой танк — это гроб на гусеницах, противопехотные мины он держал, а противотанковые, и тем более фугасы, представляли большую опасность. В этом отношении хорошо себя там показали бэтээры, которые считались наиболее безопасной техникой, чем танки или БМП. Приведу такой пример: мы ехали внутри бэтээра и попали на противопехотную мину, колесо вырвало, а бэтээру — ничего, можно было ехать дальше. Мне тогда, правда, повезло, был в шлемофоне: я подлетел и ударился головой так, что в ушах еще долго стоял шум.

— Авиация помогала?

— В Афгане вертолеты себя отлично показали. Их аэродром был в Пули-Хумри. Мы простояли там какое-то время и, пока были свободны от своих боевых заданий, помогали ребятам из аэродромного обеспечения подносить к «вертушкам» реактивные снаряды.

Старшие офицеры-летчики этой части любили летать на свободную охоту. Они летали вдоль близлежащих ущелий и обстреливали караваны «духов» с наркотиками и оружием. Пару раз они предлагали нам с ними полетать, но желающих было мало.

— Вы пытались как-либо усилить защищенность танков?

— Чтобы противокумулятивные экраны наваривали, не припомню, а вот мешки с песком на случай подрыва на мине механики-водители часто укладывали себе под ноги. Хотя как ни ухищряйся, если сильно захотят — то все равно подобьют.

— Потери были серьезные?

— Поначалу больших потерь у нас не было, противник вел в основном партизанскую войну: обстреляли и убежали, а поймать их было невозможно — пока мы поднимемся в горы, чтобы их засечь, душманов уже там нет.

Получить пулю можно было и не принимая участия в боевых операциях. Часто бывало, в палатке на двухъярусной койке лежишь, «вжик!» — смотришь: дырка в брезенте, кто-то из города пальнул. Такую шальную пулю мог получить любой. Поэтому постоянно было какое-то неприятное чувство, мы были не в своей стране, не у себя дома. Спортом там тоже свободно не позанимаешься: поначалу я бегал вокруг расположения батальона, а потом от комбата получил. Помню, он сказал: «Если хочешь бегать — бегай вокруг палатки, но далеко не выбегай. Я из-за тебя проблем не хочу!»

— С местными конфликты возникали?

— Местное население к нам не очень хорошо относилось. Мы ездили за водой в военное училище на «уазике», а большая толпа афганских подростков лет по 10–12 стала забрасывать нас булыжниками от мостовой. Камни, пробивая брезент, влетали в машину, а нам было запрещено применять оружие в городе, и только один из нас — азербайджанец Аллахвердиев по прозвищу Аллах — не растерялся и дал вверх очередь из автомата. От испуга толпа прижалась к земле, и мы беспрепятственно проехали дальше. Если бы не Аллахвердиев, этими булыжниками кого-нибудь из нас вполне могло убить. Правда, особисты потом ему здорово ввалили.

Особисты вообще часто любили проводить нам «профилактику» за отношения с местным населением. Какому солдату не хотелось поменяться с афганцами, к примеру, ржавыми пассатижами на сочную дыню: организм ведь молодой,

а витаминов недоставало. Запомнился и пшеничный афганский самогон в двойных запаянных целлофановых пакетах. С местными менялись на насыпи, метра в три высотой, она тянется вокруг Кабула, защищая город от весенних селей. И вот афганцы приносили на обмен на насыпь свои нехитрые товары. Поначалу цены вообще были отличные: за какую-нибудь гнутую железку от танковой гусеницы мужичок мог три-четыре дня подряд приносить фрукты или ту же самогонку. В самом начале, когда только вошли в Кабул, одному местному понравилась моя саперная лопатка, и он начал клянчить ее не унимаясь, мол, дай, в огороде своем буду ей копать, ну и подарил я ему лопатку, а он мне — расклешенные джинсы «Lee» в упаковке. Джинсы оказались будто бы по мне и сшиты, вместе с тельником и кроссовками в пятидесятиградусную жару они были намного более удобной одеждой, чем наше армейское обмундирование с кирзовыми сапогами, которые, как мы ни обрезали, все равно были неудобными. И только летом 80-го, где-то в июне — июле, нас переодели, выдали облегченную форму, кирзовые ботинки.

Говоря о форме, можно упомянуть такой случай. Рядом с нами стояла возглавляемая полковником группа, запаивавшая цинковые гробы с телами погибших и отправлявшая их в Союз. Погибших ребят переодевали в парадную форму, с теми, кого разорвало на части, комплект формы укладывали рядом. И вот мы прослышали, что у полковника на складе можно выпросить пару комплектов «парадки». Правда, полковник, видимо, был не в настроении: и формы не дал, и послал нас куда подальше. Пришлось нам домой в х/б ехать.

— Вши бывали?

— Когда приехал домой, я позвонил в дверь, вышла мать, мы обнялись. Но сразу заходить домой я не стал, а разделся под лестницей, и всю мою одежду она сразу выкинула в мусор. Афганских вшей пускать домой не хотелось.

Бельевая вошь доставала очень сильно. Даже когда лежал в госпитале, не получалось полностью от них избавиться. Замачивали одежду в солярке, и дня три ничего в ней не было, а после вши появлялись вновь: личинок солярка не убивала. Была и специальная парилка для вещей, но все это ерунда. День-два после стирки и парки их нет, а потом отворачиваешь шов с обратной стороны, а там уже полно белых личинок.

— Как было налажено снабжение?

— У нас в Кабуле с топливом все было нормально: машины постоянно шли из Союза. А вот ребятам, которые стояли в

«секретах» в горах, было с этим вопросом намного хуже, хотя с другой стороны — хорошо, что подальше от начальства.

Наградами же многие тыловики «снабжали» себя исправно. Наш майор зампотылу самым первым в части получил медаль, хотя сам ни разу не участвовал ни в одной из операций. А мы в те времена и не знали, что такое медаль, ими стали более или менее массово награждать только в 83-м.

Прапорщик, ответственный за снабжение нас продуктами, сразу сказал: «Я лучше буду трусом по жизни, чем героем посмертно. Лучше я останусь здесь, вы идите на операцию, а я вас нормально питанием буду снабжать». За такую достойную уважения откровенность никто на него в обиде не был, тем более что мужик уже он был довольно пожилой, все понимали, что кому-то надо в расположении оставаться.

— Какие были отношения между танкистами роты?

— Дружба, конечно, там была не такая, как в Союзе. Ребята были очень сплоченные, тем более что все бойцы, вошедшие в первые дни в Афганистан, были одного призыва, успев уже отслужить по году, молодые стали приходить позже.

Бывали и курьезные случаи. Вот, например, сидят мои сослуживцы и чистят оружие, в нескольких метрах от них повар в огромном чане варит кашу, стоя к ребятам спиной. Тут кто-то нажимает на курок, и происходит случайный выстрел, пуля пролетела у повара между ног, не задев его, а пробив лишь фартук, и насквозь прошила чан с кашей. Все замерли от неожиданности, а на заду у повара выступило большое мокрое пятно — он обмочил штаны, что в принципе понятно для такой ситуации.

— Какой эпизод наиболее ярко врезался в память?

— Последняя моя операция была осенью 1980-го, незадолго до дембеля. Проводилась она в районе Газни, где попал в окружение целый полк нашей пехоты. Почти сразу после того, как нам удалось их деблокировать и бои стихли, я во второй раз попал в госпиталь, теперь уже с брюшным тифом. Им вообще очень много ребят там переболело, и не только тифом, но и желтухой, и другими инфекциями. Был постоянный дефицит воды, не имея выбора, иногда приходилось пить из арыков — в беретку или шапку наберешь воды, сквозь нее попьешь, вроде и напился. Мы были не приспособлены к таким условиям, желудки у многих были слабые, поэтому болезни были делом обычным.

Так получилось, что одно наложилось на другое и болезнь дала о себе знать вскоре после боя. Мы как раз загружали тела

погибших ребят в подъехавшие «Уралы». В этом понесшем тяжелые потери пехотном полку был парень из Брянска, перед этим, когда мы танки ремонтировали, он песню нам пел, а вскоре пошел на операцию и погиб в бою. И вот я как раз собирался положить чью-то оторванную руку в грузовик и увидел на ней знакомую татуировку — солнце и надпись «Брянск». Это был мой погибший земляк, его разорвало на части. После этого я почувствовал себя плохо и вскоре потерял сознание.

Когда меня скосило, уже без памяти меня переправили вертолетом из Газни в госпиталь в Кабуле. Через неделю под капельницей пришел в себя. Мне повезло, что поставили правильный диагноз, ведь сначала меня положили в одну палату с «желтушниками», к счастью, полковник, начальник госпиталя, вовремя заметил ошибку. Он как только зашел, сразу сказал персоналу: «А чего вы его сюда положили? У него тут явно брюшной тиф! Перенесите его в другую палатку, к «брюшникам». Благодаря своевременно исправленному диагнозу я довольно быстро пошел на поправку.

Я должен был отправиться домой примерно 5 января 81-го, но мне, как и многим другим отправлявшимся на родину солдатам, хотелось попасть домой к Новому году. Наш комбат, как и я, был спортсмен, мастер спорта по боксу, помню, он сказал: «Саш, есть возможность, давай прямо из госпиталя домой, я помогу». Ребята собрали мне чеков, собрали в дорогу дипломат, откуда-то притащили шинель. Проведя документы через рембат, меня демобилизовали на несколько дней пораньше, и в двенадцать дня 31 декабря я был дома.

В память о погибших в той последней операции ребятах я написал небольшое стихотворение, которым и хотел бы закончить свой рассказ:

Нельзя забыть, что видел я когда-то,
И пусть об этом мало говорю,
Поверьте — нес я на руках солдата,
Погибшего в последнем том бою.

Всего одни ведь сутки оставалось
Дожить до дня, в котором мы росли,
Но на пути нам смерть вдруг повстречалась,
И от нее не всем пришлось уйти.

Представьте: в девятнадцать лет
Уйти, не разгадав земной секрет,
Уйти навек и не вернуться вновь,

Оставить мать и не понять любовь.

Нет, трудно вам меня понять,
Но и увидеть не желаю,
О чем я вторю по ночам опять,
Когда минуты те припоминаю.

Давайте лучше мы за мир стоять,
Давайте жить, учиться и трудиться,
И тех парней не забывать,
Которым суждено в земле лежать,
Чтоб не могло вновь это повториться.

Никольский Алексей Вячеславович

В декабре 1979 года я служил в городе Дзержинске Владимирской области. В один из дней нас неожиданно подняли по тревоге и сказали, что мы направляемся на учения в Казахстан. Вскоре мы погрузились в эшелоны и отправились по железной дороге далеко на юг. Уже через трое суток мы подъехали к узбекскому городу Термез, стоявшему на границе с Афганистаном. Под Термезом мы разбили палаточный лагерь, в котором простояли две с половиной или три недели, после чего снялись с места и своим ходом, на Т-62, вошли на территорию Афганистана.

29 декабря мы вышли в заданный район дислокации километрах в 5–10 от города Кундуз одноименной провинции. Если за год моей службы в Афганистане мы побыли месяца три в расположении полка — то хорошо, а основное время мы провели в разъездах: выезжали на операции в горы, другие города и провинции страны. Я побывал почти во всем Афганистане: Ханабад, Герат, Мазари-Шариф, Кабул, Пули-Хумри. Принимал участие в боевых действиях.

Поначалу, когда мы только вошли в страну, у нас был приказ не открывать огонь, а потом, когда начали расти потери, этот приказ был отменен, и появился приказ о том, чтобы на огонь

отвечали огнем.

— Какие боевые задачи обычно ставили перед вами?

— Нам обычно говорили, что главное — это чтобы не было вторжений противника извне. Ведь днем на тебя мило смотрели и радушно улыбались, а ночью эти же люди могли и подложить мину, и стрельнуть в тебя — это все было.

Были задачи по охранению Кундузского аэродрома. Довольно часто сопровождали транспортные колонны, кроме того, занимались сопровождением пехотинцев, артдивизионов. Когда разведка доносила об обнаружении «духов» в каком-то районе, то мы выходили на задания, при передвижении обязательным было сопровождение войсковых колонн, потому что обстрелы в горах бывали и днем и ночью.

Фару инфракрасной подсветки «Луна» моей «шестьдесятдвойки» душманы однажды прострелили сразу в двух местах. Один раз противотанковая граната попала в каток, кумулятивная струя прожгла его насквозь, но серьезных повреждений танку не причинила.

Однажды в Гердабе в танк кинули химическую гранату. Мы с десантниками тогда стояли в горах в охранении. Как только чуть-чуть стемнело, я поднял защиту трансмиссии, чтобы очистить все от пыли, граната попала прямо на трансмиссию, но я успел ее быстро выкинуть. Потом провели зачистку и нашли двух «духов», которые прятались неподалеку, как в песне: «за каждым кирпичом сидит душман».

Сержант по имени Николай из 5-й танковой роты и командир танкового взвода ехали на бэтээре в отпуск, попавшая в БТР граната сразу убила старлея, а Коля остался инвалидом. У нас был лейтенант по фамилии Чайка, пришедший в Афган сразу после военного училища, здоровый парень, только женился, он был командиром 3-го танкового взвода. Отправившись на машине за водой, он попал под обстрел, грузовик перевернулся, лейтенант погиб. Небоевых потерь в нашей части не было.

Запомнился приятный момент: когда мы стояли у Шархан-Порта на границе с СССР, то видели на том берегу реки наших ребят-пограничников, мы перекрикивались тогда через речку.

— Ночные обстрелы были?

— В расположении по нам ночью не стреляли, такое случалось только во время выхода на боевые задания. Обстрелов не случалось, потому что в охранении вокруг нашего гарнизона стояли пехотинцы и танкисты. К тому же точка нашей дислокации была выбрана так, что вокруг все было как на ладони,

по периметру стояли поля сигнальных мин, поэтому скрытно подойти к нам и пару раз стрельнуть никто из душманов не мог.

— Мин опасались?

— Да, мин хватало. Были распространены мины, сделанные из простого ящика наподобие посылочного, который набивали тротилом и вставляли электродетонатор, между металлическими контактами укладывался кусок мешковины, и вся эта конструкция закапывалась в колею. Десятки раз техника могла проехать по контактам, пока мешковина наконец не перетиралась и не происходил взрыв.

Мой танк однажды подорвался на мине, но заряд был небольшим, и обошлось без серьезных повреждений.

— Во время выходов на боевые часто приходилось использовать танковое орудие?

— Был редкий случай, когда стрелять не приходилось. А обычно, когда едешь, сопровождая кого-то, и по сопровождаемым машинам отрыт огонь, то тут, как говорится: «броня крепка, и танки наши быстры» — наводчик повернул башню, навел орудие и пару раз бабахнул в ответную, и наступала тишина, потому что Т-62 — это не «тридцатьчетверка», калибр пушки 115 миллиметров: если выстрелить из нее осколочным, то не завидовал бы я противнику, попавшему под ее огонь.

Кроме осколочных, бывало, стреляли бронебойными и кумулятивными снарядами. Особенно эффективными были такие снаряды при расчистке каменных завалов на дорогах.

На некоторых танках, в том числе и на моем, стоял специальный противоминный трал, с помощью которого было еще и очень удобно окапывать танк при постановке в охранение — рыть окоп вручную в пустыне очень тяжело: ты выкидываешь лопату песка, а две лопаты ссыпаются обратно, — а с большой «лопаткой» на танке надо было два раза проехать туда-сюда и лишь немного потом доработать, и получался окоп как раз по погон башни.

При выходе на боевые танк загружался полным комплектом боеприпасов — 40 артвыстрелов. На нашей машине еще стоял крупнокалиберный ДШК, боекомплект к нему тоже перевозился внутри танка, ручные гранаты с собой тоже брали. На своем танке я семь раз сопровождал наши колонны, не раз доводилось видеть врага в лицо, но вспоминать об этом не хочется даже сейчас.

— Какое ваше мнение о Т-62?

— Танк отличный. Когда привыкаешь к своей машине, то

садиться за рычаги другого танка было немного неудобно, хотя машины были в принципе одинаковые, но все же было что-то не то. В горах на своих танках мы нередко ездили по валунам, машина показала себя в таких условиях хорошо, танк был надежный.

В Гороховецком учебном центре мы видели и Т-64, и Т-72, и даже новые Т-80, стоявшие под особой охраной, но даже в сравнении с этими более новыми машинами «шестьдесятдвойка» держалась очень достойно, показав высокую проходимость в песках.

Еще меня поразило, что в Афганистане была бетонная дорога, построенная советскими специалистами, на танках нам запрещали по ней ездить, но мы все же выскакивали. Так вот 40 тонн в жару едет по бетонке, от которой не откалывается ни единого кусочка. Вот это был бетон! А у себя в стране дороги построить не можем.

— Потери в технике несли?

— Конечно, несли. Мы тогда стояли возле Кундуза, и прямо на дороге подбили наш БРДМ, я тогда был старшим механиком взвода под командованием Махнева Владимира Сергеевича. Мы подцепили тросом горящий БРДМ и оттащили преграду в сторону. Железо горит хорошо, вроде бы не должно гореть, а горит, и ничем его не остановишь.

— Как приспосабливали технику для пустыни?

— Больше сами приспосабливались — в танках были противогазы, мы вырезали себе из них противопылевые очки для езды по-походному. Хотя нам и запрещали ездить по-походному, высунувшись по грудь из люка — механику и сидя на башне — командиру, мы часто игнорировали приказ и ездили именно по-походному, на свой страх и риск: вытерпеть ужасную жару внутри танка с задраенными люками было невозможно. Такая езда могла быть чревата последствиями, но, как говорится, Бог миловал.

— Как распределялись обязанности по обслуживанию танка между членами экипажа?

— Командир участвовал всегда и во всем. Всегда работал весь экипаж: если стояли на охранении какого-то объекта, то ночь делилась на всех — по два часа поровну на каждого, невзирая на звания и должности. Все отдыхали и спали и несли службу одинаково, никаких привилегий ни для кого не было.

Так же было и с едой — сухпаек выдавался всем одинаковый, офицеры ели вместе с нами. Вода там была очень поганая,

приходилось набирать в емкость воду и засыпать туда побольше марганцовки, чтобы вода становилась чуть ли не черного цвета. Потом вода немного отстаивалась, марганцовка оседала на дно, и ее можно было пить. Питьевую воду наливали в танковые ЗИПы, правда, она там становилась очень горячей, но, также после добавления марганцовки и небольшого отстаивания, она годилась для питья. В аулах и кишлаках воду редко, но брали, всякое могло быть.

С местными на продукты старались не меняться, брали только сигареты. Обмен на вещи был, но рядовому и сержантскому составу ничего не разрешалось вывозить из Афганистана; офицеры и гражданские работники везли оттуда все, что хотели. Ведь в Афганистане можно было купить все, от иголки до слона: джинсы, часы, ковры, дубленки, бытовая техника, краски — купить там можно было все, были бы только деньги. В 79–80-х годах 100 афганей в переводе на наши деньги равнялись 1 рублю 40 копейкам.

Нищих в этой стране было очень много. Мы разговаривали с одним афганским коммунистом, который учился в Москве, так он поведал, что ему для того, чтобы жениться, надо было отдать 15 000 афганей и 30 баранов как выкуп за жену. В условиях сурового климата и жары местные женщины и мужчины очень быстро старели. В Кундузе почти все женщины, даже совсем маленькие девочки, носили паранджу, и не дай бог не так на них посмотришь — афганские мужчины смотрели на тебя волком. В наиболее развитом Кабуле молодые девушки могли ходить и без нее, некоторые даже носили джинсы.

— Как переносили местный климат?

— Я до сих пор не переношу жару. Прекрасно себя чувствую, когда на улице 10–15 градусов тепла, а как только на термометре больше 20, то мне становится не очень хорошо.

В Афганистане жара переносилась легче, чем у нас, климат ведь там, в отличие от нашего, очень сухой, но и в такую сухую жару мне бы больше попадать не хотелось. Со вшами проблем не было, потому что в распоряжении нашего полка был импровизированный душ, в который ходили каждую неделю. От инфекционных заболеваний нам делали специальные прививки — две в руки и две в ягодицы, делали их молодцы-медбратья шприцами с толстенными иглами, дня четыре после этих прививок руки не поднимались. Но до прививок многие успели переболеть желтухой.

— Как был организован досуг солдат?

— Я играл в полковом ансамбле, и однажды 9 мая мы давали концерт в городе Кундуз для военных афганской армии. Концерт был организован на площади, приехал наш 66-й, мы выставили аппаратуру, на всякий случай было выставлено охранение. Мы спели 5 или 6 песен, собрались и поехали в часть.

Я всегда говорил, что есть такая поговорка: «В семье не без урода». Так и среди любой национальности есть свои уроды, так было и в Афганистане.

— Для музыкантов ансамбля были какие-либо привилегии в части?

— Нет. Музыкой мы занимались в свое свободное от выполнения обязанностей время, привилегий не было никаких. Капитан Кокарев был соло-гитарист, Вадик Перепелкин — универсал, игравший на всем, чем только можно, хорошо пел и фальцетом брал такие ноты, что некоторым современным певцам до него далеко, Вова Морозов был хорошим барабанщиком, Игорь Алексеев, который сейчас, кстати, играет в ансамбле у Лозы, клавишник от Бога, Миша Цуковник был скрипач, но тоже иногда играл на клавишах, ну а я был вокалист и играл на ритм-гитаре. Потом, когда от нас уехал капитан Кокарев, на бас-гитаре пытался играть с нами чеченец Арби Келоев, но он служил в артдивизионе, и по времени мы с ним часто не совпадали, еще был парень по имени Михаил из соседнего полка, но он спел с нами два или три раза, опять не совпадало наше и его свободное время. Порой мы могли заниматься всю ночь, единственной поблажкой было то, что когда мы уходили заниматься, то нам вежливо давали на это время. Армия — это хорошая школа, где быстро выявляются все плюсы и все минусы людей, где можно узнать, что представляет собой человек, всего за месяц.

У нас была сорокаместная политпалатка, называвшаяся клубом, в ней мы репетировали, когда начинал дуть ветер «афганец», остальное время мы обычно репетировали под открытым небом. Репертуар был современный.

— Каким было личное оружие?

— У меня, как у механика-водителя, был пистолет Макарова, у командира танка тоже был ПМ, а у заряжающего и наводчика — по автомату Калашникова.

— Какой опыт дала вам эта война?

— Сейчас начинаешь лишний раз задумываться: «Для чего нужна была война?» Ведь жизнь очень короткая, не успел оглянуться — тебе уже 50. И зачем воевать? Для чего? Война —

это большая нажива для кого-то, но кто на ней наживается? Те, в ком нет ничего человеческого. Воевать не хотел никто ни в Афгане, ни в Чечне, ни в Карабахе, ни в Грузии. Простой народ всегда хочет мирной жизни. Так же и афганцы — они темный народ, живший словно в Средневековье, им это тоже было не надо. Я наблюдал за тем, как после утренней молитвы с муллой работники начинали пахать землю и не разгибались до трех-четырех часов дня, и потом, сделав глоточек чая из кувшинчика, опять начинали пахать. Куда после такой работы им было браться за оружие? Воевали те, кто так не работал.

Любая война — это большое горе, которого лучше бы не было, чтоб матери, сестры, жены, девушки не теряли любимых молодых ребят. Ни к чему людям самих себя уничтожать. И как бы была прекрасна жизнь, когда не было бы ни войн, ни терактов, а можно было бы поехать гостем абсолютно в любую страну, ни за что не опасаясь.

— Помнится дорога домой?

— По военному билету мой дембель 8 декабря 1980-го, а отпустили меня только 13-го. Потому что прибыло молодое пополнение, из которого многие толком не могли водить танки и не ориентировались в горах. Я помню, мы уже переоделись в «парадки», как пришел начальник штаба полка и сказал: «Ребята, надо выручить молодых и не посылать их на смерть необученными!» Следующие три дня мы занимались обучением молодых механиков-водителей, 11-го приехали обратно в расположение, помылись, сели в вертолет, на котором перелетели через границу в Термез, оттуда отправились в Москву, а дальше — домой.

Антюхов Валерий Иванович

Срочную я служил в подразделении торпедных катеров на Балтийском флоте. Когда в 1970-м подошел дембель, на гражданку не пошел, а остался на сверхсрочную. На тот момент у меня было всего восемь классов образования, и за последующие два года параллельно с выполнением служебных обязанностей я успел освоить и программу 10–11-го классов, получив аттестат о полном среднем образовании. Потом были курсы младших офицеров, и в 1972 году — перевод на Северный флот.

Но через некоторое время по состоянию здоровья сына я был вынужден оставить флот и перевелся в город Хмельницк Прикарпатского военного округа, где продолжил службу теперь уже в строительных войсках на должности командира роты дорожно-строительного батальона.

Для меня Афганистан начался так же, как и для большинства офицеров Советской армии, — в конце 80-го года я написал рапорт с просьбой направить меня в Демократическую Республику Афганистан «для защиты южных рубежей нашей Родины и оказания братской помощи афганскому народу». Ведь тогда было совершенно отличное от сегодняшнего мышление, я был коммунист, считал это своим долгом и не мог оставаться в стороне. Мы отправлялись на эту войну вовсе не ради денег, да и какие тогда были деньги — например, офицеры, служившие в Чехословакии, получали двойной оклад в силу службы за границей, а когда я пришел в Афган, у меня был такой же, как и у них, двойной оклад, и все — надбавок больше не было никаких. И только к концу второго года моего пребывания в Афганистане, то есть в конце 1982 года, вышел приказ о новом исчислении выслуги, по которому один день засчитывался за три дня службы на территории СССР, и пересчитали, правда, всем офицерам и прапорщикам с момента ввода войск, перерасчет получили и те, кто уже вернулся на Родину.

Будучи в звании капитана, я был переведен по замене уже в стоявший там дорожно-строительный батальон, передислоцировавшийся в Афганистан из Забайкалья. Был назначен на должность командира первой роты (до сих пор помню: полевая почта 35611). Структура батальона была стандартной для части такого назначения: в его составе было четыре роты. Моя рота выполняла задачи по охране расположения и сопровождению получаемых из Союза грузов. Эти грузы мы развозили на огромные расстояния от района своего расположения. Грузы были всевозможные: это и стройматериалы,

продовольствие, боеприпасы и тому подобное. Снабжали в основном другие дорожно-строительные батальоны, строительные батальоны и множество других всевозможных частей.

— Были какие-то особенности в вооружении вашего подразделения?

— Вооружение у нас было такое же, как и у обычной «небоевой» роты: обычные автоматы Калашникова АК-74 — бойцов, на взвод — ручной пулемет, и в роте — ротный пулемет. Тяжелого вооружения как такового не было. У офицеров, и у меня в том числе, — пистолеты ПМ. Пистолет я всегда старался носить в левом нагрудном кармане, чтобы, если что, пуля ушла рикошетом, в легкое попадет — я выживу, а в сердце — все. Для этих же целей, пока не было бронежилетов, некоторые брали обычную жилетку и нашивали на грудь карманы для магазинов. О боезапасе могу сказать, что он был у нас в том количестве, в котором был необходим, и даже больше.

Вообще, боевая обстановка вносила свои коррективы: так, по уставу караульный должен был носить автомат на плече стволом вверх с примкнутым штыком. А ночью штык очень хорошо блестит при свете луны, и солдат становится хорошей мишенью, да и пока автомат с плеча для стрельбы развернешь, ты уже можешь оказаться с перерезанным горлом. Поэтому мы, офицеры, иногда закрывали глаза на то, что бойцы отступали от некоторых ненужных здесь требований устава.

Боевых действий, зачисток и патрулирования мы как таковых не вели, задачи имели оборонительные. И только в случае нападения на батальон мы пускали в ход свое стрелковое оружие, запрашивали помощь, и вскоре к нам подтягивались ударные вертолеты, подразделения десантников и, если было необходимо, мотопехота.

Батальон входил в Управление начальника работ (УНР), штаб которого находился в месте расположения батальона. Если считать по армейской системе, то УНР схоже по структуре с полком. В Кабуле, в свою очередь, располагалось 342-е Управление инженерных работ. Управления выполняли функции инженерного обеспечения войск.

— Какую технику чаще всего использовали?

— Автомобильная рота батальона имела довольно сложный состав: у нас постоянно имелись две передвижные дизельные электростанции; моделей автомашин было много — «МАЗы», «КамАЗы», «ЗИЛы» 555-е, так называемые продуктовые «хлебовозки» были на базе «ГАЗов», у командиров — обычные

«уазики». То есть в нашем батальоне по штату не было ни бэтээров, ни БМП. Попыток как-то бронировать грузовики не было, так в этом случае, естественно, уменьшились бы их скорость и маневренность, да нечем было бронировать.

— Снабжение было нормальным?

— Обеспечение, на мой взгляд, было отличным. Когда я 6 декабря только прибыл на место, в расположении батальона уже была построена стационарная модульная столовая, личному составу отводились просторные палатки. В течение первого года было построено сборно-щитовое общежитие для офицерского состава, в течение второго — выстроили сборные казармы для всех четырех рот батальона, из подсобного материала собрали подсобные помещения — материалом для них послужили лежавшие неподалеку валуны, песок и цемент. Качество построек было таким, что караульные помещения и даже туалеты изнутри были оштукатурены и обкладывались мозаичной плиткой. Строительные материалы поступали из Союза: шли машины и гибли солдаты, но все шло «зеленой улицей», и это я сказал только о нашем гарнизоне в Баграме, а ведь строительные батальоны стояли по всему Афганистану: Шинданд, Кундуз и так далее. К примеру, нами был полностью обустроен район дислокации 345-го воздушно-десантного полка.

Питание ничем не отличалось от рациона других частей: сухая картошка постоянно была, мясные консервы, сухие лук, морковь и тому подобное. Продукты доставлялись не только наземным транспортом, но и в значительной части по воздуху. Здесь нам на руку играло то, что Баграм являлся одним из ключевых наших аэродромов, откуда грузы развозились по частям, поэтому больших проблем здесь не было. У местного населения продукты не брали, за исключением случаев, когда было видно, что та же дыня или арбуз растут не срезанные в поле, тогда могли на свои продукты обменять напрямую, чеками отдать или афганями (которые, в свою очередь, меняли на чеки). Но брали, только если видели, что местные покупают фрукты из той же кучки. Опасались мы не просто так: были случаи, когда ребята травились апельсинами, травились даже водой из закрытых бутылок.

Кроме того, всем вновь прибывающим бойцам сразу объясняли, что никаких ярких предметов, лежащих на земле, игрушек и прочего трогать ни в коем случае нельзя — велик был риск подорваться на минах-ловушках. Мой батальон эта беда миновала, а в других подразделениях были случаи, когда солдаты подрывались, в спешке подняв с земли фонарик или куклу. Шла

партизанская война, и минные ловушки были частым явлением.

Или вот такой случай. В трех километрах от нас на одной из высоток стоял укрепленный пост танкового полка, где служил мой земляк. В его составе был танк и два бэтээра. 8 марта мы с командиром 4-й роты Женей Сорокиным решили сходить проведать земляка и заодно отметить праздник. С собой взяли по автомату, гранаты. Шли в хорошем настроении, постреливали по птичкам. Поднявшись на сопочку, мы увидели такую картину: тишина, никого нет, дверь в землянку закрыта. Женя было подошел к двери, но я вовремя сообразил и говорю: «Так, Женя, назад! И пошли отсюда!» Тишина говорила о том, что пост на праздники оттянули, а позиции заминировали. Я знал об этом потому, что мы поступали точно так же.

— Задачи дорожно-строительного батальона сопряжены с частыми перемещениями. Ваши порядки усиливались на это время какой-либо бронетехникой?

— Нет. Колоннами мы обычно ходили сами, без сопровождения. Допустим, километрах в двадцати — двадцати пяти от нас находился Ус-Сарадж, где стоял полк, куда нам было необходимо доставить строительный груз. Формировали колонну, с ней отделение мотострелков сопровождения, утром выехали, доставили. А на обратном пути нас обстреляли, открыв ответный огонь, мы ушли на скорости. Если одну из машин подбивали, то мы старались столкнуть ее в сторону, чтобы скорее освободить дорогу и дать уйти колонне. Вообще, в такой ситуации задачей офицеров становилось спасение личного состава, о грузе думали во вторую очередь. Останавливаться и принимать бой было нельзя: гранатометов нет, раций с собой тоже нет, когда подойдет помощь 0151, не ясно.

От формирования колонн с сопровождением из бэтээров и танков отказывались еще и потому, что именно такие усиленные колонны душманы старались обязательно разгромить. То, что мы не использовали на ходу радиостанции и шли молча, тоже в какой-то степени играло нам на руку, так как о нашем выдвижении врагу нельзя было заранее узнать по радиоперехвату, и колонне удавалось проскочить незамеченной.

— Можете рассказать о своем первом бое?

— Не прошло и месяца с моего прибытия. Вечером на совещании офицеров нам была поставлена задача отправить на объект груз, выделив взвод бойцов для его сопровождения. Я хотел ознакомиться с местностью и решил пойти вместе с колонной. Но начальник УНР приказал мне отправить с колонной

своего заместителя, а мне оставаться в подразделении. Когда я утром прибыл на отправку колонны, то увидел, что заместителя моего на месте нет, его звали Сергей, старший лейтенант, фамилию, к сожалению, уже не помню, он прибыл в батальон по замене на полгода раньше меня. Времени искать старлея уже не оставалось, я отправил на его поиск посыльного, но тот его не нашел. Я сказал своему замполиту Игорю: «Остаешься за меня, я убыл с колонной» — и уехал.

Туда мы нормально прошли. На обратном пути на выходе из Ус-Сараджа нас обстреляли. Одну машину подбили, она стояла в голове колонны, поэтому хода вперед не было, развернуться было негде, и мы остановились. Я выскочил с автоматом из кабины, причем я был в повседневной форме одежды, а не в полевой. Тут с криком «Капитан! Под машину!» навстречу мне выскочил сержант Хачатрян. Не думая ничего, я мгновенно залег с автоматом между колесами. «Товарищ капитан, больше не высовывайтесь, я все сделаю!» — прокричал сержант и побежал к подбитому грузовику. Под его руководством солдаты быстренько оттянули машину в сторону. Мы заскочили в грузовики и на всех парах ушли из-под обстрела.

Через пять километров остановились на посту. Я тут же подозвал Хачатряна: «Ты что раскомандовался?!» А он мне в ответ: «Товарищ капитан, я хочу, чтоб мы в Союзе еще с вами водки выпили». Я хоть и был капитан, и прослужил немало, но в боевых действиях до этого еще не участвовал, в отличие от отслужившего здесь год сержанта. За офицерами охотились снайперы, и, может быть, в меня кто-нибудь и прицелился, если бы я между колесами не залег. Там никто не обращал внимания на национальность: русский, грузин, армянин, азербайджанец, — была полная взаимовыручка, и перед лицом смертельной опасности на ранги не смотрели.

— Потери были высокие?

— Говоря о потерях, хочется вспомнить о гибели одного из старшин из нашего батальона. На одну из наших колонн зашел «миг» афганцев-союзников, при обстреле старшина погиб. Позже я узнал, что штурмовики на нас навели по ошибке, а кто и где ошибся: летчик, разведчик, корректировщик… этого я уже не могу сказать.

Вообще, первые полгода, не очень хорошо разбираясь в обстановке, я не особенно задумывался о вооружении своего батальона — было лишь то, что положено по штату, и не более. А вот когда по нам ночью ударили «катюшами», я стал думать по-другому. Летит реактивный снаряд, падает, шипит, а взрыва нет,

и так примерно в течение часа. Утром мы посмотрели на эти снаряды и увидели, что это старые, времен Отечественной войны, снаряды «катюши», но, на наше счастье, без взрывателей. Скорее всего, душманы купили их в Китае и без разбора пустили в дело. После таких моментов, тем более что, по данным разведки, в окрестностях бродила десятитысячная группировка душманов, а мы были крайними частями к речке и предгорью, была опаска, что, пока к нам придет помощь, может произойти все, что угодно. Понятно, что такие силы все равно рано или поздно были бы обнаружены и просто так из гор они не выйдут, но какой-нибудь передовой отряд противника мог запросто выйти на нас, и обычного легкого вооружения могло оказаться мало. Поэтому я стал искать возможность раздобыть что-нибудь посерьезнее: познакомился с офицерами из стоявшего рядом рембата, узнал, что рядом служил мой земляк, короче, помогли — выменял у рембатовцев на спирт ДШК из «неучтенки». Так в моей роте появился «внештатный» расчет с крупнокалиберным пулеметом. Позже раздобыли и АГС-17, еще один ротный пулемет. Таким образом мы серьезно усилили свою огневую мощь, мне оставалось только смотреть за тем, чтобы это никуда дальше «по бартеру» не ушло. Несколько раз приходилось встречаться со следователями военной прокуратуры, участвовал в проведении дознания по воинским преступлениям, в основном это были случаи продажи оружия и боеприпасов. В нашем батальоне таких серьезных проступков, слава богу, не было. А так всякое бывало, был даже случай, когда в Кабуле продали местным старенькую пожарную машину. Хотя в итоге все это появлялось у душманов, тут скрывать нечего. Как рассказывал мне один из прокурорских, в одной из соседних провинций прапорщики умудрились продать афганцам подбитый, но не разукомплектованный БТР. Их дело в итоге дошло до суда.

Или вот такой пример. Начальник производственно-вещевой службы нашего батальона старший лейтенант по имени Саша, его койка в казарменном помещении стояла рядом с моей. За полгода до моей замены он был ранен и попал в госпиталь. А из госпиталя он пошел под суд и получил семь лет строгого режима. Оказалось, что целый год мы должны были получать витамины, но никто из нас их в глаза не видел, а он спокойно их продавал на рынке афганцам. Так что, как говорят, в каждом стаде паршивая овца найдется. Вовсю торговали снабженцы и положенными нам сигаретами.

Был случай, когда в соседней роте солдат застрелился, обычный рядовой-срочник, прослуживший года полтора. А случилось это как? Особый отдел уже вовсю раскручивал дело о

том, что кто-то продавал патроны. Но он не продавал их, а менял на анашу. А куда уходил этот патрон, если он вышел из части? Ясно, что пуля все равно к нам прилетит, не в наш батальон, так в другой, но куда-то она прилетит, найдет нашего солдата, а не афганца. И вот в последний момент перед арестом он застрелился, не успели его взять.

И у меня в батальоне самострел был. Солдат, казах по национальности, помню только его фамилию — Разыхов. Ночью шла перестрелка, ко мне прибегает раненый солдат, я, так как нападения не было и огонь по нам стих, даю команду прекратить стрельбу, отправляю бойцов в укрытия и вместе с ним бегу к медпункту. Тут же остановили кровь и перевязали раненому бойцу простреленное предплечье. Был февраль, и ночами было прохладно, поэтому солдат кроме гимнастерки был одет в бушлат и шинель. Я поднес к лицу продырявленный рукав шинели, а от него пахнет порохом. Вскоре медики подтвердили мои сомнения: в ране они нашли остатки пороха, это был самострел. Солдата судили, и потом мы узнали, что ему дали шесть лет тюрьмы.

Бывало, и по случайности себя ранили. Так, на отдаленном посту солдат, если не изменяет память, его Витя звали, откуда-то с Урала призванный, на тот момент отслужил чуть меньше года. Точно такая же ситуация: ночной бой, ранение, медпункт. Мне тогда уже все-таки было тридцать пять лет, и по его взгляду я понял: что-то не так. Оказалось, что солдат стоял на посту, автомат висел у него на плече стволом вниз, патрон в патроннике, чтобы, в случае чего, сразу открыть огонь. И когда началась пальба, он, снимая автомат, случайно нажал на курок и прострелил себе ногу, но кость, правда, не задело. Мы не стали придавать это дело огласке, солдат отправился в госпиталь в Союз и через пару месяцев вернулся в строй, а службу закончил уже младшим сержантом, командиром отделения.

Такая случайность могла с каждым произойти: наш комбат ехал в машине и из «стечкина» прострелил себе бок. Где-то полмесяца он по батальону сначала только ездил, а потом ходил, прихрамывая, не докладывал никуда, потому что его могли обвинить в членовредительстве, что грозило майору как минимум концом военной карьеры. В целом служба была тяжелой не только для солдат, но и для офицеров. Где-то год я там уже прослужил, утром встал, а у меня на построении рука дрожит. Потом у меня спрашивают: «Что ты сегодня такой невеселый?» А я говорю: «Родину видел — белые березы. Целая роща мне их приснилась». Тяжело было вдали от семьи, от дома. Афганские горы на картинке красивые, конечно, а так тиф, паратит, малярия, гепатит, жучки разные, которые кусают, и потом кожа в этом

месте начинает гнить. Перед тем как отправить нас в Афган, в Ташкенте всем делали прививки, потом, по-моему в следующем году, что-то кололи под лопатку. Медицина была на неплохом уровне — в батальоне своя санчасть, рядом медсанбат, крупный госпиталь в Кабуле. Забота о раненых и заболевших была большая: с поля боя вертолеты забирали раненых и убитых, из медсанбата в Кабул раненые отправлялись не на машинах, а вертолетами, садившимися прямо на территории госпиталя.

Трусость старались пресекать, как говорится, на корню. Я прямо перед строем своей роты говорил: «Если кто побежит — пристрелю за панику!» Хотя я, конечно, и не имел права этого делать, но в панической обстановке надо было действовать быстро. Что скрывать, мы из истории помним, что если побежал один — побежало отделение, а отделение побежало — роте конец, а это ни много ни мало 120 человек.

И дедовщины, кстати, я не встречал, если молодые, скажем, полы чаще мыли — так это вполне нормально по меркам как вчерашнего, так и сегодняшнего дня. Хотя тогда, как и сейчас, бывало всякое, бывало, что молодой солдат и гранату кидал под ноги своим обидчикам, и из автомата их расстреливал, но такое могло случиться в любой части на территории СССР. 40-я армия не была особенной, здесь этого было не больше и не меньше, чем где-либо еще.

Продолжая тему неприятных моментов, вспомню и про стукачество. Так, уставшие от нудных политзанятий солдаты нередко задавали нам, офицерам, один и тот же вопрос: «Товарищ капитан, скажите, зачем мы здесь?» На этот вопрос лучше было отвечать в строгом соответствии с официальной идеологией, так как всегда могла найтись сволочь, которая, как в детской игре «сломанный телефончик», могла настучать начальству на твое «вольнодумство». Хотя и я, и смотревший мне в глаза рядовой понимали, что не надо нам тут быть, а надо нам быть в Союзе. Но приказ был приказ, и мы воевали, честно выполняя его. И пусть что-то мы делали не так, но стыдиться мне нечего: мой отец воевал в Великую Отечественную, я воевал в Афганистане, и мой сын сегодня служит в Калининграде (кстати, уже, как и я в свое время в Афгане, в звании капитана).

— От вшей страдали?

— Да, окоп есть окоп, нормальных санитарных условий не было. Вот, к примеру, 345-й отдельный парашютно-десантный полк, он стоял недалеко от нас в районе аэродрома Баграм. Так пока десантники были в расположении части — вшей не было, а побыли три-четыре дня на операции — и возвращались все

завшивленные. Немного отлежавшись, они принимались выпаривать паразитов утюгами.

Первые полгода, пока я там был, близлежащая скважина с чистой водой была забита, приходилось мыться в ледяной горной речушке. А потом мы построили баню, днем в ней мылись солдаты, а вечером — офицеры, внутри там все было выдраено до идеальной чистоты, там не то что вши, комара не было.

— Вы чувствовали заботу о себе со стороны государства?

— Поначалу да — о нас заботились, по крайней мере, нас обеспечили жильем. Но вскоре все изменилось: твои боевые заслуги стали всем безынтересны, не было совершенно никакого применения полученному там опыту. В целом к нам отнеслись как к отработанному материалу. Ведь нечего скрывать, что и спиртным многие «афганцы» по возвращении домой стали изрядно злоупотреблять, и психика у некоторых была подорвана.

Вот такой пример: уже после Афганистана я служил в городе Чкалов. Военные есть военные: крыть матом для связки слов у них всегда в порядке вещей. И вот ходит комбат перед строем, поливая отборным матом всех подряд, и, когда он дошел до меня, я молча развернулся, вышел из строя и пошел в казарму, невзирая на летевшие мне спину крики: «Антюхов! Назад! Встать в строй!» Все-таки что-то уже было нарушено, или из-за легких контузий, перенесенного стресса, или еще из-за чего-то, психика совершенно не выдерживала оскорблений, громкого нахального тона, запросто можно было потерять контроль над собой и набить кому-нибудь морду.

— Какой положительный опыт вы вынесли для себя с той войны?

— Умение правильно интуитивно оценивать обстановку — это несомненное достоинство большинства ветеранов войны в Афганистане. Но эта интуиция порой играет с тобой злые шутки: так, пару лет назад мы с женой спокойно спали, как вдруг раздался громкий звон разбитого стекла, и, как мне уже рассказывала жена, я с диким ревом подбежал к разбитому балконному окну, оказалось, что ничего страшного: пьяная молодежь всего лишь ошиблась окном, разбив пустой пивной бутылкой мое вместо соседского. А я интуитивно пошел в безоружную атаку на невидимого противника, зачем кричал — не знаю, но, видимо, хотел напугать, и если бы на месте разбитого окна стоял человек, то на ногах простоял бы он недолго: автоматика сработала, а сознание отключилось. Обратной стороной этого стали сдержанность и подсознательное

понимание психологии стоящего перед тобой человека. Я считаю, что мне повезло в том, что попал в Афганистан я уже зрелым мужчиной, ведь мне было далеко за тридцать, 18-летние мальчики, конечно, пострадали там намного серьезнее.

Устинов Александр Петрович

Сперва я был направлен на службу в город Иолотань Туркменской ССР. То, что вскоре окажемся в пекле затянувшейся войны, мы поняли из слов нашего замполита, остановившего собравшегося в очередной раз нас муштровать ротного, сказавшего: «Не трогай ребят, пусть едут туда, куда они едут». Спустя некоторое время, в феврале 1985-го, я оказался в Афганистане. Мы только вошли в Афган и остановились у Пули-Хумри, как нас выстроили в шеренгу и показали тело заживо сожженного «духами» солдата, найденное разведчиками в горах, фамилия его, как сейчас помню, была Костюк. Коммунисты, конечно, были мастерами психологической «промывки мозгов»: увидев обгорелые останки, мы сразу поняли, куда попали. Это впечатление у меня осталось на всю жизнь.

Задачи у моего подразделения были специфические: мы

охраняли стратегически важные трубопроводы, по которым для наших войск перекачивались керосин и солярка, шедшие из Союза в Кабул на нужды 40-й армии, поэтому и эмблема у нас была необычная — с изображением трубы с вентилем. Система трубопроводов тянулась от границы с СССР вдоль дороги на Кабул. Наш взвод в количестве 22 человек прикрывал выделенный ему отрезок, причем личный состав взвода оставался неизменным с самой Туркмении, и сменяли нас тоже повзводно. Больше полугода на одном месте нас не держали, так как за этот период психологическое напряжение нарастало до максимума. Я зубы свои испортил только тем, что от нервов во время обходов трубопровода постоянно жевал конфеты. Хотя свой веселый характер я там сохранил, многие этому удивлялись, а я всегда говорил, что без юмора никак жить нельзя, к тому же смех придает человеку огромный заряд бодрости, помогая перенести тяжелую ситуацию.

Трубопровод был довольно уязвимым объектом, после нескольких удачных выстрелов «духов» начинались серьезные перебои в подаче топлива — и нам нужно было выходить к месту прорыва, чтобы прикрыть ремонтников. А выходить — это страшное дело, «духи» ведь любили повредить трубопровод и устроить рядом засаду. И мы шли, зная, что нас там может поджидать что угодно.

Наши посты охранения, которые мы называли «точками», стояли вдоль всего трубопровода на удалении 700–1000 метров один от другого, связь между ними поддерживалась с помощью проводных полевых коммутаторов. Личный состав каждого поста состоял из четырех человек, вооруженных АК-74 и гранатами, никакого тяжелого вооружения по штату не было. Старшим был сержант либо младший сержант, мог быть и рядовой, только старший по должности. Офицеры бывали у нас только на Новый год. Все сооружения «точек» были построены нашими солдатами еще в самом начале 80-х. «Точки» не прикрывались минными полями, ставили только сигнальные мины, однако на всех небольших окошках были закреплены металлические сетки, чтобы душманы ненароком не закинули нам гранату. Когда я спал, автомат всегда стоял возле моей кровати, под подушкой лежала граната — выжить всегда хотелось, для этого мы, как могли, ухищрялись.

Взвод охранял один участок ровно полгода, после чего его сменяли в полном составе. Район города Пули-Хумри, у которого мы стояли, недаром еще в XIX веке прозвали «Долиной смерти» — тогда там полегло немало англичан.

При подъеме к Салангу непривычно было ощущать нехватку

кислорода — заложило уши, появилась сильная одышка, стало тяжело разговаривать, сперва я даже немного испугался. Когда мы спустились ниже, я продолжал очень громко со всеми разговаривать, пока мне не сказали, что я ору.

Дороги в Афганистане не были приспособлены для движения больших потоков техники, одновременно движение могло осуществляться только в одном направлении, так как машины попросту не могли разъехаться, поэтому разрабатывался специальный график движения наших автомобильных колонн.

У меня там была собака — немецкая овчарка по кличке Декон (по-афгански — «дочь»). Как она любила гонять местных! Сперва это была собака одного лейтенанта, но я постепенно переманил ее себе. Собака была замечательная, прекрасно выполняла все команды и была очень привязана ко мне. В казарму, когда я спал, не заходил никто: ни прапорщик, ни сослуживцы — ребята сначала стучались в окошко, и я их впускал. Очень хорошо получилось обучить ее различать своих и чужих, по этому поводу даже бывали разговоры с майором, начальником штаба, которому кто-то рассказал про моего верного охранника, на все претензии я отвечал, что обучил собаку тому, о чем меня сами офицеры и просили. Когда же настал мой черед возвращаться домой, то у меня не было возможности собрать необходимые санитарные документы, и Декона пришлось оставить. Так, накануне моего отъезда она пришла ко мне, попрощалась, и с тех пор никто в части больше Декона не видел. До сих пор жалею, что не забрал домой собаку, и если бы сейчас вернуть то время, то я, не колеблясь, забрал бы ее домой, наплевав на все.

— Кроме охранения трубопроводов доводилось выполнять еще какие-либо задачи?

— Тут скажу прямо: в боевых армейских операциях мы участия не принимали, и на рожон никто из ребят не лез, наше подразделение занималось тем, на что нам был отдан приказ. Мы стояли на «точке», зная свою задачу, выходя по графику парами на патрулирование. Вообще, перемещаться как минимум парой было там неписаным правилом. Один наш солдат по имени Юрий, родом с Украины, нарушил его и пошел куда-то в горы в одиночку. «Духи», видимо, ждали его: застрелив парня, они забрали автомат, боеприпасы и бронежилет, а он ведь был уже не молодой — уже отслужил полтора года и имел представление, что к чему. В тот момент я уже был в расположении батальона, мы как раз выходили, посмотрев кино в импровизированном клубе. Увидев убитого, рядом с которым стоял один из офицеров, я оцепенел, ведь знал я его неплохо — мы вместе были на

«точках», а теперь Юра лежал с пулевым ранением в лоб — «духи» часто добивали наших солдат выстрелом в голову, так случилось и в этот раз.

Я любил темным вечером выйти и пострелять из автомата трассерами по горам для острастки — чтоб враги не спали и знали, что наши часовые тоже не спят. Всегда надо было быть начеку, потому что перерезать ножами спящих ребят для душманов было делом плевым.

Сооружение нашей «точки», стоявшей недалеко от берега горной реки, было построено на совесть: ребята делали ее для себя и бетона не жалели, даже из пушки ее разнести было нелегко. Стоявшая неподалеку баня тоже была «крепким орешком». На помывку, кстати, мы, так же как и в туалет, всегда ходили с автоматами, кто-то один обязательно должен был стоять наверху, на «точке», следя за обстановкой. Кроме того, мыться ходили как минимум вдвоем — один стоит в предбаннике, глядя по сторонам, а второй в это время моется.

— Страх смерти присутствовал постоянно?

— Поначалу, пока был молодой, как-то не беспокоился, а ближе к дембелю очень хотелось вернуться домой живым. Ведь как поется в известной песне: «Хорошо, что есть на свете это счастье — путь домой».

Начальство часто ставило на опасные участки молодых солдат, и с этим я никогда не был согласен: ведь жизнь одна у всех, у всех из нас были дома семьи, матери. И я никогда не смирюсь с тем, что вперед постоянно выставляли полностью необстрелянных юнцов.

Приведу такой пример: я, как уже говорил, был большой любитель пострелять, и вот идем мы днем с одним сержантом из Липецка. Я предложил ему пострелять по банкам и с ужасом наблюдал за тем, как этот прошедший учебку сержант не знает, как передергивать затвор автомата. Разозлился я тогда не на шутку. Заметив это, он попросил одно: «Только не бей!» Высказал тогда я все, что думаю о нем и о его «учебке». И как, спрашивается, этот вояка должен был, случись что, прикрывать меня огнем или отбивать нападение «духов» на «точку»?!

Один вновь прибывший из Союза прапорщик, даже еще не сообразивший снять блестящие звездочки с погон, видимо захотев позабавиться, взял у кого-то ракетницу и выпустил в воздух сигнальную ракету. Я уже не помню ее цвет, но именно одиночная ракета такого цвета в то время служила у нас сигналом для вызова огня на себя. Заметив эту чуть было не ставшую роковой оплошность, офицеры пришли в ярость:

ближайшие полгода прапорщик был занят усердным мытьем полов. Плюс ко всему в тот период как раз стали известны разведданные о том, что крупная группировка «духов» перемещается к Салангу, в направлении расположения нашего батальона.

Ночью весь личный состав «точки» спал в помещении, часовых не выставляли. Я любил выйти ночью и пострелять трассерами по горам, чтобы «духи» знали, что мы не спим. По этому поводу я говорил своему другу Вите: «Ты как хочешь, а мне еще березку надо увидеть в России». Незадолго до демобилизации начальник штаба перевел меня с «точки» в расположение батальона. Не скрою: я был рад, тем более что я в то время уже не пил и мне изрядно надоело выходить на свои ночные стрельбы, чтобы не смотреть, как ребята пьянствуют.

Каждый хотел там выжить, а для этого было необходимо постоянно помнить, где ты находишься, всегда поступать максимально осторожно и быть всегда начеку. Нельзя было ни в коем случае задремать там, где могли быть местные, а если что, действовать всегда надо было резко и конкретно. Мне помогало еще то, что со мной всегда была собака.

— Случаи инфекционных заболеваний были частыми?

— Очень много было всяких болезней: и малярия, и тиф, и много-много всякой другой гадости. До сих пор там свирепствуют такие болезни, которых у нас нет уже очень давно, там ведь не было даже общественных туалетов. Наш замполит переболел там несколькими тяжелыми болезнями подряд, в том числе и тифом, и желтухой. А я, как и многие сослуживцы, помню, подшучивал над ним, мол: «Капитан, ты еще живой?» На что тот привычной шутливой фразой отвечал: «Не думайте, что я сдохну, — умру в России». Замполит сдержал обещание: потом ребята мне писали, что, отбыв в Афгане два положенных года, он вернулся на Родину, где вскоре умер от последствий перенесенных болезней.

После дембеля, вернувшись домой, мы еще две недели в обязательном порядке ходили в больницу и пили там таблетки от инфекций.

— Как местное население относилось к советским солдатам?

— Про себя могу сказать, что я здорово увлекся местной культурой, интересовало меня абсолютно все: их традиции, быт, религия, обряды. Очень интересная страна! Могу даже больше сказать: если бы сейчас была такая возможность, я бы вновь посетил Афганистан, уже как обычный турист, а не солдат,

побывал бы на «точке», где служил.

Арбузы, дыни и мандарины там были отличные, дома я таких не видел: шесть человек держали дольку одного такого арбуза! Фрукты никто, само собой, не покупал: идет афганская колонна местных со всяким добром — «одолжишь» у них арбузик или несколько мандаринов, да и все. Однажды нам отдали целый мешок карамели с сахаром, которая дома в России продавалась тогда по рублю за кило, ели-ели эти карамельки, а они все не заканчивались — мы уже не знали, куда этот мешок деть, я даже хотел было его выкинуть.

Я не был любителем обирать местных — меня больше интересовала их очень самобытная культура. Воевать — это воевать, но познать народ, когда представилась возможность, — этого шанса я упустить не мог. Удивило, что значительной частью населения Афганистана были таджики.

Местные вообще были очень гостеприимны: однажды нас угостили пловом, а ели-то афганцы его без ложек, причем плов был наложен отдельно, а мясо отдельно — эта еда обязательно была самой лучшей, которую мог приготовить хозяин. Я сразу спросил ложку, а в ответ услышал что-то наподобие: «Нееееe, шурави». Попробовали не ударить в грязь лицом и есть руками. Хозяева ели культурно, а вот у нас в плове был весь подбородок. Еще очень удивляло, что у местных практически не было туалетов. Многие женщины ходили в парандже, и заглянуть под нее чужому мужчине — это приравнивалось к изнасилованию. Обидчика женщины афганцы всегда точно вычисляли: например, когда наши выезжали на зачистку какого-нибудь кишлака, то, как правило, закрывали все опознавательные знаки на бэтээрах, но именно БТР, на котором приезжала группа зачистки, как правило, вскоре подрывался или попадал под сильный обстрел; как они это делали, я не могу понять до сих пор.

Очень удивляло, откуда они брали многие вещи. К примеру, перед дембелем я купил себе на рынке костюм на лебяжьем пуху. А вообще, если ты захотел себе свитер какого-нибудь редкого цвета и фасона, то даже если у торговца в этот день такого свитера не окажется, на следующий день можно было уверенно приходить за заказанной вещью. В лавках торговцев свободно можно было купить и меч XII века, и кольчугу — где они все это доставали в такой отсталой стране, я тоже недоумевал. Понравились и шелковые халаты, которые можно было сжать в кулаке, а потом одним махом развернуть, и он был ничуть не помятым. Аппаратуры японской было много — офицеры увозили домой очень много разных приемников, магнитофонов и тому подобного. Нам, солдатам, лишнего увезти не давали: стоимость

вывозимого должна была быть не больше того, что ты заработал за время службы, то есть я, отслуживший 22 месяца, мог увести больше, чем солдат, пробывший в Афганистане год или полгода.

Очень дешевыми там были и золотые украшения. А по большому счету, если быть предприимчивым, то можно было попытаться уехать оттуда на наших же советских «Жигулях» шестой модели, которые как раз довольно часто гнали мимо нас из СССР на Кабул, посадили бы, правда, тогда, да и все. При выводе войск, как рассказывают ребята, можно было вывезти все, что угодно, единственное, на что проверяли, — это наркотики, которые искали таможенники с собаками.

Многие жители Афганистана неплохо изъяснялись на русском. Так, однажды ко мне подошел мальчик лет 14 и попросил: «Купи мне конфет». Я спросил: «А каких?» — «А п…ых!» — поразил меня истинно русским ответом афганский мальчик. «А, ну если таких — то куплю», — в такой просьбе просто нельзя было отказать. Я взял пацану конфет, мы с ним разговорились, он поведал, что в его четырнадцать лет его уже женили, правда «ханум» (женщину) свою он еще ни разу не видел, а русскому языку, и особенно мату, его научили наши солдаты. Подарив юному женатику кусок мыла, я распрощался с ним.

В большинстве селений не было электричества, афганцы и сами признавали тот факт, что очень многим обязаны Союзу, в том числе и развитием таких городов, как Кабул и Баграм.

Однажды совершенно случайно я увидел афганскую свадьбу, вообще, чужеземцам строго-настрого воспрещалось присутствовать на свадебной церемонии. Мне была очень интересна незнакомая культура, и я смог уговорить местных позволить одним глазком взглянуть на загадочный ритуал. Там так были перемешаны и индийская, и мусульманская культуры! Невеста была одета в шикарное индийское сари, а участие в ритуале принимали почти одни мужчины, женщин, кроме невесты, почему-то не было.

— Ну что, тебе хватит дома денег, чтобы третью жену там себе купить? — спросил меня тогда один из афганцев.

— Нет, на третью пока не хватает, — не растерявшись, ответил я.

— А здесь ты тогда за что воюешь? — уже с явным недоумением вновь спросили меня.

— Я долг Родине отдаю.

— Понятно, понятно. А ты не хочешь к нам? А то мы тебе сейчас все устроим, и неважно, откуда ты, мы тебе и денег дадим.

— Я знаю, что у вас денег много, — отрешенно начал я, а потом сообразил: — Вы что, обрезать меня хотите, что ли?

— А как еще? Без этого никак, зато ты в нашу веру придешь.

— Нет, спасибо, я лучше в своей останусь.

Россия немало дала тому народу, ведь в начале 80-х годов в Афганистане еще полным ходом пахали землю деревянными плугами. И если бы наши специалисты все-таки построили железную дорогу, тянувшуюся от Хайратона в глубь страны, то можно представить, с каким изумлением глазели бы на тепловозы огромные толпы местных жителей.

Однако, несмотря на строгие традиции, в Пули-Хумри был бордель, причем обслуживали там только афганцев, советским солдатам вход туда был закрыт. Я был шокирован, когда узнал, что в этот бордель нередко приводили детей и подростков — столь ужасный контраст в местных укладах я не могу понять до сих пор. Эта двойственность поражала: вежливо поздоровавшийся с тобой днем афганец или даже хозяин, днем угощавший тебя отменным пловом, ночью запросто мог взять винтовку и выстрелить тебе в спину.

Был у меня друг-коммунист. Я попросил его, чтобы он привез водки. Спустя какое-то время тот вернулся из Кабула с литровой бутылкой «Столичной», но водка оказалась с героином — нас «накрыло» на два дня. Когда немного отошли, я спросил у славного коммуниста: «Ты где учился?» Он ответил, что в России, и вообще я не спрашивал, с чем водка, вот он и не сказал ничего. С тех пор меня отвело от афганской водки раз и навсегда, выпивать вновь стал, лишь вернувшись в Россию. На «точке» в то время нас было четверо: я, Витя и двое молодых солдат, так вот молодым я сказал, что если хотят выжить здесь, то пусть с водкой завязывают. Витя, правда, продолжил, потом он стал еще и курить всякую дрянь.

Расскажу и про более страшный случай. Так, в соседнем подразделении ребята тайком от командиров взяли себе поварихой афганскую женщину, отдав за нее деньги, словно за вещь. Она добросовестно убиралась, готовила еду, пока однажды не появился замполит и не сказал: «Выгоняйте, а то я вас посажу!» Ребятам пришлось прогнать женщину, которая умоляла их оставить ее, иначе соплеменники ее убьют. Через несколько часов после того, как она вышла из казармы, местные забили ее до смерти за то, что она была с русскими.

— Бронежилеты обязывали постоянно носить?

— На «точке» каждый сам определял, надо ли ему носить бронежилет или нет, автомат всегда должен был быть с тобой, а остальное второстепенно.

— Бывали какие-либо курьезные случаи?

— Когда стояли на Саланге, один из ребят, дембель, сдававший оружие и отправлявшийся домой, перепутал автоматы и мой оставил в «КамАЗе». Спохватились поздновато — автомобильная колонна уже ушла через Саланг на Кабул. Мы вскочили на БТР и отправились наперехват, а он идет только километров 60 в час, поэтому догнали колонну мы только у Кабула.

Бывший детдомовец с прозвищем Чапа любил ходить «в гости» к местным. Ему не надо было с собой оружия, он Ф-1 брал, и все — он уже был везде свой, местные знали, что такое гранаты, и боялись их. С Чапой однажды забавный случай был: кто-то свистнул у местных целый бочонок с жиром, особисты сразу наведались к Чапе, он, само собой, сказал, что ничего не брал. Жир так и не нашли: он зарыл его в угольнике. Я потом у него спросил: «Чапа, ну зачем тебе эта банка?» — а он в ответ: «Чтоб было, чтобы они боялись». Чапа, конечно, был парень безбашенный — он заходил к торговцам и, указывая на пустое место, говорил, чтобы здесь завтра были индийские открытки для него, и они обязательно на следующий день были. Однажды Чапа шел и еле тащил за собой по земле здоровую сумку. Я заглянул в нее и обомлел: сумка была доверху набита гранатами, патронами и прочим добром; ребята, стоявшие рядом, поспешили уйти в сторону. Я тогда спросил у Чапы, понимает ли он, что его сумка запросто могла взорваться, а он в ответ: «Ничего — все нормально». Я говорю: «Где ты набрал все это?» — «На сва-а-а-алке», — последовал честный ответ.

На моих проводах был покойный Юра Сидоренков по прозвищу Гуля, так он тогда мне сказал: «Саня, мы с тобой встретимся в Афгане!» Так и случилось: мы с ним и вправду встретились на Саланге — я бежал вдоль дороги в кроссовках (кроссовки, кстати, Чапа раздобыл). Я сразу не сообразил, что подарить Гуле, а потом вспомнил, что у меня на руке новые электронные часы с музыкой, и, спросив, не отберут ли «деды» у него подарок, отдал их Гуле. Уже когда я был у себя дома, Гуля тоже мне передавал подарок из Афгана.

— Каким было ваше отношение к войне в Афганистане и изменилось ли оно сегодня?

— По афганскому летоисчислению, когда я там служил, у них был XIV век, и быт действительно был очень похож на средневековый, уклад жизни был абсолютно самобытный, пятница, к примеру, всегда была выходным днем. Промышленного производства в стране почти не было, могу

вспомнить только заводик «Кабулцемент». Аллу Пугачеву и ее песни уже тогда многие афганцы знали, индийскую песенку «Джимми-джимми-ача-ача» очень любили.

Несмотря на устроенную нам коммунистической системой сильнейшую психологическую и идейную обработку, то, что нам твердили, что в далеком Афганистане мы защищаем Октябрьскую социалистическую революцию, люди и тогда не были глупыми. А сегодня я бы сказал вбивавшим мне в голову всякий бред идеологам прямо в лицо, что ничего мы там не защищали, а просто был стратегически важный регион, и Брежнев со своим окружением нас туда толкнул.

— Как было налажено обеспечение продовольствием?

— Продукты завозились на «точку» на 10 дней, и только хлеб старались завозить каждые двое суток. Кормежка была по норме № 9, в рационе был и шоколад, и сыр, остальное почти все было в банках: сгущенное молоко, картошка даже была в банках, тушенки всегда было в достатке, правда, тушенка была из запасов 60-х годов. Мне больше всего нравилось не мясо, а желе из-под крышки.

— Под обстрелы часто попадали?

— К счастью, нет. Расскажу такой курьезный случай, связанный с обстрелом. Мы днем вышли в туалет, и тут по нам неожиданно открыли огонь душманы. Я закричал прикрывавшему нас молодому узбеку, которому на минуту передал оружие: «Автомат давай!» — а тот выдал оригинальный ответ — спросил: «А какой?» По нам тем временем вовсю лупили сверху с недалекой высотки. «Дай автомат, мать честная, дай отстреляться хотя бы!» — кричал я, не имея шанса подойти к нему, а прижатый огнем тугодум тем временем продолжал тянуть.

На молодых бойцов, только приходивших из Союза, мы вообще-то никогда не надеялись.

— Дорога домой запомнилась?

— Да, мы три дня стояли на границе и сожрали все припасенные для родни гостинцы.

А совсем недавно мне приснились мои знакомые ребята из нашего микрорайона, которые тоже попали в Афган, но в самое пекло в 80-м году. Не дай бог было в те года туда попасть! Мы уже попали, можно сказать, на все готовое — необходимые сооружения «точки» уже были построены, все это делали ребята, которые на собственном опыте знали, от чего нужно защищаться, а вот им защищаться было негде — все надо было строить своими

руками.

Помню, ребята рассказали мне, что Гена Катаев прислал письмо, где рассказал про их нелегкий быт, болезни, вшей. Я тогда еще учился в восьмом классе и не мог представить, что спустя несколько лет и сам там окажусь.

А сегодня я бы и сам с удовольствием посетил Афганистан в качестве гостя, накупил бы там море интересных сувениров, таких, которые тогда привезти не смог.

Катаев Геннадий Николаевич

Я служил в Алма-Ате, и в один прекрасный день мы узнали, что надо четыре человека вместе с генераторными машинами, подававшими питание для радиостанций. Вот и решили меня и еще троих ребят послать вместе с техникой в Афганистан. Начальство не хотело нас отпускать, но незадолго до этого мы проделали 500-километровый марш по горам под Алма-Атой, а прошел я его отлично, оценка по стрельбам тоже была высшей. И вот меня взяли как самого молодого, несмотря на сопротивление и ругань замполита, комбата и прочих офицеров, документы были утверждены. Сначала перебросили в город Фрунзе, там нас собрали в маршевый батальон, погрузили в эшелон, далее был город Мары. В Марах мы простояли месяц, проходя дополнительную подготовку, потом — в Термез. Там пробыли

всего три дня, после чего 11 апреля 1980 года по понтонному мосту пересекли Амударью. Уже на афганском берегу на машины вместо ручника подвязали бревна, и наша колонна в 103 единицы вместе с единственным своим бэтээром без какого-либо сопровождения пошла на Кабул. Ночевали в Пули-Хумри, наутро выступили из Пули-Хумри на Кабул, там мы были 14-го числа.

По прибытии нас очень быстро распределили: основной состав батальона расположился в километре от Кабула у бывшего дворца Амина, а нас — несколько вырабатывавших энергию машин и двоих бойцов — оставили у сада Амина, там мы простояли месяц без всякой охраны. Только после этого нас распределили в часть, поселили в сорокаместных палатках. Наше подразделение связистов, по численности близкое к роте, называлось «группой узлов», оно было оснащено рядом специальных машин, поддерживавших связь 40-й армии с Союзом, — две машины были на базе «ГАЗ-66», а остальные — «ЗИЛ-131» и «Урал», было еще несколько стареньких 157-х, но их быстро заменили. На новом месте осваивались сами — сами окапывались, сами строились, сами себя охраняли, хотя по штату нас и должны были охранять мотострелки в составе роты и танк.

Со временем мы построили столовую, щитовой домик, кирпичи делали сами — месили ногами глину, сушили, резали специальным длинным ножом по 20 кирпичей. В форму ничего не добавляли, одна глина, и все, и кирпичи получались неплохие.

Я заранее готовил себя к армии, тем более я был охотник, поэтому служить мне было довольно легко — я был в неплохой физической форме и был приспособлен к выживанию. А вот, к примеру, ребята из Москвы были слабоваты, им тяжело приходилось.

— Каким было личное оружие связистов?

— Когда зашли в Афган, у меня был АКМ, на месте нас перевооружили на новые АК-74, гранаты нам не давали — они отдельно хранились в коптерке у старшины на случай нападения, оружейка была открыта, автоматы стояли в пирамиде прямо в палатке. В первый месяц, когда жили на «точке», спали с автоматом под боком.

После замены автоматов, чтобы привыкнуть к новому оружию, мы несколько раз выезжали на учебные стрельбы в сопровождении бэтээра, патронов ведь всегда хватало. Стрельбы были символическими — кто что повесил, по тому и стрелял, мишенями нам были панамы, бутылки, банки. Бинт в приклад мы не вставляли, единственное, как усовершенствовали оружие, — это перематывали два рожка, чтобы в случае необходимости

быстро их перекинуть.

Пулеметы были только у «рэлейщиков» и «гэтэшников». И, как я уже упоминал, с самого ввода у нас был один свой БТР.

— Нападения на расположение «группы узлов» случались?

— Офицеры рассказали нам о том, что, когда мы стояли на краю аминовского сада, душманы хотели совершить на нас нападение из близлежащего кишлака, но старейшины не дали им сделать этого. За то, что старейшины не позволили напасть на нас, душманы увели всю молодежь кишлака в горы. Кроме этого случая, попыток крупных нападений на нас не было. Душманов с оружием в руках мне видеть не доводилось, ведь днем большинство из них мирно ковырялись в земле, а ночью брали винтовки и уходили в горы.

— Кроссовки не носили?

— Нет, как были на нас сапоги, так и остались, только спустя время весь батальон переобули в «мабуду», как мы называли кирзовые ботинки, и выдали брюки прямого покроя, а в остальном на нас оставалась обыкновенная полевая форма.

Снабжение поначалу было налажено плохо, только ближе к моему дембелю стало более или менее, а так — тушенка была основной едой. Вода была полностью привозная, сначала в бочки с водой кидали какие-то ампулы, но это было накладно, и в воду стали сыпать хлорку. Сырую воду не пили, ее, кипяченную и заваренную верблюжьей колючкой, набирали во фляжки на кухне. Единственным местом, где была пригодная для питья сырая вода, был дворец Амина, там из трубы бил родничок и была очень вкусная вода. Дворец стоял на сопке, и тому, как поступала туда эта вода, я до сих пор удивляюсь. Но если в твоей фляжке нашли сырую воду, то трое суток «губы». «Губа» была своя: из караульного помещения выгоняли 66-й, и ты там на лавочке отдыхаешь.

Отношения с офицерами там, кстати, были намного проще, чем в Союзе, большой строгости к нам не было. Командиром «группы узлов» у нас был майор Кабанов, мужик хороший, бывший паровозник. Моим ротным был капитан Коробкин — тоже человек неплохой, и старшина у нас был отличный, песни сочинял. Другое дело, когда приехала генеральская проверка из Москвы. Да какая там проверка! Под прикрытием бэтээра сопровождения генералов и полковников погрузили в «уазик», и они поехали тратить командировочные чеки и афгани в город: дубленки, аппаратура и тому подобное. Два раза так офицеры

приезжали и исключительно за этим, а чтобы посмотреть, как ты живешь, как питаешься, — это никому на хрен не нужно было, они даже не зашли ни в одну палатку.

— С местными обмен продуктами был?

— Конечно, был — менялись, хотя толку от этого было немного. Могли поменять местным те же бревна, которые привязывали к машине, на джинсы, батники, парфюмерию или видеоаппаратуру. Вскоре в нашей палатке стояло сразу три магнитофона: «Сони», «Панасоник» и «Шарп», но вывезти хотя бы один из них через границу у нас не получилось, это могли сделать только офицеры, да и то по лимиту в соответствии с жалованьем. Платили нам там чеками, я, например, получал 9.20 чеков. Местные с радостью могли купить и обычный лом, ведь с металлом в стране были проблемы. Кроме редких случаев обмена, никакого общения с местным населением не было, к расположению части их не подпускали.

Нас предупреждали, чтобы ни в коем случае не брали у местных жевательные резинки, потому что был случай, когда бойцы купили у детей жвачки, а они оказались отравленными — ребята погибли.

— Какие функции выполняла ваша «группа узлов»?

— Мы поддерживали правительственную ВЧ-связь и связь всей 40-й армии с ее частями — это все обеспечивали мы, далее через нас шла армейская связь. То есть мы были центральным узлом, от которого распределялась вся сеть связи армии.

В рейды мы не ходили, караваны не охраняли, нашей единственной задачей было обеспечение бесперебойной связи. Случай однажды такой был, у нас тогда уже была одна машина космической связи на базе «Урала». И тут связь через спутник неожиданно пропала, по регламенту она могла прерываться не более чем на две минуты, за минуту и сорок секунд солдаты и офицеры связь восстановили.

Одной из немногих наших профессиональных вольностей была возможность позвонить домой родным, если, правда, неподалеку от дома была воинская часть. Ребята договаривались, узнавали позывные и звонили домой, но это было наказуемо, и сильно звонками никто не увлекался.

С частями армии ДРА мы практически не взаимодействовали, кроме одного бытового выезда, когда мы пофотографировались на осле.

Моей задачей было подавать непрерывное питание по кабелям к машинам связи, в автономном режиме они могли

работать недолго.

— Как организовывалось охранение?

— Батальон стоял между сопками, вокруг нас были расставлены четыре караульных поста с караульными помещениями (палатки) и один замаскированный «секрет» на сопке, где дежурило по два человека примерно с 22.00 до 4.00 утра. Охранение было символическим, если бы душманы захотели, то они разнесли бы нас без особого труда, тем более наш батальон стоял с краю, примыкая к расположению стройбата, спецназовцев и еще какого-то подразделения у дворца Амина.

Когда штаб армии стал располагаться во дворце Амина, то и наш батальон спецсвязи перевели туда же. Это было уже перед самым моим дембелем, во дворце постоянно находилось трое наших дежурных связистов, возможность позвонить домой тогда отпала вовсе.

— Как сочетались виды связи?

— Кроме тех, которые я уже назвал, были: кабельная связь, «рэлейка», ГТ, «ракушки»; была и одна машина с системой «дельфин» — в кунг нас не запускали, все обслуживание системы, вплоть до уборки полов в помещении, осуществлялось офицерами. Была рота кабельщиков, занимавшаяся прокладкой линий связи, а неподалеку на сопке стояла их дополнительная «ракушка» на случай непредвиденной аварии. Кроме того, по паре машин нашего батальона с офицерами обслуги стояло по «точкам» опять-таки без прикрытия пехоты.

— Радиопомехи противник не ставил?

— Когда я служил, в 1980–1981 годах, такого еще не было. Душманы тогда были еще довольно плохо подготовлены и оснащены. Нашу внутреннюю кабельную связь также никто не нарушал, да и протяженность ее была очень небольшой — что-то около километра до сопки, кабель был просто проложен по земле внутри части.

— Как возрастала нагрузка на ваше подразделение во время проведения армейских операций?

— Когда где-то что-то начиналось, возрастала нагрузка, уплотнялся график дежурства — бойцы были на местах и днем и ночью. Так, например, случалось, когда уходил в рейд стоявший рядом с нами спецназ.

— Какое самое яркое впечатление вы вынесли для себя с

той воины?

— Мы, кроме основных задач, обслуживали еще резиденции и посольства, протягивая к ним линии связи. Было обидно, когда мы возвращались на 66-м от какой-то резиденции и возле школы в одном из баков у нас закончился бензин. Мы остановились, сразу выставили боевое охранение. И тут в школе закончились занятия, на улицу вывалила толпа школьников, дети кидали в нас камни, а за их спинами стояли бородачи, а мы не могли ни чем-то ответить, ни стронуться с места. Этот неприятный момент я запомнил надолго.

И еще одно я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Однажды у нас погибло сразу шестеро парней, из них четверо дембелей. Мы тогда сами строились и часто ездили в одно ущелье за камнями для фундамента. Привыкли ездить без каких-либо проблем, наступила беспечность, и однажды машина попала в засаду: шестеро погибли, один тяжелораненый, двое легкораненых, а лейтенант и еще один солдат — чистые. Ребята загрузили камнем 131-й и возвращались обратно, неожиданно душманы огнем с двух сторон расстреляли выезжавшую из ущелья машину. Мотострелки подоспели на выручку и успели отбить оставшихся в живых. Это было 12 сентября 1981-го, как раз перед приказом.

Жалко погибших там ребят и очень обидно сегодня оттого, что ты никому не нужен сегодня, и это чувство обиды, граничащей со злостью.

Зайцев Александр Владимирович

После призыва в апреле 1985-го я оказался в учебке, находившейся в узбекистанском городе Фергана. Подготовка была сразу ориентирована на условия Афганистана, и по окончании программы подготовки выбора у нас никакого не было — всех направили в Афганистан. В октябре месяце мы вошли в Афганистан, 19-го числа мы были в расположении своего

автомобильного батальона. Батальон базировался в районе Пули-Хумри и, курсируя по дороге Кабул — Хайратон, подвозил боеприпасы в дивизию. На Хайратон обычно шли порожняком, там загружались под завязку и двигались в обратном направлении. Батальон организационно входил в подчинение 357-го парашютно-десантного полка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Я служил в роте материального обеспечения, оснащенной «КамАЗами», «Уралов» было всего два или три, на них стояли зенитные установки.

При движении колонна обычно выстраивалась следующим образом: впереди шел БТР, за ним — «Урал» с зенитной установкой и за ним «КамАЗы» колонны, на них лежала наибольшая ответственность и обязанность по наблюдению за обстановкой, хвост колонны также прикрывался зенитной установкой и бэтээром, также вместе с колонной всегда ходила одна машина связи. Вместе с нами обязательно шли командиры рот, взводов, медики — все питались на общей кухне, преференций не было. Ребята в колонне распределялись по старшинству: молодые по негласной традиции обычно шли в голове колонны. Замыкала колонну обязательно полноприводная техника. Выступая, каждый водитель брал с собой две гранаты, автомат АК-74 с патроном в патроннике и парой магазинов. Хотя часто на всякий случай их брали побольше: ограничений в патронах никогда не было. Также было обязательно, выезжая из расположения части, быть в каске и бронежилете, вскоре на спокойных участках все это, естественно, с себя снималось, бронежилет вешали на стекло, каску клали на пассажирское сиденье — ехать в броне было жарковато.

Очень часто зимой приходилось подолгу простаивать на Саланге из-за оледенения дороги, тогда, чтобы не создавать еще большего затора, нас не подпускали к перевалу, и мы были вынуждены устраиваться на ночлег на подходе к перевалу, тогда спали прямо в кабинах. Не один раз останавливались у Джабаль-Уссараджа. На протяжении всего пути от Кабула до Саланга на опасных участках дороги стояли наши посты, часто усиленные танками, БМП и бэтээрами.

С местными почти не общались, только иногда бывало, что нас встречала толпа людей, в основном ребятишек, выпрашивавших еду, тогда мы давали им что-либо из своего сухпайка — тушенку, галеты или сухари. Особенно часто такое случалось в бедных районах вдали от центра страны. У нас с продуктами больших проблем не было; когда ходили в колоннах, то с собой была походная кухня.

А.В. Зайцев со снайперской винтовкой Драгунова

— За Афганистан вы награждены медалью «За отвагу». Можете рассказать о том бое?

— Медаль мне прислали уже после дембеля в декабре 1987-го. Я, честно сказать, и не знаю, за что точно я ей награжден, видимо, за ежедневную боевую работу, списки на награждение писал ротный.

— Как вы оцениваете уровень потерь в батальоне?

— Вначале он был довольно высоким, особенно в разведроте, ребята из нее часто подрывались на минах в ходе проведения разведрейдов. Рота работала не только в наших интересах, обеспечивая безопасность дороги, но и непосредственно принимала участие в боевых действиях.

— В плане формы одежды часто отходили от уставных требований?

— Да. Когда были в части, одевались по уставу, а когда выезжали, старались одевать что полегче, но молодые себе такого не позволяли.

— Инфекционные заболевания были частыми?

— Что частыми — не скажу, но малярией некоторые ребята болели, тифа, к счастью, в нашей части не было.

— Под обстрелы часто попадали?

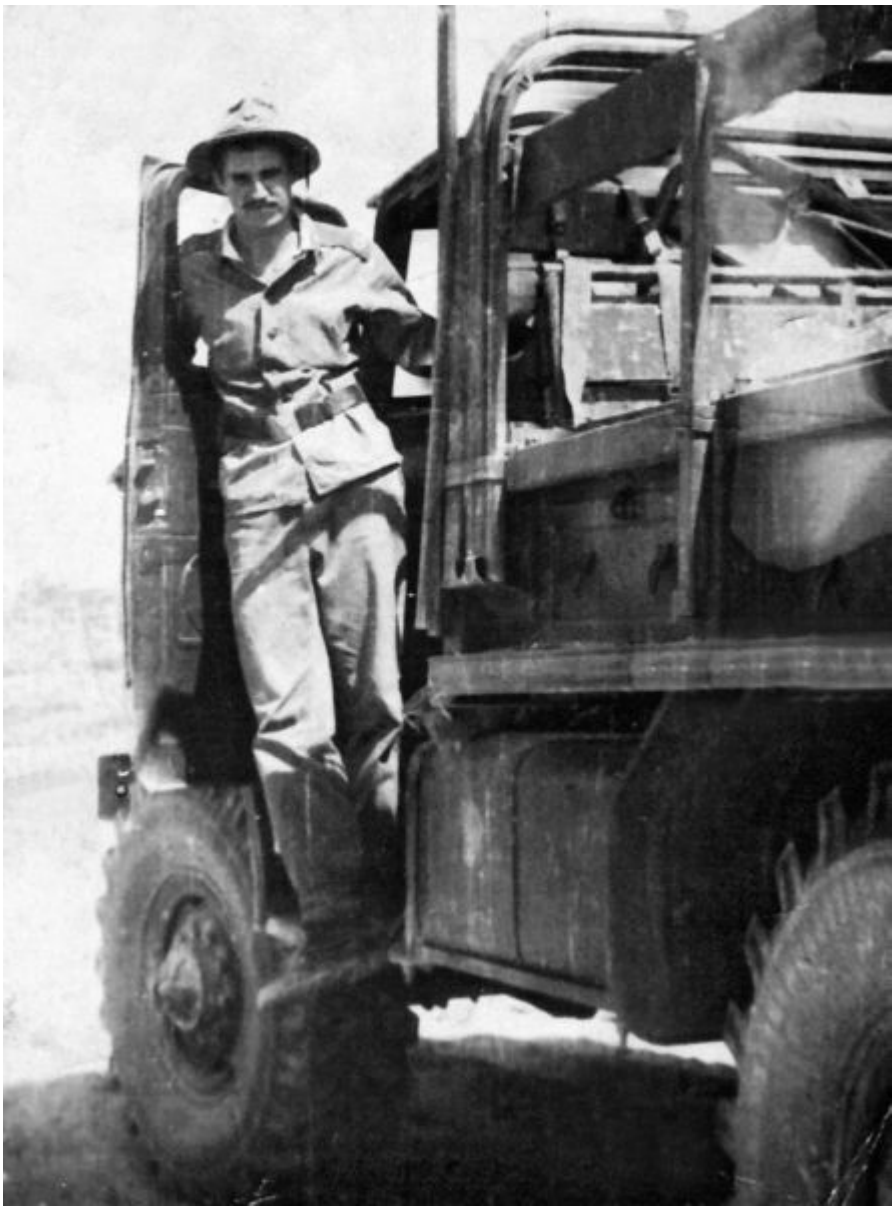
— Расположение батальона душманам обстреливать не удавалось, так как оно прикрывалось обширными минными полями.

Случалось, что по нам лупили из «зеленки». Открытой местности душманы боялись, тогда мы останавливались и открывали огонь в ответ. Если затора не образовывалось, то мы добавляли газу и старались поскорее проскочить опасный участок.

Душманы любили обстреливать колонны наливников — эффект ведь красивый, когда горит все. Был такой случай, когда мы как раз только спускались от перевала, на стоянке возле бараков душманы полностью спалили стоявшую на ночной стоянке колонну бензовозов, машины стояли близко друг к другу и загорались одна от другой. Никто из водителей не погиб, а машины выгорели так, что когда мы проезжали мимо, то увидели одни рамы от грузовиков.

Мне повезло: за весь период моей службы в нашей автороте душманам не удалось сжечь ни единой машины.

Семенов Николай Александрович



Те, кто хотел остаться в Союзе, могли написать заявление и не отправляться в Афганистан, но никто из нашей части такого заявления не писал. И через три месяца службы, в разгар лета 1981 года, мы полетели в Афган. Жара на Кандагарском аэродроме стояла невыносимая. Я служил водителем в минометной батарее десантно-штурмового батальона, на прицепе

своего «ГАЗ-66» я возил 120-миллиметровый миномет. По прибытии нас сразу поставили в периметр охранения Кандагарского аэродрома. Сам город Кандагар был от нас довольно далеко, я так ни разу в нем и не побывал.

Наше обучение проходило на 82-мм батальонных минометах, которые мы переносили на себе, а после перехода на 120-мм такого уже не допускалось — они транспортировались только машинами.

— Кроме того, что вы были водителем, какие еще функции приходилось выполнять в расчете?

— Как шофер, я доставлял расчет с его минометом на позицию, а после основной моей задачей была подноска ящиков с боеприпасами, мог быть и заряжающим, и любым номером расчета, кроме наводчика — их специально обучали, хотя в экстренной ситуации навести миномет на цель мог и я, ничего слишком сложного в этом не было.

— Случаев заболевания тифом в вашей батарее было много?

— Нет, тиф был довольно редким, в основном — желтуха. Больных желтухой оттуда вывозили самолет за самолетом. Меня тоже сперва положили в медроту и отправляли в Самарканд как «желтушного» (с желтухой всех сразу в Союз отправляли), и только в Самарканде взяли анализ крови и поставили диагноз «брюшной тиф».

Были и проблемы с водой, иногда ее нам привозили, иногда мы набирали из протекавшего неподалеку ручья. Не меньшей проблемой была пыль: немного пройдешь — и уже по колено в пыли, пыль поднималась и оседала на все вокруг, в ней были и хлеб, и каша, и суп, и отрытая тушенка — все в пыли.

— Что можете сказать о снабжении?

— В сравнении с тем, как нас кормили в Союзе, в Афганистане было нормально: были сгущенка, витамины «Гексорит» в полулитровых железных банках, сыр в банках, кофе у нас все время был, в целом кормили хорошо. Хлеб, правда, был плохой — черный и как пластилин, его сами солдаты пекли в специальных пекарнях на базе машин. С местными менялись, но нечасто, в основном на мыло.

Воду нам привозили на машинах, и по привозе ее еще раз проверяли; где ее набирали, я точно не знаю, но думаю, что где-то в горных источниках. Поэтому отравить нашу воду или пищу у противника возможности не было. Основной опасностью для нас

была не диверсия, а внезапное нападение крупной банды душманов, которые, задавив массой, могли нас перерезать.

— Прибегали к каким-либо ухищрениям в униформе и обуви?

— Кирзовых сапог у нас не было, были длинные берцовые ботинки. Только под конец нам выдали экспериментальные облегченные сапоги с заниженным голенищем и резиновой подошвой. Были маскхалаты. Мы приехали туда в пилотках, и у всех моментально обгорели на солнце уши, у некоторых, особенно москвичей, обгорели и лица — кожа снималась словно чулок; вскоре выдали панамы, и стало полегче.

Жара вообще была страшная: если машина немного постояла на солнце, то за руль не сядешь, в кабине просто нечем дышать, и к горячему рулю можно было прикасаться, только протерев его мокрой тряпкой. Сырые яйца на афганском песке спекались моментально, в помещениях было так жарко и душно, что мы ложились спать, закутавшись в мокрые простыни, а в углу всегда стояли две большие емкости, одна — с питьевой водой, а во вторую можно было залезть искупаться. Около наших боевых позиций протекала подземная речка, местами выходившая на поверхность, эти участки были метров через 200–300 один от другого и с очень крутыми берегами, неподалеку в нее впадал мелкий, глубиной по колено, камышовый ручеек. Мы часто ходили к этой реке купаться, причем глубины хватало и чтоб поплавать, и чтобы понырять, там же набирали воду в большую резиновую емкость для купания, которую ставили у себя.

— Со вшами проблем не было?

— Да они у всех там с ними были, этого «добра» хватало. Когда появлялись вши, то в бензине вещи постирал — и на какое-то время они пропадали, а когда нам меняли белье, то новое почти не выдавали, и в старых трусах и кальсонах живность скоро появлялась вновь, тогда — опять в бензин.

— Ваша минометная батарея участвовала в проведении каких-либо боевых операций?

— Да, однажды мы снялись с позиций и отправились к месту проведения армейской операции около пакистанской границы, в которой было задействовано очень большое количество наших войск. Там тогда прорвалась какая-то банда. Запомнилось, как ночью пролетел самолет, повесил осветительную ракету, и стало светло как днем, я увидел тогда как на ладони наши батареи, увидел и бегавших вдалеке душманов, по которым мы стреляли.

Я видел, как стреляют по людям, убили кого-то или нет, было непонятно, но честно скажу: сам я никого не убивал, уши и головы никому не отрезал. Чем все закончилось, я не знаю, мы постояли там дня два, ведя огонь в основном ночью, потом нам сказали: «Все. Операция закончена. Все нормально».

Нашей задачей было выехать на позицию в горы вслед за пехотой и танками и открыть с этой позиции огонь по противнику.

Говоря о потерях, могу вспомнить парня по имени Яков, фамилию не могу, к сожалению, припомнить, мы вместе с ним были в карантине. Потом его распределили в другой батальон, и вот спустя время мне сказали, что Яшку убили.

А когда я уже лежал в самаркандском госпитале, прибывший из нашей части парень рассказал мне, что вскоре после того, как я заболел, на моей машине прапорщик и парень, которому совсем немного оставалось до дембеля, попали под огонь душманов. В них выстрелили из гранатомета, граната попала прямо в кабину 66-го, оба погибли. Тогда я понял, что родился в рубашке — ведь лучше полежать в госпитале с тифом, чем отправиться на тот свет, можно сказать, что тиф меня спас.

— Мин опасались?

— Лучше о минах было не думать, попадет — не попадет… Страшно было потом, когда проехал и, к счастью, ничего под тобой не взорвалось. Успокаивал себя мыслью, что, если что, колесо оторвет, а может, и не оторвет, к тому же сидишь рядом с мотором, если что — он от удара защитит. Конечно, это была пустая надежда — мины душманов поднимали в воздух и бэтээры, и танки, и когда вспоминалось об этом, то становилось страшно, а потом старался об этом не думать, разговаривая с друзьями о чем-нибудь другом.

Наш десантно-штурмовой батальон был придан мотострелковой бригаде. Говоря об офицерах, хочется вспомнить полковника, командовавшего нашей бригадой, к сожалению, время стерло из памяти его фамилию. Он был крупным мужчиной, ходившим в форме с коротким рукавом, пистолет непременно носил за поясным ремнем, причем всегда без кобуры. Издалека было сразу видно, что идет комбриг.

Отношения с офицерами в целом были хорошими. Так, например, капитан, командир нашей минометной батареи, был мужиком строгим, но в свободное от службы время с ним всегда можно было на равных поговорить по душам. А вот молодые лейтенанты, только прибывшие из учебок, поначалу вели себя так, будто бы они там самые главные, но вскоре поняли, что там к

чему, и немного присели. Короче говоря, когда было надо — офицеры свое спрашивали, а когда от нас ничего не требовалось, то с офицером можно было посидеть и поговорить как с нормальным человеком. В Союзе офицеры обычно бывали намного хуже, по крайней мере, мне встречались такие. В Афганистане же если офицер тебя повел вперед — значит, повел, офицерам там доверяли и надеялись на них, ведь нам было по 18, 19, 20 лет, мы были пацаны, и слушать больше было некого, к офицеру отношение было часто как к отцу, многих за глаза называли «батя».

— Под огонь душманов попадали?

— Под прямой обстрел я, к счастью, ни разу не попадал. Однажды ночью я дежурил в «секрете», представлявшем собой слегка замаскированную яму. Я вышел к «секрету», а со мной в паре должен был идти один «дедушка», но он не пошел. Мне пришлось отправиться на пост одному, и, прихватив с собой воды, я направился к «секрету». Неподалеку от «секрета», в камышах, у нас лежали набранные в ближайшем кишлаке гранаты (я имею в виду не Ф-1, а очень вкусные местные фрукты), их был там целый мешок. И вот я решил сходить за гранатами в камыши, но что-то остановило меня, и я остался на позиции. Вдруг я услышал в кустах непонятный шорох, вообще, там было много шакалов и других животных, которые часто задевали колючую проволоку с висевшими на них для большего шума консервными банками, они же задевали и обильно расставленные по округе сигнальные ракеты. Но, расслышав шаги, я понял, что по камышам идет человек… Кто-то, может быть, и сказал, что он в подобной ситуации поступил бы строго по уставу и сперва крикнул «Стой, кто идет!», но я честно скажу, что сразу передернул затвор автомата и лупанул очередью по кустам на звук шагов. После моих выстрелов в кустах кто-то надрывно заорал. Ребята среагировали быстро и, повесив несколько осветительных ракет, прибежали мне на помощь. Им удалось поймать в кустах одного переодетого в униформу афганской армии душмана. Оказалось, что ночью мимо нас хотела проскочить небольшая группа бандитов. И пойди я тогда за фруктами, все могло бы закончиться печально, а так мне за бдительность перед строем была объявлена благодарность командования и обещан отпуск домой… и все — никакой награды мне не дали, отпуск, кстати, тоже, может, кому-то что-то и дали, а мне — нет.

Был и еще один похожий случай, закончившийся, правда, без стрельбы. Я поехал к ручью, чтобы помыть изрядно запылившуюся машину, прихватив автомат, оставил его в кабине.

Я занимался машиной и краем глаза увидел, что ко мне идут двое афганцев непонятной внешности. Еще издали они жестом спросили закурить, я ответил, что нет, но они продолжали приближаться. От беды подальше я запрыгнул в машину и уехал прочь. Что у местных на уме, догадаться было невозможно, можно было и не успеть дотянуться до автомата.

— С афганской армией взаимодействовали?

— В целом отношения с «зелеными» были нормальными, но мы их не любили. Местная милиция Цурандой была еще более или менее дисциплинированной, а эти — сегодня нашим, а завтра — вашим. Афганская армия если и выходила на операции, то их солдаты или шли за нашими спинами, или вовсе перебегали к душманам. Их можно было понять, и если мы воевали за идею и чтобы вернуться домой, то у этих вчерашних крестьян была единственная идея — пожрать, они все там ходили полуголодные и больные. Мне запомнился дед, везде ходивший с внуком, у которого все ноги были в огромных прыщах и нарывах, все лечение которых ограничилось заклеиванием ранок американским лейкопластырем.

— Бывали случаи неосторожного обращения с оружием?

— Был случай двойного заряжания миномета, когда заряжающий допустил ошибку и в спешке забил в ствол миномета сразу две мины, которые и сдетонировали, тогда, по-моему, погиб всего один человек. Больше подобных потерь я не помню, боевые потери на батарее также были очень небольшими.

Поначалу мы всего боялись, повсюду ходили с оружием, не делая ни шага в сторону. А потом со временем наступила какая-то апатия: можно было, особенно не задумываясь, кинув на плечо автомат, в одиночку отправиться к «секрету», если напарник где-то задерживался, и просидеть там всю ночь одному, если тот не появлялся вовсе. Казалось, что если сегодня ничего не случилось, то и завтра тоже не должно ничего такого произойти.

Прослужить в Афганистане до дембеля мне не довелось — я заболел тифом, попал в госпиталь в Самарканд, а когда поправился, получил 60 суток отпуска домой, потом меня отправили служить в Термез, на границу с Афганистаном.

— Какое у вас сегодня отношение к той войне?

— Лучше бы, конечно, ее не было, но я не жалею о том, что там побывал. Там я узнал, что такое настоящая дружба, когда люди стоят друг за друга, и это пригодилось мне в мирной жизни. Довелось повидать и немало жестокости, и после этого я

научился сдерживать себя. Война мне уже давно не снится, первые год или два снилась, а теперь нет. Время стирает из памяти многие фамилии, имена.

Когда смотрю по телевизору что-то про Афганистан, приходят воспоминания. Недавно был фильм, где показали постройки с арками, напоминающие сооружения Кандагарского аэродрома. Конечно, это был не тот аэродром, но я все равно показал семье, где примерно жил, ведь мы стояли практически на аэродроме, и самолеты взлетали и садились совсем рядом. Но все равно меня не трогает за душу, я воспринимаю все это буднично: посмотрел и забыл, и жизнь сегодня тяжелая стала, да и сами мы стали черствее ко всему.

Малеев Сергей Петрович

В 1985 году в городе Брянске меня призвали в Советскую армию. В мае я попал в учебку воздушно-десантных войск в Гайджунае Литовской ССР, неподалеку от Каунаса. Сперва я попал в разведроту, но вскоре меня перевели, и следующие полгода нас учили на командиров БМП-2. По окончании учебки, в октябре 1985-го, мы заполнили анкеты, в конце которых стояла графа с фразой «Желаете ли исполнять интернациональный долг?», возле нее все написали «Да» и полетели в город Кабул.

Меня распределили в 103-ю воздушно-десантную дивизию, 317-й парашютно-десантный полк, 1-й батальон, 3-ю роту, 2-й взвод, на стоявшую в 30 километрах от Кабула взводную заставу. Застава стояла неподалеку от дороги Кабул — Гардез. Нашей задачей было противодействовать обстрелам Кабула реактивными снарядами. Заставы были разбросаны по горам по периметру вокруг Кабула, но сильнее прикрывалось пакистанское направление. Изредка заставы выходили на засады, обычно это случалось, когда начиналась «большая война» — операция, проводившаяся полком, дивизией или всей армией. Тогда, в предчувствии большого боя, нас снимали, чтобы было побольше народа. Основное время мы постоянно находились на заставе.

— Каким было ваше вооружение заставы и какова была ее численность?

— Всего нас было 27–28 человек во взводе. Сперва я был командиром отделения, а через полгода сменил ушедшего на дембель парня на должности помощника командира взвода в звании старшего сержанта. У нас на заставе стояли: 82-мм батальонный миномет, две БМП-2, крупнокалиберный пулемет НСВ-12,7 «Утес», и все. Вначале, правда, у нас стояли и две 120-мм самоходки «Нона», был и корректировщик, но потом, когда дислокация главных сил душар передвинулась от Кабула, их перевели в Кабул. Оружие применяли по необходимости: все зависело от обстрелов.

С нами служил один парень по прозвищу Хохол, так он был таким специалистом в технике, что запросто мог разобрать и собрать «бээмпэшку» до болта, ремонтировал не только наши машины, но и у соседей. Ротный зампотех не соображал столько в технике, сколько он, причем разбирался во всем. Тогда на БМП только пошли топливные насосы высокого давления, так он и с ними быстро «подружился». Он в шутку иногда кричал, что он «бендеровец», мы его ловили и, завалив в окоп, несильно лупили

— все было на уровне шутки, просто надо было подурачиться и развеяться.

Вокруг каждой из наших застав стояло много сигнальных мин, на самых опасных направлениях стояли боевые. Жить хотелось сильно. На одного часового полагаться не приходилось, ночью он мог и заснуть на посту, мины давали какую-то подстраховку.

— В боях с душманами часто приходилось участвовать?

— У курилки мы собирали как своеобразные трофеи хвосты выпущенных по нам душманами реактивных снарядов, падавшие неподалеку, коллекция получилась неплохая. Честно скажу, что в сравнении с мужиками мы были в Афганистане на «познавательной экскурсии».

2-му взводу доставалось сильнее — душары их побольше трепали. Этим ребятам доставалось не дай бог! Полтора года они прожили без света, по месяцу могли не спускаться в баню: если спуститься в баню, то на день на посту оставалось всего четыре человека. А разведка у врага была отлажена прекрасно — они ведь были дома и прекрасно знали обо всех наших передвижениях.

Неподалеку от нас, в кишлаке, стоял афганский ХАД[2]. Наши офицеры дружили с афганскими военными, иногда заходили в гости, отмечали праздники. Хадовцы помогали им доставать водку и пили вместе с ними. Когда афганцы идут в сопровождении, им ведь глаза не закроешь и уши не заткнешь, поэтому информация о нас часто «утекала» душманам.

Когда мы засекали точку, с которой пошли пуски по Кабулу, мы эти места обрабатывали — могла выдвинуться «бээмпэшка». Пусковые установки у душманов все были мобильные — как правило, в кузове пикапа устанавливались 3–4 направляющих для эрэсов. Сделав пуск, машина сразу же уезжала, так же стреляли и по нам.

Однажды ребята из разведвзвода по информации о подходе каравана, полученной от ХАД, вышли в засаду и расстреляли колонну душар. Сперва уничтожили шедших спереди и позади, а потом подавили сосредоточенным огнем сопротивление остальных, у нас тоже ранило одного парня. На примере этой группы душманов я впервые увидел, сколько там «левых ребяток», которые родом были явно не из Афганистана. Тогда, в 1985-м, в Кабуле можно было встретить множество иностранцев непонятного происхождения, не знавших ни местного фарси, ни пушту, а понимавших лишь английский, многие из них были иностранными наемниками.

Про бои я могу рассказать немного, так как мало в чем участвовал, постоянно выходили на задания наш разведвзвод, спецы, санинструктор. Санинструктора снимали ротного, который был первым человеком, у нас взводного не было, взводные санинструкторы вообще были только у разведчиков и спецов, ходивших отдельными взводами — агээсники, минометчики.

Позиции 2-го взвода пару раз штурмовались душарами. Но, видимо, им давали ошибочную информацию, потому что они поднимались на полгорки и, натолкнувшись на сильный огонь, отходили обратно.

Хадовец рассказывал нам о том, что в кишлаке у подножия гор жили местные парни, которые из винтовки со ста метров попадали в монетку. Они очень бережно относились к оружию и боеприпасам, ведь все это они носили на плечах. Это у нас: приехали несколько машин и привезли боеприпасов, только на нашей заставе лежало несколько десятков ящиков с боеприпасами, из них тонн тринадцать 120-мм снарядов к «Нонам», страшно представить, что произошло бы, попади «эрэска» туда.

Под прямой обстрел эрэсами наша застава попадала пару раз. К счастью, стрелял враг не очень точно — большинство снарядов разорвалось у подножия горы, а так больше доставалось пустому кишлаку, а не нам.

В 1985–1987 годах все шло к тому, что особенно крупных операций проводилось не так много, как вначале. Только в 85-м мимо нас проходила по трассе Кабул — Гардез на боевое задание колонна в 120–130 машин боевой техники, не говоря об автомашинах с мотострелками, эта колонна проходила около часа. Тогда выступали почти до пакистанского Пешавара. Скорость движения колонны была максимум 30 километров в час: впереди колонны всегда шел танк-тральщик или БТС (бронетранспортер саперный), потому что мины-«итальянки» могла обнаружить только собака, а времени на разминирование собаками не было.

Довелось мне и увидеть, что такое авиация. Наши штурмовики обрабатывали кишлак. Сверху на это красиво смотреть, но я не завидовал тому, кто находился там, в кишлаке, и не хотел бы никогда туда попасть.

Как-то мы стояли на разводе, и вдруг в нескольких сотнях метров от нас упал реактивный снаряд, так офицер упал, словно в мультфильме, — сперва упал он, а затем на его голову упала его же каска, вот как бывало страшно. Даже когда снаряды рвались километрах в полутора, то все равно думалось, что вдруг душманы сделают поправку и засадят РС прямо в наш склад

боеприпасов, и нашей горки не станет — инстинкт самосохранения работал всегда.

Меньше начали бояться где-то с середины службы, когда пообвыклись, тогда мы стали наглее, на многое было начихать.

Я всегда вспоминаю «бачат» — детишек из соседних кишлаков, неплохо разговаривавших по-русски, одному из них было лет 12. Они все кричали: «В Союз! В Москву! Учиться!» — у них было такое желание учиться, такая тяга к жизни. В первые годы войны погибло немало мирных жителей, я этого не видел, но понимал, что когда складывается ситуация, при которой выбор стоит между тобой и между тем же самым бачой, то в любом случае выбор падет на бачу, а не на меня. Я рад, что не видел крови. Тяжело было смотреть на ребят, приходивших с густыми бородами, голодными и оборванными после полуторамесячных рейдов по горам.

Я поначалу не знал, какую опасность представляют ядовитые пауки фаланги и скорпионы, которых повсюду было полно. Я увидел фалангу и, потянувшись к ней, спросил у товарища, что это за паук, тот вовремя остановил меня, сказав, что у них сейчас как раз брачный сезон, когда они наиболее ядовиты, и если я возьму в руку этого паучка, то меня уже не откачают, а противоядия нет.

Однажды Ваня Василенко, водитель нашего «ГАЗ-66», приехал на заставу и молча шел, держа руки перед собой так, будто бы в них по-прежнему была баранка. Оказалось, что, когда он ехал к нам по горному серпантину, по машине душары выстрелили из «зеленки» из гранатомета, но промахнулись, и граната взорвалась в скале. Когда парень остановился в расположении части, бойцы еле оторвали от руля его занемевшие руки.

— Вши были?

— Да. Я в первый раз в жизни увидел их там. На два холодных зимних месяца нам привозили зимние кальсоны. Мы стояли на высоте 1500, и было еще терпимо, а вот ребята, стоявшие на высотах под 3000 метров, ночами сильно страдали от холода. Так вот, я надел зимнее белье, и скоро у меня что-то зачесалось под мышкой. Так я проходил два дня, пока не подошел к нашему санинструктору Коле. Тот сразу засмеялся и сказал: «Снимай!» Коля развернул швы и показал мне поселившуюся там живность.

Я уже говорил, что в сравнении с большинством ребят мы жили шикарно: со стоявшего вплотную к заставе брошенного кишлака мы протянули себе электричество, у нас был утюг, которым мы и проглаживали от вшей одежду.

— Что можете сказать об отношениях с местным населением?

— В одном из кишлаков жил старейшина, как его звали, я не помню, помню лишь, что обращались к нему «Бо-Бо» — так обращаются там к уважаемым старым людям. Так ему было 89 лет, а по горам он бегал быстрее нас, молодых. Бо-Бо заведовал в кишлаке дизельным генератором, который давал электричество для качавших воду насосов. У нас с водой проблем не было — стояла бочка, которую пополняли привозившейся из Кабула водой.

Пока мы ехали по Кабулу на 66-м, меня тошнило от местных запахов. Ведь местные ходили в туалет где придется. Почти все они ходили босиком, повсюду сновали машины и навьюченные ослы. После прибалтийской красоты мне было нелегко попадать в XIV век.

— Проблемы со снабжением были?

— В нашем 3-м взводе — нет. А вот у стоявшего в горах 2-го взвода были, причем серьезные. Мы доставляли им боеприпасы, продовольствие, солярку и уголь для отопления. Обычно все это доставлялось ребятам «на ослах» — то есть на наших плечах, общая масса грузов была под 3–4 тонны. Никаких вьючных животных для переноски грузов по горам у нас не было, и лишь иногда зимой нам в этом помогало одно-единственное вьючное животное — вертолет Ми-8. А летом, то есть с марта по декабрь, все «вертушки» были на боевых, рассчитывали только на себя.

Солярку мы поднимали наверх в специальных рюкзаках на 20 литров. Поднимали все постепенно — сегодня я с двумя товарищами делаю по три ходки вверх-вниз, завтра — другие три человека, чтобы никому не было обидно, проделывают то же самое.

Хлеб нам привозили только зимой, а летом сами пекли лепешки — наболтал повар «хлеб» из муки и водички и пек все это на комбижире. Если успеешь съесть это горячим, то нормально, а если не успел, то «хлеб» становился дубовым.

Однажды я обрадовался, подумав, что привезли яблоки, а оказалось, что это была маринованная в трехлитровых стеклянных банках картошка. С местными на продукты мы не менялись, ничего никогда не отбирали. Продавали комбижир, но деньги тратили на выпивку, не столько себе, сколько офицерам.

— Какими были взаимоотношения с офицерами?

— Гуляли они не дай боже! В округе стояли старые

заброшенные кишлаки, в которые они въезжали на БМП, шарахали очередью из пушки в окно пустого дома, деревянные перекрытия обрушались, дерево загружалось в «ГАЗ» 66-й и, как ценный товар, отправлялось на кабульский рынок. Денег они зарабатывали на этом немало, бутылка водки в то время стоила 75 афганей, и достать ее проблемой не было.

Взаимоотношения с шакальем-офицерами было натянутыми. Если человек был козлом в жизни, то он был козлом и там. Однажды мы дали по морде одному настоящему козлу, потом сразу начались вопли про неуставные отношения, и дело чуть ли не дошло до суда. Господа офицеры могли так преподнести ситуацию, что ты становился виновным чуть ли не во всех грехах человечества.

У меня почти весь состав офицеров были дерьмо. Из них никто не воевал, а награды друг другу навешивали щедро. Я сам лично слышал разговоры такого толка: «Приходи, Ваня, к нам служить, мы тут звание тебе повысим, наградим, вернешься домой на теплое местечко». Так что кому-то эта война была мать родна. Один-единственный наш прапорщик был парнем на полгода меня старше, оставшимся, чтобы, съездив домой в отпуск и послужив в Афгане полгодика, прийти домой коммунистом, из Афганистана, к тому же награжденным, со всей грудью в медалях, — и ему везде дорога открыта.

Мне неудобно, что я не могу рассказывать про эту мерзкую систему без мата. Но пьяные офицеры часто творили черт знает что. А когда начинались какие-нибудь неприятности или полная «ж…», то они в первую очередь подставляли нас и, выезжая на наших плечах, всегда оказывались перед начальством самыми хорошими.

Но я вынес для себя оттуда одно — теперь я знаю, кто такие настоящие мужики. Я научился отвечать за свои слова.

Добрым словом могу вспомнить лишь своего командира взвода из учебки, который научил нас здорово стрелять, дай бог ему здоровья! И своего командира роты в Афгане — мужик был здоровый — ногой по колесу бэтээра ударит, и кажется, что зашатался весь бэтээр. Когда обстреляли нашу колонну, он стал спорить со старшими офицерами и, не боясь ничего, крыл их отборным матом. Ему на все было плевать: он мог перед кем угодно вступиться за солдата.

А если бы я сейчас встретил своих офицеров из Афганистана, то многое бы им высказал. Потому что они были горазды оскорблять солдат, а когда им становилось нужно, не задумываясь бросали нас на смерть.

— Бывали небоевые потери?

— Осенью 86-го выстроили всю нашу заставу, мы провожали парня по имени Василий на дембель. А за несколько месяцев до того Вася случайно получил пулю от своего. А случилось это так: мы стояли на разводе перед расходом по постам, и один идиот с патроном в патроннике проходил мимо Васи на свой пост, произошел случайный выстрел, пуля чиром попала Васе по затылку, слава богу, что ранение было несерьезным. Мы уже подхватили придурка под руки и хотели ненадолго подвесить его за ноги за такое растяпство, но офицеры не дали. Больше подобных случаев не было.

Я благодарен судьбе за то, что меня почти не коснулась эта война. Потому что кто-то от этого звереет или начинает считать, что он слишком много знает, и начинает вести себя не так, как положено, некоторым таким приходилось бить морду, чтобы не зазнавались. А что мне нужно было, чтобы считать потом себя крутым, спуститься в кишлак, где бы мне задницу прострелили?! Я рад тому, что я пришел живой и здоровый, хотя давления на психику мне хватило на всю жизнь.

— Дорога домой запомнилась?

— Мы всей группой приехали к Кабульскому аэродрому, там погрузились в Ил-76, потом был аэродром Ташкента, откуда мы полетели домой пассажирским Ту-154.

— Какой след оставила эта война в вашей жизни?

— Я до сих пор часто задаю себе вопрос: «А как бы я поступил в ситуации, когда передо мной встал бы выбор, как поступить в бою? Или подорвался бы я, если бы меня окружили душманы?» Легко рассуждать об этом дома, сидя перед телевизором, в реальной ситуации ведь все сложнее.

В завершение хочу сказать отдельное спасибо председателю Бежицкого районного отделения Брянского областного объединения Союза ветеранов Афганистана Валерию Ивановичу Антюхову за то, что он и его ребята не забывают о нас и всегда и во всем готовы прийти на помощь.

Филиппов Виктор Николаевич

Я жил в городе Сухиничи Калужской области. 1 ноября 1978 года меня призвали. Военком сразу сказал мне: «Ты пойдешь служить в воздушно-десантные войска». Три дня я пробыл в Калуге, потом за нами приехал «покупатель», и я вместе с еще примерно 20 калужскими ребятами попал в 103-ю Витебскую воздушно-десантную дивизию.

Сперва был учебный центр в районе Лосвидо километрах в 80 от Витебска. В рамках курса молодого бойца нас обучали многому, в том числе и прыжкам, в первый раз мы прыгали со специальной вышки, второй прыжок совершали уже с самолета Ан-2, а третий — с новых военно-транспортных Ил-76. Скорость его была 400 км/ч, и, если на несколько секунд перед прыжком замешкаться, могла случиться беда: хотя и пытаешься оттолкнуться, тебя вытягивает воздушным потоком. Прыгали только в двери, через рампу выпрыгивали только офицеры, в боевой ситуации десантирование из Ил-76 должно было производиться в 4 потока — два потока в двери и два — в рампу. На поршневом Ан-2, наоборот, — скорость была маленькая, и нужно было посильнее оттолкнуться при прыжке, иначе можно было «посчитать» заклепки на фюзеляже. Страшными были не только первые прыжки — прыгать всегда было страшно, напряжение присутствовало.

Примерно за неделю до Нового года нас стали распределять по полкам дивизии. Меня распределили в отдельную разведроту дивизионной разведки. Рота была небольшой — всего 55–60 человек. Потом меня перевели во взвод связи 4-го батальона 357-го парашютно-десантного полка в Боровухе, батальон состоял из трех рот, нашего взвода связи, взвода воздушно-десантного обеспечения и хозвзвода, минометов в батальоне не было — минометная рота была в составе полка, так же было и с зенитчиками, оснащенными пулеметами ДШК и ПЗРК «Стрела-1» (говорили, что один выстрел из «Стрелы» стоил 6 тысяч рублей). Прихватили с собой из союза и ПТУРСы, устанавливавшиеся на направляющие на стволе БМД, но там они оказались не нужны — мы расстреляли их на полигонных стрельбах. Были на вооружении и тяжелые станковые противотанковые гранатометы СПГ. Говоря о БМД, упомяну, что крупному человеку в ней было очень неудобно, но проходимость у машины была хорошей. Кроме моего полка в состав дивизии входили: 350-й парашютно-десантный полк, стоявший рядом с нами, 317-й ПДП, артполк, самоходный дивизион. В самом Витебске стояли 317-й ПДП и

артполк.

7 ноября 1979-го мы в составе сводного батальона от всех полков принимали участие в военном параде в Минске, до этого нас две недели подряд муштровали на плацу.

Во взводе связи у нас были катушки и рации — 107-е, 105-е. 107-я была повыше и лучше прилегала к спине, зато 105-я немного покомпактнее, но если бежать с ней, то надо было подкладывать к спине фанеру — мы бегали 3-километровые кроссы и с катушками, и с рациями. 105-я весила килограммов 10, а 107-я, по-моему, килограммов 16. С радиостанциями даже прыгали из самолетов (мне, правда, не довелось) — она упаковывалась в мягкий контейнер, также прикреплялось метров 10 фала для того, чтобы перед приземлением ты мог отстегнуть подвязанную к ногам радиостанцию и она приземлилась первой. Гранатометчики прыгали с гранатометом (у него был еще и пистолет), который тоже весил немало, его закрепляли на себе рядом с ранцем парашюта, и мы не завидовали ребятам, которые с ним прыгали: ноги сломать можно было запросто. Со своим стрелковым оружием прыгали все. За две минуты планирования на парашюте надо было развернуться так, чтобы ветер дул в спину, однажды я не успел развернуться и коснулся земли, когда ветер был мне в грудь, — меня сразу свалило с ног, и я с размаху ударился головой об землю, заработав сотрясение. Сапоги летом, как и валенки зимой, подвязывались стропами. Помню, как один парень этого не сделал, с его ноги слетел валенок, и он приземлился босым на одну ногу.

На парашютах был установлен прибор, раскрывавший их спустя три секунды после покидания самолета, но кольцо ты все равно должен был дернуть. Когда выпрыгивали, то про себя считали: «пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три» — и раскрывали парашют. Вытащенное кольцо могло выскользнуть из руки, а за его потерю нас серьезно наказывали, поэтому я, боясь его потерять и получить нагоняй, никогда его не вырывал, а полагался на автоматику. Еще во время карантина был такой случай: я уже удачно приземлился после прыжка с Ан-2, а один из прыгавших за мной ребят летел к земле, не раскрывая парашюта, подошедший ко мне капитан, командир роты, глядя вверх, сказал, что он покойник. Но обошлось: молодой десантник вовремя спохватился и выдернул кольцо перед самой землей, парашют успел раскрыться, к нему сразу все побежали и только тогда услышали щелчок сработавшей на земле автоматики. Поэтому офицеры всегда твердили нам, чтобы на прибор никто не рассчитывал, а выдергивал кольцо и знал, сколько прошло времени — за 3 секунды пролетаешь 100 метров, высота

десантирования стандартная — 800 метров. Хотя и был небольшой запас времени, но исправить перехлест строп за него было невозможно — штык-нож был для этих целей довольно тупой, а небольшие стропорезы были только у офицеров, выбрасывать же второй парашют, не избавившись от полураскрывшегося первого, было нельзя: они бы запутались между собой. На новых, более компактных парашютах Д-6 были в комплекте специальные крючки для укладки строп, лежавшие в отдельном кармашке. С их помощью стропы укладывались специальным образом — поэтапно и без каких-либо перехлестов. Однажды я собирал парашют комбата и где-то немного перехлестнул стропы. Когда он выпрыгнул, парашют раскрылся нормально, а из-за перехлестнувшихся строп комбата начало крутить. В таких неприятных случаях ничего нельзя было сделать — оставалось только зажать голову и ждать, пока тебя крутанет в одну сторону, затем в другую и вращение наконец постепенно не погасится. Даже наш замкомбата по воздушно-десантной подготовке, у которого было больше тысячи прыжков, несмотря на такие случаи, все равно никогда не собирал сам себе парашют — за него это всегда делали другие. И если посмотреть на его лицо в самолете перед прыжком, то оно было напряженным, улыбки не было никогда.

С капитаном, командиром батальона, было еще одно происшествие. Во время очередного прыжка солдат упал на купол его парашюта. По инструкции в такой ситуации нужно было немедленно скатиться в сторону, но парень, видимо, растерялся и этого не сделал, парашют капитана частично сложился, и они начали набирать скорость. Все обошлось: десантник все-таки успел соскользнуть с купола, а у комбата после приземления был нервный тик: он не мог стоять на ноге, она тряслась.

При приземлении, если неудачно дернуть стропу, ты получал по ногам удар, примерно равный удару при прыжке со второго этажа, колени надо было держать вместе, иначе можно запросто сломать ногу. Удар был сильным, я поначалу не ожидал такого.

За каждый прыжок платили. За первый, помню, получали 3 рубля 80 копеек или 3.50. По мере увеличения количества твоих прыжков росла и плата за них: тем, у кого их было больше тысячи, платили уже 25 рублей за каждый.

Было много солдат других национальностей, казахов например, но они, видимо по какому-то негласному указанию, в основном не прыгали, а служили на кухне, писарями.

— Как для вас начинался Афганистан?

— За две недели до начала всей кутерьмы, числа 11-го

декабря, нас подняли по тревоге. Подняли полностью всю дивизию, поездом со всей техникой нас перебросили в Витебск, затем машинами к Витебскому аэродрому, в лесу возле которого мы простояли две недели. На наши вопросы о том, куда нас перебрасывают, комбат отвечал, что он и сам этого не знает — все было засекречено. Спустя две недели, числа 25-го декабря, мы начали грузиться в самолеты, наш полк грузился в Витебске, а «Полтинник» — на аэродроме Сеча под Брянском. Нашу одну дивизию перебрасывала почти вся транспортная авиация СССР — два дня огромное количество самолетов шло непрерывным потоком. Мы летели на Ил-76, 350-й полк — в основном на Ан-22.

Еще перед загрузкой каждый получил боекомплект — по здоровому подсумку, в котором было 1040 патронов, по несколько гранат. Тогда мы поняли, что летим на какое-то серьезное задание, а на дозаправке в Балхаше нас построил командир полка, который сказал, что мы летим в Афганистан, и поставил боевую задачу. Был задан и вопрос: «Кто не хочет — шаг вперед», но никто не вышел. Два часа мы перекантовались в сараях у аэродрома, пообедали, загрузились и полетели дальше. Наш полк и «Полтинник» выгружались из самолетов в Баграме, на построенном еще американцами аэродроме, в то время как остальные части — в Кабуле. Высаживались ночью, на выгрузку до полного освобождения борта было отведено время в 10 минут. Летчики тогда говорили нам, что если мы не успеем, то они взлетают с техникой, потому что график приземления был сплошным, надо было освобождать полосу, на посадку уже заходил следующий самолет.

Аэродром Баграм был сложным — его окружали горы высотой более двух километров, летчики вынуждены были заходить на посадку по спирали. Вообще, он был приспособлен только для дневной посадки, и летчикам приходилось очень трудно. Мы выгрузились и отъехали в поле и тут услышали взрыв и увидели столб пламени рядом с аэродромом, а утром узнали, что это разбился наш транспортный самолет с ротой десантников 350-го полка на борту. Этот случай потом нигде не афишировался. Мы отогнали в сторону технику, выставили боевое охранение. Расположились около афганской зенитной батареи, наутро мы увидели, что одна из зениток батареи переделана в импровизированную виселицу, на которой, чтобы подразнить нас, болталось чучело, напоминавшее парашютиста. Вообще, безопасность нашего приземления обеспечивал прибывший раньше нас 345-й отдельный парашютно-десантный полк.

Дня три наш полк простоял у аэродрома, а потом была

команда о марш-броске со всей техникой на Кабул. Когда началось наше движение, все еще стоявшие на позициях афганские зенитчики попытались по кому-то выстрелить, после чего 345-й ОПДП полностью ликвидировал эту батарею и расположенные в округе афганские «секреты»: с такой массой техники, как у нас, не поспоришь, сопротивление было недолгим. В Кабул вошли под утро, еще до рассвета. Двое суток наш батальон простоял колонной на обочине дороги в самом Кабуле. Потом наш полк разместили в двухэтажных деревянных казармах английской постройки, в которых до нас также располагались десантные части, только афганские. А рядом стояла крепость Балахисар, погреба которой были полностью забиты старыми боеприпасами, можно сказать, что мы сидели на пороховой бочке — если бы все это взорвалось, то не стало бы не только нашего полка, но и снесло бы еще половину города. «Полтинник», в отличие от нашего полка, был разбросан по нескольким местам дислокации. Нам еще повезло, что разместили нас не в палатках, в которых было 45 градусов в тени. Жара стояла жуткая. Чтобы охладиться, мочили одежду холодной водой, менее чем через час все было уже сухое.

— Какое впечатление произвел на вас Кабул?

— Мы были молодые, все было интересно. Запомнились появившиеся на Родине лишь через несколько лет ларьки с американскими сигаретами, «Пепси-колой», разными китайскими и тайваньскими брелочками и фонариками. Студентки местных университетов ходили без паранджи, остальные женщины ее носили. Старый город был весь в небольших высотках, дома в основном были глинобитные, напоминавшие сараи, в центре было мало высотных домов, самой высокой казалась гостиница «Интерконтиненталь», насчитывавшая девять этажей. В столице не было канализации, все сливалось по арыкам и каналам в речку, в них же многие местные и мылись. Офицеры сразу предупредили нас, что если в Кабуле выпить некипяченой воды, то можно неделю штаны не надевать.

Сначала, пока мы стояли вдоль дороги в городе, женщины махали нам ручками, потом комбат объяснил, что они думают, что мы англичане. По дорогам бегали пацаны и открыто предлагали гашиш в расфасованных по 100 граммов брикетах.

Когда у нас появились приборы ночного видения, то ночью с позиций в крепости мы рассматривали город. Неподалеку стояло здание, в которое постоянно заходили мужчины. Потом мы узнали, что это публичный дом.

Однажды наши ребята, спасаясь от жары, перелезли через

забор на территорию французского посольства и искупались в фонтане — шум поднялся такой, что люди из ЦК прилетали разбираться на место.

— Вши были?

— Вши появились сразу. Матрасы нам завезли откуда-то из Ташкента — с собой ведь мы взяли только то, что смогли навесить на себя. Потом в них вся эта живность и завелась.

Кроме вшей терзали и инфекции. Тифом нечасто болели, а вот гепатитом поголовно. Мне повезло, что я переболел желтухой в детстве. Первые партии заболевших желтухой солдат с желтыми глазами отправляли на лечение в Союз, откуда они в Афган не возвращались, а потом они проходили трехмесячный курс лечения в Ташкенте и возвращались обратно.

Еще была «лихорадка Ку», ею переболел и я. Температура держалась 39 градусов, пот струился ручьями, дней пять я попил таблетки, и болезнь стала проходить. В воздухе там всегда витал запах мочи, ведь, как я говорил, канализации никакой в большей части Кабула не было, туши баранов подолгу висели в мясных лавках на жаре, покрытые какой-то пленкой, как вяленые, и практически не портились.

— Униформа соответствовала климату?

— В Афганистан мы прилетели в пилотках, голубой берет был элементом парадной формы. Пилотки нам заменили на панамы, но не сразу, а ближе к весне, бушлаты оставили — зимой бывало до 15 градусов мороза, выдали кирзовые ботинки, причем офицерам ботинки выдавали более удобные.

Сигареты нам выдавали «Охотничьи» — самые дешевые, а купленные за свой счет у местных настоящие американские желтые «Кент» мог запросто отобрать при обыске комбат.

— С водой проблемы были?

— Вся вода была привозная. Водопровод был, но воду из него можно было пить только прокипяченной с верблюжьей колючкой, придававшей кисленький привкус.

Кормили поначалу сухими пайками, потом развернули дровяные полевые кухни, хотя дрова в Афганистане были на вес золота и привозились из Союза, а там росла только верблюжья колючка, дрова продавались на вес. На кухнях, как положено, готовили первое, второе, третье. Ложку, котелок и фляжку мы всегда таскали с собой

— Потери были высокими?

— В «Полтиннике» было много потерь. 23 февраля 1980-го в Кабуле вспыхнул мятеж, нас подняли по тревоге на его подавление, а местные, одетые «по гражданке», бегали по городу с автоматами ППШ и нашими трехлинейными винтовками. Когда мы зашли в здание Министерства внутренних дел, отбитое нашими спецназовцами, то увидели горы такого оружия. Это был мой первый бой, стрельба велась целый день, стреляли конкретно, перестрелка велась одновременно в нескольких районах города, а потом все как-то быстро стихло. Мы тогда стреляли мало, большую часть работы за нас сделал спецназ. Тогда потеряли нескольких человек: могу вспомнить погибшего водителя, возившего на «уазике» командира полка и еще нескольких ребят. Тела погибших на пути на Родину сопровождали офицеры.

В полку за время моей службы погибло человек 17. Это были минимальные потери по дивизии; когда я уезжал, потери в «Полтиннике» были уже человек 80 убитыми. 350-й, как я уже говорил, был разбросан побатальонно, командовал полком Георгий Иванович Шпак, в 1996 году ставший командующим ВДВ.

Если говорить о потерях в технике, то автомашин мы потеряли много, потерь БМД не помню.

— Какие задачи чаще всего выполняло ваше подразделение?

— Наши водители часто выходили вместе с колоннами на подвоз снабжения, им досталось сильно — многие погибли. Примерно с мая наши колонны снабжения стали ходить регулярно, на них начались постоянные нападения.

Мы нередко выходили в рейды на удалении более ста километров от Кабула. Местность перед проходом колонн мы не зачищали — этим занималась разведрота. Колонна шла целенаправленно, перед выходом нам выдавали бронежилеты, но они были очень тяжелыми, и их не носили, к тому же пуля, выпущенная из английского карабина, пробивала такой бронежилет с расстояния в два километра. Ближе к лету появилась более легкая «броня» с титановыми пластинами, но все равно, когда берешь с собой боекомплект — 4 рожка плюс цинк патронов в рюкзаке, 4 гранаты Ф-1, флягу воды, сухпаек на 4 дня, то бронежилет на себе было уже не унести. Магазины, гранаты и фляга вешались на ремень, разгрузок поначалу не было.

Еще с собой обязательно должен был быть индивидуальный пакет со шприцем промедола, которого, кстати, часто там не оказывалось — их вытаскивали еще в Союзе. Из-за этого у нас погиб парень: мы попали в засаду, его сразу отсекли от остальных

огнем и ранили чуть ниже почки — пуля прошла между пластин бронежилета. Ему надо было срочно вколоть обезболивающее. Мы открыли индивидуальный пакет у одного бывшего рядом бойца — промедола нет, у второго — то же самое, промедол так и не нашли ни у кого, раненый умер от болевого шока. Фамилию погибшего уже не вспомню, помню лишь, что перед армией он окончил физкультурный институт.

Когда стояли в Кабуле, вечерами выходили на патрулирование городских улиц. В мае меня поставили заместителем командира взвода, присвоив звание сержанта. Выход на боевые стабильно был как минимум раз в месяц. Шоферы, как я уже говорил, из боевых заданий не вылезали, у одного из них, парня моего призыва по фамилии Сидоренко, было 23 боевых выхода, ему повезло: его ни разу за все время не ранили.

Когда выходили далеко в горы, то брали с собой 129-ю радиостанцию, весившую 30 килограммов, со сборной антенной, носимой одним из радистов. Радистам с такими радиостанциями, кроме нее тащившими на себе все упомянутое выше добро, было не позавидовать. Некоторые погибали оттого, что от постоянной жары и переутомления наступала какая-то апатия ко всему, и, когда неожиданно начиналась стрельба и надо было искать укрытие, человеку было на все плевать и он оставался на открытом месте. Я сам неоднократно бывал в таком состоянии.

В засады и окружения мы, к счастью, за время моей службы не попадали. Перестрелки бывали частыми, но они были не такими, как показывают по телевизору. Доводилось и ловить врага в прицел, но об этом мне не хочется рассказывать.

— Несчастные случаи бывали?

— Мы только получили новые автоматические гранатометы АГС-17, и во время чистки одного из них солдат случайно нажал на спуск, не заметив, что в стволе гранаты, произошел случайный выстрел. Чистили на первом этаже помещения, так граната пробила деревянный потолок и влетела к нам на второй этаж, но, правда, не взорвалась. А однажды один из прапорщиков, разряжая пистолет, случайно выстрелил в живот офицеру.

Была и нелепая перестрелка между «Полтинником» и нашим полком. Хорошо, что мы были в помещении, обнесенном полутораметровым каменным забором. Мы как раз только расстелили вещи на каменном полу, готовясь к отдыху. Ребята из 350-го, приняв нас за «духов», стали стрелять, мы открыли огонь в ответ. Перестрелка продолжалась около часа, пока не связались по радио, разобравшись, что к чему. Одного нашего солдата по

касательной ранило в шею залетевшей через забор пулей, потом он получил за это ранение орден Красной Звезды, мы долго тогда смеялись.

— В плен душманов захватывали?

— Да. У меня даже были фотографии пленных, но они остались у родственников. Наемники ни разу не попадались, в основном были местные с чалмами на головах. Возраст душманов, которых я видел, определить было сложно — все они были худощавые и с бородой, человеку могло быть лет 30, а выглядел он на 50.

Трофеи мы брать с собой не старались — нас обыскивали по два-три раза в неделю, хотя бывало, хотелось взять себе на память какой-нибудь нож.

— Ансамбли самодеятельности или артисты не посещали ваше расположение?

— К нам приезжал Иосиф Кобзон. Он давал концерт в нашем небольшом актовом зале.

— Отдыхать приходилось часто?

— Отдыха почти не было — или стоишь в охранении на постах в крепости, или наряды на кухне и тому подобное. Каждый вечер нам показывали фильмы, аппаратура была, концерт артиста из Союза я помню только один.

Только в марте нам разрешили писать письма домой. Мать за это время даже сделала запрос в Витебск, ведь обо мне несколько месяцев не было ни слуху ни духу, никто из наших родственников не знал о том, где мы. На запрос мамы ответили, что я на учениях.

— Боевые награды многие получили?

— Награжденных было немного, в основном офицеры и прапорщики. Двоих солдат моего призыва представили к званию Героя Советского Союза, правда посмертно, их фамилии были Мироненко[3] и Чепик[4], их окружили «духи», один подорвал себя гранатой, а другой взорвал МОН-100. Солдатам, которые запаивали в Кабуле цинковые гробы с телами погибших, давали орден Красной Звезды.

В то время мы знали, что «духи» издеваются над пленными, слышали о случаях, когда с живых людей, словно с кроликов, сдирали кожу.

— Как вы покидали Афганистан?

— Я переслужил недели три. Неожиданно в конце ноября 1980-го командир полка приказал дембелям построиться. Мы получили 20 минут на сборы и, погрузившись в «Уралы», отправились на Кабульский аэродром. Со всего полка нас набрался полный Ту-154 — человек 130 вместе с отпускниками. Парадной формы у меня не было, была припасена лишь гражданская одежда. Перед посадкой в самолет специальная группа во главе с полковником КГБ устроила нам проверку, солдат и сержантов почти не проверяли, а вот вещи прапорщиков и офицеров смотрели досконально. Полковник, увидев лишнюю пару джинсов в багаже, рвал их и бросал перед собой. По нашим вещам он лишь пробежал взглядом: зубная паста, японский зонтик, недорогой парфюм — ничего серьезного мы не везли, некоторые, правда, хотели электронику все же прихватить. Из солдат только один смог провезти магнитофон, сунув его летчику. Я привез купленные за чеки в Военторге кроссовки, прихватил и пачку фотографий — рисовать альбомы было некогда. Плюс при увольнении на базе дивизии в Союзе я получил 150 рублей наличными за год службы в Афгане.

Взлетевший из Кабула Ту-154 садился на дозаправки в Ташкенте и Шереметьево, а вскоре приземлился на военном аэродроме под Витебском, где нам еще предстояло пройти недельный карантин. Домой нас отправили вновь неожиданно, в начале декабря. Погода тогда испортилась — пошел снег с дождем, и на дороге быстро образовалась ледяная корка, одна из машин, за рулем которой сидел молодой неопытный солдатик, по дороге на вокзал в Витебске перевернулась, насмерть задавив бортом двоих дембелей. После этого все ехали со скоростью не выше 30 км/ч. На витебском вокзале нас радостно встретили таксисты с водкой по 10 рублей, я сел в поезд «Рига — Воронеж», доехал до Брянска. Там еле успел на последнюю электричку до Сухиничей, а многие из ребят застряли в Брянске на несколько дней в ожидании своего поезда.

Поначалу Афганистан снился мне ночами, мама потом рассказывала, что я разговаривал во сне. Я взял с собой небольшой стабилизатор от парашюта, на котором были написаны адреса моих сослуживцев, но сейчас не могу его никак отыскать.

Денисов Юрий Анатольевич

По окончании средней школы я поступил в Людиновский машиностроительный техникум, поэтому у меня была отсрочка и в армию призвали после окончания учебы. Итак, 22 апреля 1980 года я, как положено по повестке, явился на сборный пункт городского военкомата. Затем нас повезли в город Калугу, а оттуда меня уже направили в туркменский город Чарджоу. В воинской части, где началась моя служба, располагалась учебка — ШМАС, в которой готовили младших авиаспециалистов. Там я пробыл пять месяцев и в сентябре после ее окончания был направлен в Ташкент. В Ташкенте я успел переночевать только одну ночь, сразу был отправлен самолетом в Афганистан. Прилетел в Кабул, моя часть располагалась совсем рядом с международным аэропортом. Хотя в учебке я учился на специалиста по авиавооружению самолетов, но в Афгане попал в вертолетную эскадрилью, обслуживавшую вертолеты Ми-24Д. Рядом с нашей стоянкой располагалась эскадрилья Ми-8, а немного поодаль — стоянка самолетов Су-17. Я попал в 50-й смешанный авиаполк, полевая почта 97978, там я и прослужил до самой демобилизации.

— Каким было ваше первое впечатление от Афганистана?

— Это были глухие звуки стрельбы: «бум, бум, бум». Я был молодым и не понимал, что это, а когда спросил у ребят, то они объяснили, что это наша артиллерия ведет огонь по перевалу Саланг. Выстрелы были слышны почти каждый день: стрельба из автоматического оружия велась в основном в ночное время, как с нашей стороны, так и со стороны «духов». Поначалу жили в палатках и землянках, охраняли себя сами. Затем из Союза стали привозить щитовые разборные домики.

И еще одно из впечатлений от первых дней пребывания в Афганистане — это вши. Утром просыпаешься, а по матрасу ползет вошь, это очень неприятно. Спасались от них по-разному: кипятили белье в ведрах, раз в месяц приезжала автомобильная баня, в которой мы мылись. Затем решили построить рядом со взлетным полем свою баню. Начали собирать стройматериал, добывали камни в карьере километрах в пяти от Кабула, и там, в карьере, убило одного парня, кажется, снайпер стрелял. Это была первая и далеко не последняя наша потеря в Афганистане. С постройкой бани жизнь стала веселей, плюс нам стали привозить пропарочные машины, и мы начали выигрывать в борьбе со вшами.

В Афганистане мне присвоили звание сержанта и назначили командиром группы авиавооружения и десантного снаряжения, в подчинении было пять человек. Наша работа заключалась в подготовке вертолета к боевому вылету. Перед вылетом подвешивали блоки с НУРСами (неуправляемые реактивные снаряды), так же обслуживали двуствольные пушки ГШ-23 калибром 23 мм, ленты к ним набивали как вручную, так и специальной машинкой.

В самом начале моей службы в Афгане полк делал много вылетов на уничтожение складов. Когда поступали разведывательные данные об обнаружении в горах склада бандитов, то наши борты вылетали на их уничтожение. Для этих целей подвешивали ПТУРСы (противотанковые управляемые реактивные снаряды). Радиоуправляемая ракета залетала в пещеру и взрывалась внутри, порой от этого даже оседали небольшие возвышенности. Стоит упомянуть и авиабомбы, в основном у нас они были по 100 кг и 250 кг, иногда подвешивали и 500-килограммовые бомбы, но очень редко. «Сотки» и 250-килограммовые авиабомбы подвешивали при помощи лебедки или вручную, причем первые вручную могли подвесить двое, а вторые — только вчетвером. В корпусах бомб были сделаны специальные отверстия с резьбой: два у головки и два у стабилизатора, туда вворачивались куски трубок с резьбой, и бомба поднималась, словно на носилках, со временем эта операция отработалась до автоматизма. Взрыватели у бомб были разные, у 100-килограммовых они были мгновенного действия — прикоснулась к земле и сразу взорвалась, а вот у 250-килограммовых взрыватели в основном стояли с замедлением на определенное время, чтобы получался фугасный взрыв. В хвостовую часть бомбы вставлялся специальный взрыватель, похожий на немецкую гранату-«колотушку» времен Второй мировой: там был шарик и деления, с помощью которых устанавливалось необходимое время замедления. Запомнилась бомботара, на которой стаяла дата изготовления, когда мы впервые увидели год изготовления, то были очень удивлены: бомбы были периода войны, 1943 и 1944 годов выпуска.

Для безопасности боевых вылетов на вертолеты устанавливалась специальная аппаратура, маркировавшаяся как АСО-2В — это термитные тепловые ракеты, температура горения которых три тысячи градусов. При посадке и взлете ракеты отстреливались влево и вправо, что защищало вертолет от ракет с тепловыми головками самонаведения.

— Какой была интенсивность боевых вылетов?

— Все зависело от расстояния до целей. Больше трех вылетов в день никогда не делали, а обычно борт делал один-два боевых вылета. Ночью наши вертолеты не летали.

Экипаж вертолета состоял из трех человек, пилот и штурман были офицеры, бортмеханик — прапорщик. Снизу вертолет защищался бронеплитой, у пилота была бронеспинка. В целом Ми-24 был неплохо защищен, его было не так просто сбить. Вертолеты получали боевые повреждения, но не очень часто. На аэродроме много подразделений и групп, которые следили за состоянием техники. ТЧ — это техническая часть, ВД — вертолетные двигатели, это обозначение группы, следившей за состоянием двигателей Ми-24. Еще были радисты, машина АПА, представлявшая собой большой аккумулятор для запуска вертолета. ТЗ — группа, отвечавшая за заправку. Горючее расходовалось очень быстро. Из Союза приходили колонны бензовозов с соляркой, керосином и бензином. Среди водителей мы постоянно искали земляков, и если кто-то был из Калуги или из Брянска, то уже считался земляком. Но земляков практически не было, один парень из села Барятино и один из Юхнова.

На аэродроме мы практически не были, постоянно перелетали из одного места в другое. Приходил приказ, мы вылетали, например, в Баграм. Там, в Баграме, были свои боевые вертолеты, а наши направлялись на усиление. Вертолеты в течение пары недель совершали боевые вылеты, пока не уничтожали банду или склады. Затем летели обратно к себе в Кабул, затем было немного отдыха, и вновь приказ — летим в Газни. В Газни все повторяется вновь: борты работали, а мы их обслуживали. В Газни жили в заброшенной гостинице, которую построили еще американцы, а по ночам велась стрельба трассерами, было очень опасно. Так «кочевать» нам приходилось постоянно. Снарядили борт боеприпасами, они пошли на задание, и мы часа два отдыхаем, борты прилетели — пополняем боекомплект, они вновь улетают в горы, а мы их ждем.

Бывали с заданием в Джелалабаде. В Бамиане на «точке» не было своих бортов, только наши: прилетели, сделали пару выстрелов и улетели обратно. Мы были молодые, многое было интересно, подходили к командиру экипажа, просились с ним на задание, обычно нам не отказывали. Однажды я полетел на задание с одним из экипажей. На борту был пулемет ручной РПК, вот из него и пришлось мне стрелять по «духам»: когда пролетали над их селением, нас обстреляли, в ответ я открыл дверь и по стрелявшим всадил из пулемета. Правда, я не видел, попал ли в кого-нибудь или нет, но патронов расстрелял немало.

Иногда к нам на аэродром садились борты, которые

прилетали из Союза. А однажды прилетели самолеты, обслуга которых была в гражданке, но с оружием. Пару недель простояли у нас, время было, мы успели познакомиться с ребятами, и в разговоре выяснилось, что прилетели они из Ливии и служат, как и мы, срочную службу. Отработали их борты по целям и улетели, скорее всего, это были ребята из КГБ.

— Вертолеты теряли?

— Потеряли при мне всего один борт. При взлете тепловая ракета попала в вертолет, он упал на взлетную полосу. Летчик и штурман получили незначительные ранения, а вот бортмеханик погиб. Запасной двигатель сорвался, а их у Ми-24 два, и придавил прапорщика, жуткая картина: кишки вылезли, лицо от боли перекошенное, все вокруг в крови, я такое видел впервые, даже сейчас, по прошествии времени, у меня мурашки по телу от воспоминаний.

И еще один борт загорелся после минометного обстрела, но это уже было у соседей. Вертолет был Ми-8МТ, начали его тушить, а рядом на стоянке лежали бомбы, хотя и без взрывателей, но все равно было как-то страшновато, мы откатили их подальше от огня.

А вскоре война пошла другая. Банды и оружие пошли через Пакистан, американцы стали помогать бандитам деньгами и оружием. «Духи» и наемники стали воевать намного активней.

Я уходил на дембель 15 мая 1982 года, разговоры тогда были всякие, говорили и о девяти тысячах погибших. Если верить этой цифре, то к 1989 году, когда вывели наши войска, цифра в 13 тысяч погибших, по логике вещей, должна быть больше. Но это только мои предположения.

— С местными общались?

— Мы не очень активно общались с местными. Помню, как на годовщину Апрельской революции мы сажали деревья в центре Кабула. Были мирные жители, солдаты армии ДРА и мы — все вместе высаживали деревья в Парке Дружбы или Революции. И один раз я присутствовал при разговоре, когда наш солдат, узбек по национальности, разговаривал с их солдатом. Потом он мне перевел их разговор. Узбек спросил у афганца, чем тот думает заниматься после службы, а тот ответил, что пойдет в горы, к душманам, заработает денег и купит себе жену. Жили там бедно, детишки какие-то грязные бегают, речка протекала в Кабуле — одна грязь, а те в ней купаются. Молодежь, правда, была уже посовременнее, стали появляться на улицах девушки без паранджи. Наши специалисты построили им современные дома

из кирпича, кирпичный завод, отдали много техники.

Наркотиков там было очень много. Я даже видел, как их собирают: обливают водой лошадь, и проводят ее по цветущему полю конопли, а потом скатывают эту пыльцу с тела. На их языке наркотик — это «чарз». Многие местные постоянно ходили «под кайфом».

— Дедовщина в части была?

— Нет, дедовщины у нас как таковой не было. Если ты молодой, то нагрузки больше бывает: ходишь в наряды, уборка, в караул.

— Чем обогревались в зимнее время?

— В Афганистане зимой снега нет, но сильные ветра и песчаные бури. А обогревались мы таким интересным устройством, которое называется «Паларис». Это труба диаметром 100 мм, метра в полтора высотой, в которой насверлены дырки. Туда заливалась солярка, горевшая внутри трубы. Тяга хорошая, труба раскалялась докрасна и гудела, оставалось только посматривать, чтобы не было пожара.

— За участие в боевых действиях в Афгане имеете награды?

— Награды у меня такие же, как у большинства ветеранов войны в Афганистане. «Воину-интернационалисту», «От афганского народа» и юбилейные медали. Всю мою группу представляли к наградам: двоих к ордену Красной Звезды, троих к медали «За отвагу» и одного к медали «За боевые заслуги». Но никто своей награды не получил, скорее всего, затерялись наши наградные.

— Сегодня встречаетесь с ветеранами Афганистана?

— Поначалу встречались каждый год, а сейчас намного реже. Я часто вспоминаю время службы в Афгане, порой он мне снится. На встречах общаюсь с ребятами, которые были там позже меня. Я считаю, что в начале войны мне и моим товарищам было полегче, чем тем, кто служил там после нас.

Приложения

Приложение 1
П А М Я Т К А
Воину Советской Армии

Советский воин!

Находясь на территории Афганистана, помни, что ты являешься представителем страны, которая протянула руку помощи народам этой страны в борьбе против империализма и внутренней реакции. Советский Союз, руководствуясь узами дружбы между нашими странами, по просьбе правительства Демократической Республики Афганистан пришел на помощь братскому афганскому народу. Эта помощь оказывается в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 1978 года.

Будь же достоин той великой исторической миссии, которую возложила на тебя наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик. Помни, солдат, что по тому, как ты будешь вести себя в этой стране, афганский народ будет судить о всей Советской Армии, о нашей великой Советской Родине.

Афганистан — государство Среднего Востока: его площадь — 655 тыс. кв. км; население — свыше 15 млн. Страну населяют афганцы (или пуштуны), таджики, узбеки, хазарейцы, туркмены и др.

В настоящее время все народы под руководством Народно-демократической партии Афганистана взялись за строительство нового общества, руководствуясь принципами научного социализма.

Советский воин!

Находясь в Афганистане, помни всегда, что ты воин-интернационалист. Уважай чувство национального достоинства всех народов, населяющих Афганистан. В разговорах с афганцами не противопоставляй одну национальность другой, ибо это может оскорбить их национальное достоинство и вызвать недоброжелательное отношение к Советской Армии.

Не забывай, что большинство населения страны очень религиозно. Веками быт, нравы и традиции народов Афганистана складывались под влиянием религии ислама.

Советский воин!

Уважай чужие обычаи, если даже ты с ними не согласен; не оскорбляй то, что афганцы почитают святым. Не посещай без военной необходимости мечети, гробницы, кладбища. Не устраивай стоянок, привалов в районе религиозных сооружений.

Не мешай мусульманину во время молитвы (намаза). Не подходи к молящимся, не насмехайся над ними.

Приложение 2

Из уст ветеранов часто слышны упреки в адрес тыловых служб 40-й армии. Одни жалуются на скудный рацион питания и недостаток пригодной для питья воды, другие — на несоответствовавшую требованиям горной местности экипировку. Поэтому не будет лишним привести документ, наглядно иллюстрирующий, какие проблемы со снабжением возникали в Ограниченном контингенте советских войск в Афганистане и какими путями они решались.

Доклад генерал-полковника Николая Рожкова заместителю министра обороны — начальнику тыла Вооруженных сил СССР генералу армии С.К. Куркоткину довольно ярко отражает обозначенные проблемы, вставшие перед 40-й армией, поэтому мы считаем необходимым процитировать документ в полном объеме:

«ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ОБОРОНЫ —
НАЧАЛЬНИКУ ТЫЛА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР
Генералу армии
товарищу Куркоткину С.К.

Докладываю:

По состоянию на 25 ноября с.г. в 40 А запасы материальных средств характеризуются следующими данными:

По горючему:

Накоплено — автомобильного бензина 6,5 заправок, или 16 250 т.

Недостает — 1,1 заправки, или 2750 т;

— дизельного топлива — 7,2 заправок, или 14 400 т.

Недостает — 0,3 заправки, или 600 т;

— авиационного топлива Т-1–23,3 заправок или 16 300 т.

Недостает — 6,7 заправок или 4 690 т.

Всего недостает 8000 т. Имеется свободной резервуарной емкости с учетом аренды у ДРА — 16 300 м3, что позволяет разместить установленные запасы.

По продовольствию.

Принятыми мерами обеспеченность продовольствием, по данным армии, с учетом заготовки картофеля, лука, моркови и свеклы, доведена до 68 суточных дач. Однако проверка на местах показывает, что имеет место большая неравномерность

обеспечения и малый ассортимент. Так, обеспеченность сыром голл. равна 490 сутодач, сухофруктами — более 300 сутодач, но совершенно отсутствует и практически не поступает на довольствие масло растительное, мало масла коровьего и жира животного, заменяемых салом шпиг. Беден ассортимент круп и макаронных изделий. Отсутствуют сухари ржаные. Обеспечение хлебом производится прямо из печей — на прием пищи. Суточного переходящего запаса хлеба в частях нет, и, ввиду отсутствия сухарей и резерва производственных мощностей, создать его в настоящее время возможностей не представляется.

Картофель поступил с большой примесью земли, мокрый, а часто и гнилой. Поэтому отходы очень большие, 30–40 %. Соленые огурцы, помидоры и квашеная капуста в армию еще не завезены. Питание личного состава организовано удовлетворительно.

Построено 58 овощехранилищ на 9150 т, что полностью обеспечивает сегодняшнюю потребность армии. Но в отдельных гарнизонах строительство овощехранилищ не закончено и имеют место перебои в обеспечении картофелем и овощами.

Медицинским имуществом армия обеспечена на 4-месячную потребность и 12 тысяч раненых.

Вещевым имуществом по зимнему плану войска обеспечены полностью. По дополнительному плану и на покрытие утерянного имущество поступило почти полностью. Моющими средствами обеспеченность составляет 2-месячную потребность. Имеются запасы в размере 3,0 тыс. комплектов обмундирования, 9,0 тыс. комплектов белья и 16,0 тыс. пар обуви.

Недостает простыней — 34 тыс. шт., наволочек — 29,5 тыс., матрацев — 1,0 тыс. шт., одеял байковых — 1,1 тыс. шт., шинелей солдатских — 3,0 тыс. шт., шапок солдатских — 4,2 тыс. шт., фляг алюминиевых для обеспечения второй флягой участников рейдов порядка 20 тыс. штук.

Ввиду плохо поставленного учета, трудно сейчас установить истинное наличие имущества в подразделениях и его состояние. Ремонт вещевого имущества в войсках практически не проводится, а личный состав полковых мастерских используется в качестве рабочих команд на складах, на обслуживании малогабаритных прачечных и других работах. Состояние шинелей, шапок-ушанок и ватных курток в большинстве своем неудовлетворительное.

Техникой тыла армия укомплектована на 85 % при среднем

КТГ 08. Техника тыла эксплуатируется на износ, особенно транспорт подвоза, кухни походные всех марок и хлебопекарные печи (эксплуатируются в две смены). Ремонт кухонь после рейдов не производится. Из-за отсутствия резервных очажных и прицепных кухонь на стационаре постоянно используются ПАК-170 и ПАК-200.

Лумзы и Алки используются для круглосуточного охлаждения, и агрегаты часто выходят из строя. Необходим специальный транспорт типа АТЗ для подвоза масла растительного. Желательно увеличить количество столовых ПП-150 для обеспечения лечебных учреждений и штабов. Мало штатных банно-прачечных пунктов. Грузовые автомобили пунктов питания для перевозки продовольствия и имущества не оборудованы. Автотранспорт подвоза не обеспечен цепями противоскольжения. В войсках нет ни одного ПЗП.

Подвоз материальных средств.

В армии сложилась устойчивая система подвоза материальных средств. Всего для подвоза материальных средств, топлива и строительных материалов войскам привлечено 2451 автомобиль и 969 прицепов с общей грузоподъемностью 15 367 т, в том числе 7772 т по сухогрузам и 7595 т по наливу.

Учитывая, что на один рейс Кушка — Шинданд, Термез — Пули-Хумри, Термез — Кундуз и Пули-Хумри — Кабул затрачивается по 4 суток, Термез — Кабул — 7, а Кушка — Кандагар, Термез — Джелалабад и Термез — Газни по 9 суток, то имеющийся автомобильный транспорт способен обеспечить среднесуточный подвоз в пределах 1600–1650 т при среднесуточном расходе материальных средств в 1700 т. В связи с этим для обеспечения подвоза и накопления запасов до 2,5-месячной потребности требуется усиление округа и армии автомобильным транспортом до 2 автомобильных батальонов. Необходимо добиваться повышения КИГ, особенно при перевозке строительных материалов и имущества КЭЧ.

Одним из путей повышения производительности автотранспорта на Кушкинском направлении может стать создание условий для залива автотранспорта на территории ДРА.

Опыт эксплуатации трубопровода Термез — Хайратон — Пули-Хумри показывает, что, несмотря на совершаемые диверсии на его трассе, по нему подано свыше 56,0 тыс. т авиационного керосина. Это значительно облегчило задачу обеспечения авиации топливом, хотя в результате более 150 диверсий (в т. ч. 68 пожаров) потеряно около 5000 т Т-1.

Нуждается в совершенствовании организация управления

движением колонн с материальными средствами, обеспечение безопасности их на маршрутах, а также охрана ПМТ-150. Предложения по этим вопросам разработаны и направлены в округ, но реализуются они медленно. Необходимое количество командно-штабных машин Р-145 БМ (9 шт.), радиостанций Р-142 (20 шт.) и «Ромашка» и (80 шт.) для укомплектования колонн еще не выделены. Диспетчерские посты в Герате, Шинданде, Кандагаре, Кундузе, Айбаке и Ташкургане не развернуты.

В этих же целях предлагается в обмо дивизий сформировать взводы связи вместо отделений связи в составе 5 радиостанций Р-142 и одной Р-140, а в БрМО создать роту связи, в состав которой ввести взвод связи диспетчерских пунктов (8 автомобильных радиостанций Р-142 и переносные радиостанции КВ и УКВ диапазонов типа «Ромашка» для связи с вертолетами.).

Перевалочные базы в основном обеспечивают своевременную отправку материальных средств в войска. Имеет место неритмичность подачи на перевалочные базы отдельных видов материальных средств из центральных окружных баз и заводов промышленности.

Техника, отправленная на перевалочные базы на платформах и в полувагонах, прибывает, как правило, разукомплектованной.

Переходящих запасов в наружной номенклатуре и ассортименте на складах перевалочных баз не бывает, поэтому заявки армии не удовлетворяются и появляется дефицит тех или иных материальных средств. Учитывая особые условия ДРА и трудности обеспечения группировки наших войск, было бы целесообразным наделить перевалочные базы функциями временного хранения и обеспечения войск материальными средствами в полной номенклатуре и ассортименте. Для этого на складах баз должны содержаться материальные средства в полном ассортименте из расчета обеспечения не менее односуточной потребности войск данного направления.

Одобренная Вами в принципе идея комплексного и комплектного снабжения практического разрешения не находит. Все запасы идут «россыпью». Представляется, что продовольствие должно поступать с баз поставщиков и окружных (центральных) складов на склады перевалочных баз, где штатные команды должны комплектовать батальонные эталоны на мотострелковый, танковый б-ны, артиллерийский дивизион в полном ассортименте и направлять их на обеспечение войск. То же касается и других видов снабжения.

Настоятельно требует решения вопрос улучшения тары для упаковки продовольствия в первую очередь, так как

существующая тара не выдерживает больших расстояний перевозок по горным дорогам, продукты рассыпаются, появляются большие потери.

Все погрузочно-разгрузочные работы на армейских и войсковых складах проводятся вручную. Табельные средства в полевых условиях малоэффективны и их недостаточно. Контроль качества горючего, хлеба и продуктов затруднен из-за отсутствия штатных лабораторий на армейских и дивизионных складах и хлебопекарнях.

Потери техники тыла и материальных средств на 15 ноября составили:

а) по службе горючего: 133 ед. средств заправки и транспортировки горючего; 12 ед. средств перекачки, 5 резервуаров МР-25, 107 т горючего и 4,7 т жидкого МР-40;

б) по автотранспорту подвоза: 155 автомобилей, из них 101 наливные и 15 прицепов;

в) по продовольственной службе: 92 ед. технических средств, 388 шт. термосов 12– и 36-литровых и продовольствия на 35 тыс. рублей;

г) по медицинской службе: 16 ед. техники и медицинского имущества на 500 раненых;

д) по вещевой службе: имущества на 241 тыс. рублей, в том числе шапок-ушанок солдатских 2716 шт., простыней 12 505 шт., одеял байковых — 712 шт., обмундирования солдатского хлопчатобумажного — 3205 компл., котелков — 3966 шт., фляг алюминиевых — 1741 шт., шлемов стальных — 1167 шт. и др. имущество.

Учет боевых потерь, оформление их списания и представление донесений по потерям организованы с большими упущениями и недостатками. Восполнение боевых и иных потерь производится несвоевременно.

Охрана и оборона тыловых частей и учреждений, автоколонн, ПМТ, автодорог и искусственных сооружений на них требует к себе иного подхода, чем это было ранее.

Удары противника по коммуникациям, его грамотные действия по нарушению материально-технического снабжения и захвату материальных средств для обеспечения своих нужд требуют от офицеров тыла умения организовывать и вести бой по отражению нападения диверсионных групп силами личного состава транспортных подразделений и выделенных для охраны и сопровождения мотострелковых и танковых подразделений. Офицеры тыла должны уметь осуществлять целеуказание и наведение вертолетов огневой поддержки для прикрытия колонн с воздуха.

В автомобильных подразделениях следует увеличить количество пулеметов, на крышах кабин иметь крепления для пулеметов и люки для ведения огня из них.

Полагаю, что есть необходимость внести соответствующие изменения и дополнения в программы тактической подготовки в вузах тыла.

В штабе 40 А следует вести журнал боевых действий тыловых частей, учреждений и подразделений, обобщать характер и тактику действий своих подразделений и противника и представлять в Штаб Тыла ВС СССР.

Некоторые вопросы обеспечения боевых действий.

Эвакуация раненых производится из района ранения с использованием вертолетов, если они по условиям боевой обстановки и местности могут приземлиться, и наземная с применением средств — санитарных лямок и плащ-накидок. Специальных средств эвакуации в горах (канатная дорога со всеми ее элементами) и приспособлений для эвакуации вертолетами с зависания в армии нет, и поэтому эти способы не осваиваются и не изучаются. Санитарные самолеты штатного медицинского персонала не имеют, и медсостав содержится за счет лечебных учреждений в ущерб их деятельности. Штатных эвакоприемников на аэродромах нет, а в некоторых местах, например, на аэродроме Какайды, он очень нужен.

Транспортеры переднего края Луаз для эвакуации раненых не применяются, так как имеют плохую проходимость и легко уязвимы от огня противника и на практике заменяются бронетранспортерами. Нужно иметь ТПК на гусеничном ходу с броневой защитой раненых и водителя.

Стал проблемным вопрос мытья и дезинфекции санитарных носилок после поступления раненых в госпитали и медсанбаты. Нужно разработать состав и оснащение такого пункта, узаконить его как одно из подразделений медицинского пункта (учреждения).

Действия войск на отдельных направлениях мелкими подразделениями в отрыве от батальонного транспорта на территории ДРА являются основным видом боевых действий. В этих условиях личный состав стремится взять с собой как можно больше боеприпасов (до 3 бк) за счет всего другого, даже воды и продовольствия. Однако разместить боеприпасы он может только в вещевом мешке, который для этого не предназначен и мало пригоден. В этой связи в войсках все больше высказываний за разработку полевого обмундирования и снаряжения, позволяющего равномерно распределить на организм нагрузку

боевой выкладки, не стесняющего движения и позволяющего за счет карманов иметь на определенных местах индивидуальный перевязочный пакет (пакеты), аптечку, сигнальные патроны и т. д. Основой для разработки такого комплекта полевого обмундирования может стать образец специальной одежды хаки для танкистов, которые в условиях ДРА использовались генералами и офицерами в качестве полевого обмундирования и пользовались большим спросом. Необходимо, чтобы цвет полевого обмундирования обеспечивал хорошие маскирующие свойства.

Чтобы избежать бликов от шлемов стальных, желательно применять или специальную краску, не дающую отблесков, или разработать и ввести в нормы снабжения сетку-чехол на шлем.

Проблемными стали вопросы подачи личному составу ведущих бой подразделений воды, горячей пищи и боеприпасов. Вертолеты Ми-8 на высоте 2,5 тыс. метров и более зависать по техническим возможностям не могут. Поэтому термосы с пищей, водой и ящики с боеприпасами сбрасывались с полета на возможно малой высоте и обычно разбивались о камни. Иногда и по погодным условиям вертолеты для подачи материальных средств использованы быть не могут. Часто местность исключает посадку вертолетов. В таких случаях в условиях ДРА подача иногда практиковалась за счет использования гужевого транспорта местного населения или за счет носильщиков — местных жителей мужского пола, привлеченных для выполнения этой задачи.

Одним из направлений решения этой проблемы может явиться разработка малогабаритных, легко развариваемых бульонов, прессованных хлебных брикетов и других малогабаритных наборов, берущихся с собой для временного обеспечения жизнедеятельности в таких условиях боевой обстановки.

Для обеззараживания воды необходимо быстродействующее надежное средство, которое в отличие от пантацида не нарушало бы вкусовых качеств воды.

* * *

В настоящее время 40-я армия в целом достаточно полно обеспечена материальными средствами. Поставками по основному и дополнительному планам покрыты все ее потребности, в том числе и образовавшиеся в результате бесконтрольности и бесхозяйственности.

Сейчас нормальная жизнедеятельность войск армии упирается в отсутствие квалифицированного руководства тыловым обеспечением как со стороны ТуркВО, так и армии.

Поверхностное знание истинного положения дел на местах, отсутствие порядка в учете, хранении и расходовании материальных средств, помноженное на слабый контроль, низкую исполнительность и требовательность, создают предпосылки к расхищению и утратам материальных средств, допускаются серьезные упущения в организации солдатского быта, в питании личного состава, поддержании опрятного внешнего вида и др. вопросах.

Слабо поставлено изучение опыта тылового обеспечения боевых действий, упускаются благоприятные условия для исследования ряда вопросов медицинского обеспечения.

Есть возможность в реальных условиях боевой обстановки выработать основные принципы, формы и способы действий при отражении нападения противника на автомобильные колонны, в процессе перевозок выработать тактику действий при отражении противника, активно воздействующего на коммуникации с целью нарушения материально-технического снабжения. Сейчас организатором боя является командир взвода — роты, выделенных для охраны колонны. Вряд ли это верно.

Представляется, что должны быть разработаны тематические задания по наиболее актуальным вопросам и работать над ними должны исследовательские группы округа и армии, а если надо, то и в центральных управлениях. Рассчитывать на инициативу округа или армии не приходится.

Целесообразно было бы организационно обеспечить возможность практического претворения в жизнь идеи комплексного и комплектного снабжения для обеспечения войск.

Следует еще раз вернуться к проблеме механизации погрузочно-выгрузочных работ на войсковых и армейских складах в полевых условиях, так как эта задача еще далека от своего решения.

В период отмобилизования войск 40 А и завода их на территорию ДРА техника тыла, хранившаяся в НЗ и оказавшаяся негодной для использования по техническому состоянию, была заменена за счет других складов, госпиталей и др. учреждений, а вместо изъятой у них в НЗ поставлена неисправная. Поскольку документально такие замены не оформлялись, то есть острая необходимость провести полную проверку техники с ее практическим опробыванием.

Докладываю на Ваше решение.

Генерал-полковник Н. Рожков

«26» ноября 1980 года» [5]

notes

Примечания

1

Х/Ф «Чистилище», реж. А.Г. Невзоров, 1997 г.

2

Хадамат-э Амниййат-э Давлати — Служба государственной безопасности Демократической Республики Афганистан.

З

Мироненко Александр Григорьевич — гвардии старший сержант ВДВ, заместитель командира взвода разведывательной роты отдельного 317-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. 29 февраля 1980 г. в районе селения Асмар провинции Кунар подорвал себя гранатой вместе с противником. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. посмертно удостоен звания Героя Советского Союза (медаль № 11437). Приказом Министра обороны СССР от 12 августа 1980 года навечно зачислен в списки личного состава 103-й воздушно-десантной дивизии.

4

Чепик Николай Петрович — заместитель командира инженерно-саперного взвода 317-го гвардейского парашютно-десантного полка, гвардии старший сержант ВДВ. В бою у селения Шинкорак провинции Кунар 29 февраля 1980 г. был ранен в ногу и окружен моджахедами. Чтобы не попасть в руки врага живым, он взорвал мину, от осколков которой героически погиб, уничтожив несколько десятков врагов. Указом Президиума Верховного Совета от 28 апреля 1980 г. за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза (медаль № 11439).

5

Архив Автотранспортной службы МО СССР. Д. 037, С. 84–96.